

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

2033

Метро

Дмитрий Глуховский

Метро 2033

«АСТ»

2005

Глуховский Д. А.

Метро 2033 / Д. А. Глуховский — «АСТ», 2005 — (Метро)

Двадцать лет спустя Третьей мировой войны последние выжившие люди прячутся на станциях и в туннелях московского метро, самого большого на Земле противоатомного бомбоубежища. Поверхность планеты заражена и непригодна для обитания, и станции метро становятся последним пристанищем для человека. Они превращаются в независимые города-государства, которые соперничают и воюют друг с другом. Они не готовы примириться даже перед лицом новой страшной опасности, которая угрожает всем людям окончательным истреблением. Артем, двадцатилетний парень со станции ВДНХ, должен пройти через все метро, чтобы спасти свой единственный дом – и все человечество. «Метро 2033» – культовый роман-антиутопия, один из главных российских бестселлеров нулевых. Переведен на 37 иностранных языков, заинтересовал Голливуд, превращен в атмосферные компьютерные блокбастеры, породил целую книжную вселенную и настоящую молодежную субкультуру во всем мире.

© Глуховский Д. А., 2005

© АСТ, 2005

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дмитрий Глуховский

Метро 2033

© Д.А. Глуховский, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Дмитрий Глуховский, 2007. *Фото Игоря Мухина*

* * *

Дорогие москвичи и гости столицы!
Московский метрополитен – транспортное предприятие,
связанное с повышенной опасностью.
Объявление в вагоне метро

Тот, у кого хватит храбрости и терпения всю жизнь
вглядываться во мрак, первым увидит в нем проблеск света.
Хан

Глава 1

Край света

– Кто это там? Эй, Артем! Глянь-ка!

Артем нехотя поднялся со своего места у костра и, перетягивая автомат со спины на грудь, двинулся во тьму. Стоя на самом краю освещенного пространства, он демонстративно, как можно громче и внушительней, щелкнул затвором и хрипло крикнул:

– Стоять! Пароль!

Из темноты, откуда минуту назад раздавались странный шорох и глухое бормотание, послышались спешные, дробные шаги. Кто-то отступал вглубь туннеля, напуганный сиплым Артемовым голосом и бряцанием оружия. Артем спешно вернулся к костру и бросил Петру Андреевичу:

– Да нет, не показалось. Не назвался, удрал.

– Эх ты, раззява! Тебе же было сказано: не отзываются – сразу стрелять! Откуда тебе знать, кто это был? Может, это черные подбираются!

– Нет... Я думаю, это вообще не люди... Звуки очень странные... Да и шаги у него не человеческие. Что же я, человеческих шагов не узнаю? А потом, если бы это были черные, разве они хоть раз вот так убегали? Вы же сами знаете, Петр Андреевич, в последнее время черные вперед сразу бросаются – и на дозор нападали уже с голыми руками, и на пулемет шли в полный рост. А этот удрал сразу... Какая-то трусливая тварь.

– Ладно, Артем! Больно ты умный! Есть у тебя инструкция – и действуй по инструкции, а не рассуждай. Может, это лазутчик был. Увидел, что нас здесь мало, и – превосходящими силами... Может, нас сейчас здесь прихлопнут за милую душу, ножом по горлу, и станцию всю вырежут вон, как с Полежаевской вышло, а все потому, что ты вовремя не срезал гада... Смотри у меня! В следующий раз по туннелю за ними бегать заставлю!

Артем поежился, представляя себе туннель за семисотым метром. Страшно было даже помыслить о том, чтобы показаться там. За семисотый метр на север не отваживался ходить никто. Патрули доезжали до пятисотого и, осветив пограничный столб прожектором с дрезины, убедившись, что никакая дрянь не переползла за него, торопливо возвращались. Разведчики, здоровые мужики, бывшие морские пехотинцы, и те останавливались на шестьсот восьмидесятом, прятали горящие сигареты в ладонях и замирали, прильнув к приборам ночного видения. А потом медленно, тихо отходили назад, не спуская глаз с туннеля и ни в коем случае не поворачиваясь к нему спиной.

Дозор, в котором они сейчас стояли, находился на четыреста пятидесятом, в пятидесяти метрах от пограничного столба. Но граница проверялась раз в день, и осмотр закончился уже несколько часов назад. Теперь их пост был крайним, а за часы, прошедшие со времени последней проверки, твари, которых патруль мог спугнуть, наверняка снова начали подползать. Тянуло их на огонек, поближе к людям...

Артем уселся на свое место и спросил:

– А что там с Полежаевской случилось?

И хотя он уже знал эту леденящую кровь историю – рассказывали челноки на станции, его тянуло послушать ее еще раз, как неудержимо тянет детей на страшные байки о безголовых мутантах и упырях, похищающих младенцев.

– С Полежаевской? А ты не слышал? Странная история с ними вышла. Странная и страшная. Сначала у них разведчики стали пропадать. Уходили в туннели и не возвращались. У них, правда, салаги разведчики, не то что наши, но у них ведь и станция поменьше, и народу там не столько живет... Жило. Так вот, стали, значит, у них пропадать разведчики. Один отряд

ушел – и нет его. Сначала думали, задержало его что-то, у них там еще туннель петляет, совсем как у нас, – Артему стало не по себе при этих словах, – и ни дозорам, ни тем более со станции ничего не видно, сколько ни свети. Нет их и нет, полчаса нет, час нет, два нет. Казалось бы, где там пропасть – всего ведь на километр уходили, им запретили дальше идти, да они и сами не дураки... В общем, так и не дождалось, послали усиленный дозор, те искали, искали, кричали, кричали – все зря. Нету. Пропали разведчики. И ладно еще, что никто не видел, что с ними случилось. Плохо, что слышно ничего не было... Ни звука. И следов никаких.

Артем уже начал жалеть, что попросил Петра Андреевича рассказать о Полежаевской. Тот был то ли лучше осведомлен, то ли сам что-то додумывал, только рассказывал он такие подробности, какие и не снились челнокам, уж на что те были мастера и любители рассказать байку. От подробностей этих мороз шел по коже и неуютно становилось даже у костра, а любые, пусть и совсем безобидные шорохи из туннеля будоражили воображение.

– Ну, так вот. Стрельбы слышно не было, те и решили, что разведчики, наверное, ушли от них – недовольны, может, чем-то были и сбежали. Ну, и шут с ними. Хотят легкой жизни, хотят со всяким отребьем мотаться, с анархистами всякими, пусть себе мотаются. Так проще было думать. Спокойнее. А через неделю еще одна разведгруппа пропала. Те вообще не должны были дальше полукилометра от станции отходить. И опять та же история. Ни звука, ни следа. Как в воду канули. Тут на станции забеспокоились. Это уже непорядок, когда за неделю два отряда исчезают. С этим уже надо что-то делать. Меры, значит, принимать. Ну, они выставили на трехсотом кордон. Мешков с песком натаскали, пулемет установили, прожектор – по всем правилам фортификации. Послали на Беговую гонца – у них с Беговой и с Улицей 1905 года конфедерация. Раньше Октябрьское Поле тоже было с ними, но потом там что-то случилось, никто не знает точно что, авария какая-то: жить там стало нельзя, и оттуда все разбежались, ну, да это неважно. Послали они на Беговую гонца – предупредить, мол, творится что-то неладное, и о помощи попросить в случае чего. Не успел первый гонец до Беговой добраться, дня не прошло – те еще ответ обдумывали, – прибегает второй, весь в мыле, и рассказывает, что их усиленный кордон погиб поголовно, не сделав ни единого выстрела. Всех перерезали. И словно во сне зарезали – вот что страшно-то! А ведь они и не смогли бы заснуть после пережитого страха, не говоря уж о приказах и инструкциях. Тут на Беговой поняли, что, если ничего не сделать, скоро та же петрушка и у них начнется. Снарядили ударный отряд из ветеранов – около сотни человек, пулеметы, гранатометы... Времени, конечно, это заняло порядком, дня полтора, но все же отправили группу на помощь. А когда та вошла на Полежаевскую, там уже ни одной живой души не было. И тел не было – только кровь повсюду. Вот так вот. И черт знает, кто это сделал. Я вот не верю, что люди вообще на такое способны.

– А с Беговой что случилось? – не своим голосом спросил Артем.

– Ничего с ними не случилось. Увидели такое дело и взорвали туннель, который к Полежаевской вел. Там, я слышал, метров сорок засыпано, без техники не разгрестишь, да и с техникой-то, пожалуй, не очень... А где ее возьмешь, технику? Она уже лет пятнадцать как сгнила, техника-то...

Петр Андреевич замолчал, глядя в огонь. Артем кашлянул негромко и проговорил:

– Да... Надо, конечно, было стрелять... Дурака я сваял.

С юга, со стороны станции, послышался крик:

– Эй там, на четыреста пятидесятом! У вас все в порядке?

Петр Андреевич сложил руки рупором и прокричал в ответ:

– Подойдите поближе! Дело есть!

Из туннеля, от станции, светя карманными фонарями, к ним приближались три фигуры, наверное, дозорные с трехсотого метра. Подойдя к костру, они потушили фонари и присели рядом.

– Здорово, Петр! Это ты здесь? А я думаю, кого сегодня на край света отправили? – произнес старший, улыбаясь и выбивая из пачки папиросу.

– Слушай, Андрюха! У меня парень видел здесь кого-то. Но выстрелить не успел... В туннель спряталось. Говорит, на человека похоже не было.

– На человека не похоже? А как выглядит-то? – обратился Андрей к Артему.

– Да я и не видел... Я только спросил пароль, и оно сразу обратно бросилось, на север. Но шаги не человеческие были – легкие и очень частые, как будто у него не две ноги, а четыре...

– Или три! – подмигнул Андрей, сделав страшное лицо.

Артем поперхнулся, вспомнив истории о трехногих людях с Филевской линии, где часть станций лежала на поверхности и туннель шел совсем неглубоко, так что защиты от радиации не было почти никакой. Оттуда и расплзлась по всему метро трехногая, двухголовая и прочая дрянь.

Андрей затянулся папиросой и сказал своим:

– Ладно, ребята, если мы уже пришли, то почему бы здесь не посидеть? Если у них тут опять трехногие ползут, поможем. Эй, Артем! Чайник есть у вас?

Петр Андреевич встал сам, налил в битый, закопченный чайник воды из канистры и повешил его над огнем. Через несколько минут чайник загудел, закипая, и от этого звука, такого домашнего и уютного, Артему стало теплее и спокойнее. Он оглядел сидящих вокруг костра людей: все крепкие, закаленные непростой здешней жизнью, надежные люди. Таким можно было верить, на них можно было положиться. Их станция всегда слыла одной из самых благополучных на всей линии – и все благодаря собравшимся тут и таким, как они. Всех их связывали теплые, почти братские отношения.

Артему было уже за двадцать, на свет он появился еще там, наверху, и был не такой худой и бесцветный, как все родившиеся в метро, не осмеливавшиеся никогда показываться на поверхности, опасаясь не только радиации, но и испепеляющих, губительных для подземной жизни солнечных лучей. Правда, Артем и сам в сознательном возрасте бывал наверху всего раз, да и то только на мгновение – радиационный фон там был такой, что чрезмерно любопытные изжаривались за пару часов, не успев нагуляться вдоволь и насмотреться на диковинный мир, лежащий на поверхности.

Отца своего он не помнил совсем. Мать была рядом с ним до пятилетнего возраста, и жили они на Тимирязевской. У них все было хорошо, и жизнь текла ровно и спокойно, пока Тимирязевская не пала под нашествием крыс.

Огромные, серые, мокрые крысы хлынули однажды безо всякого предупреждения из одного из темных боковых туннелей. Он нырнул в сторону незаметным ответвлением от главного северного перегона и спускался на большие глубины, чтобы затеряться в сложном переплетении сотен коридоров, в лабиринтах, полных ужаса, ледяного холода и отвратительного смрада. Туннель этот уходил в царство крыс, место, куда не решился бы ступить самый отчаянный авантюрист. Даже заблудившийся и не разбирающийся в подземных картах и дорогах скиталец, остановившись на его пороге, чутьем определил бы черную, жуткую опасность, исходившую оттуда, и шарахнулся бы от зияющего провала входа, как от ворот зачумленного города.

Никто не тревожил крыс. Никто не спускался в их владения. Никто не осмеливался нарушить их границ.

Но они пришли сами.

Много народу погибло в тот день, когда живым потоком гигантские крысы, такие большие, каких никогда не видели ни на станции, ни в туннелях, затопили и выставленные кордоны, и станцию, погребая под собой ее защитников и население, заглушая массой своих тел их предсмертные вопли. Пожирая все на своем пути: и мертвых, и живых людей, и своих убитых собратьев – слепо, неумолимо, движимые непостижимой человеческому разуму силой, крысы рвались вперед, все дальше и дальше.

В живых остались всего несколько человек. Не женщины, не старики и не дети – никто из тех, кого обычно спасают в первую очередь, а пятеро здоровых мужчин, сумевших опередить смертоносный поток. И только потому обогнавших его, что стояли с дрезиной на дозоре в южном туннеле. Заслышав крики со станции, один из них бегом бросился проверять, что случилось. Тимирязевская уже гибла, когда он увидел ее в конце перегона. Уже на входе он понял по первым крысиным ручейкам, просочившимся на перрон, что случилось, и повернул было назад, зная, что ничем больше не сможет помочь тем, кто держит оборону станции, как вдруг сзади его схватили за руку. Он обернулся, и женщина, с искаженным от страха лицом тянувшая его настойчиво за рукав, крикнула, пытаясь пересилить многоголосый хор отчаяния:

– Спаси его, солдат! Пожалей!

Он увидел, что протягивает она ему детскую ручонку, маленькую пухлую ладонь, и схватил эту ладонь, не думая, что спасает чью-то жизнь, а потому, что его назвали солдатом и попросили пожалеть. И, таща за собой ребенка, а потом и вовсе схватив его под мышку, рванул наперегонки с первыми крысами, наперегонки со смертью – вперед, по туннелю, туда, где ждала дрезина с товарищами по дозору. Уже издалека, метров за пятьдесят, он закричал им, чтобы заводили. Дрезина у них была моторизованная, одна на десять ближайших станций такая, и только поэтому они смогли обогнать крыс. Дозорные мчались вперед и на скорости пролетели заброшенную Дмитровскую, на которой ютились несколько отшельников, успев бросить им: «Бегите! Крысы!» – но понимая, что те уже не успеют спастись. Подъезжая к кордонам Савеловской, с которой у них, слава богу, было в тот момент мирное соглашение, они уже заранее сбавляли темп, чтобы при такой скорости их не расстреляли на подступах, приняв за налетчиков, и изо всех сил кричали дозорным: «Крысы! Крысы идут!» Они готовы были продолжать бежать через Савеловскую и дальше, дальше по линии, умоляя пропустить их вперед, пока есть куда бежать, пока серая лава не затопит все метро.

Но, к их счастью, оказалось на Савеловской нечто, что спасло и их, и станцию, а может, и всю Серпуховско-Тимирязевскую ветку: они еще только подъезжали, взмыленные, крича дозорным о смерти, которую им удалось ненадолго опередить, а те уже спешили, расчехляли на своем посту какой-то внушительный агрегат.

Это был огнемёт, собранный местными умельцами из найденных частей, кустарный, но невероятно мощный. Как только показались передовые крысиные отряды и, нарастая, донесся из мрака шорох и скрежет тысяч крысиных лап, дозорные врубили огнемёт и не отключали, пока не кончилось горючее. Ревущее оранжевое пламя заполнило туннель на десятки метров и жгло, жгло крыс, не переставая, десять, пятнадцать, двадцать минут. Туннель наполнился мерзкой вонью паленого мяса и диким крысиным визгом... А за спиной дозорных с Савеловской, ставших героями и прославившихся на всю линию, замерла остывающая дрезина, готовая к новому прыжку, и на ней – пятеро мужчин, бежавших со станции Тимирязевская, и еще один – спасенный ими ребенок. Мальчик. Артем.

Крысы отступили. Их слепая воля была сломлена одним из последних изобретений человеческого военного гения. Люди всегда умели убивать лучше, чем любое другое живое существо.

Крысы схлынули и вернулись в огромное царство, истинные размеры которого не были известны никому. Все эти лабиринты, лежавшие на невероятной глубине, были так таинственны и, казалось бы, совершенно бесполезны для работы метрополитена, что не верилось даже, несмотря на заверения авторитетных людей, будто все это было сооружено обычными метростроевцами.

Один из этих авторитетов даже работал раньше, еще тогда, помощником машиниста электропоезда. Таких людей почти не осталось, и были они в большой цене, потому что на первых порах оказались единственными, кто не терялся и не поддавался страху, оказавшись вне удобной и безопасной капсулы поезда в темных туннелях Московского метрополитена,

в этой каменной утробе мегаполиса. Все на станции относились к нему с почтением и детей своих учили тому же, оттого Артем, наверное, и запомнил его, на всю свою жизнь запомнил: изможденного худого человека, зачахшего за долгие годы работы под землей, в истертой и выцветшей форме работника метрополитена, уже давно потерявшей свой шик, но все еще надеваемой с той гордостью, с какой отставной адмирал облачается в парадный мундир. И Артему, тогда совсем еще папану, виделась в тщедушной фигуре помощника машиниста несказанная стать и мощь...

Еще бы! Работники метро были для всех остальных его обитателей тем же, что проводники-туземцы для научных экспедиций в джунглях. Им свято верили, на них полностью полагались, от их знаний и умений зависело выживание остальных. Многие из них возглавили станции, когда распалась единая система управления и метрополитен из комплексного объекта гражданской обороны, огромного противоядерного бомбоубежища, превратился во множество не связанных единой властью станций, погрузился в хаос и анархию. Станции стали независимыми и самостоятельными, своеобразными карликовыми государствами, со своими идеологиями и режимами, лидерами и армиями. Они воевали друг с другом, объединялись в федерации и конфедерации, сегодня становясь метрополиями воздвигаемых империй, чтобы завтра оказаться поверженными и колонизированными вчерашними друзьями или рабами. Они заключали краткосрочные союзы против общей угрозы, чтобы, когда эта угроза минует, с новыми силами вцепиться друг другу в глотку. Они самозабвенно грызлись за все: за жизненное пространство, за пищу – посадки белковых дрожжей, плантации грибов, не нуждающихся в дневном свете, курятники и свинофермы, где бледных подземных свиней и чахлах цыплят вскармливали бесцветными подземными грибами, и, конечно, за воду – то есть за фильтры. Варвары, не умевшие починить пришедшие в негодность фильтрационные установки и умирающие от отравленной радиацией воды, со звериной яростью бросались на оплоты цивилизованной жизни, на станции, где исправно действовали динамо-машины и маленькие кустарные гидроэлектростанции, где регулярно ремонтировались и чистились фильтры, где, возвращенные заботливыми женскими руками, буравили мокрый грунт белые шляпки шампиньонов и сыто хрюкали в загонах свиньи.

Их вел вперед, на бесконечный отчаянный штурм инстинкт самосохранения и извечный революционный принцип – отнять и поделить. Защитники благополучных станций, организованные в боеспособные соединения бывшими профессиональными военными, до последней капли крови отражали нападения вандалов, переходили в контрнаступления, с боем сдавали и отбивали каждый метр межстанционных туннелей. Станции копили военную мощь, чтобы отвечать на набеги карательными экспедициями, чтобы теснить своих цивилизованных соседей с жизненно важного пространства, если не удавалось достичь договоренностей мирным путем, и наконец, чтобы давать отпор той нечисти, что лезла изо всех дыр и туннелей. Всем тем странным, уродливым и опасным созданиям, каждое из которых вполне могло бы привести Дарвина в отчаяние своим явным несоответствием законам эволюционного развития. Как разительно ни отличались бы от привычных человеку животных все эти твари, то ли под невидимыми губительными лучами переродившиеся из безобидных представителей городской фауны в исчадий ада, то ли всегда обитавшие в глубинах, а сейчас потревоженные человеком, они все-таки тоже были частью жизни на земле. Искаженной, извращенной, но все же частью. И подчинялись они все тому же главному импульсу, которым ведомо все органическое на этой планете.

Выжить. Выжить любой ценой.

Артем принял белую эмалированную кружку, в которой плескался их собственный, станционный чай. Был это, конечно, никакой не чай, а настойка из сушеных грибов с добавками, потому что настоящего чая всего-то и оставалось ничего. Его экономили и пили только по большим праздникам, да и цена на него была в десятки раз выше, чем на грибную настойку. А все-

таки свое варево у них на станции любили, и гордились им, и называли «чай». Чужаки, правда, с непривычки сначала отплевывались, но потом ничего, привыкали. И даже за пределами станции пошла об их чае слава – и челноки двинулись к ним. Сначала рискуя собственными шкурами, поодиночке, однако вскоре чай пошел влет по всей линии, даже Ганза заинтересовалась им, и за волшебной настойкой на ВДНХ потянулись большие караваны. Потекли деньги. А где деньги – там и оружие, там и дрова, и витамины. Там жизнь. И с тех пор как на ВДНХ стали делать этот самый чай, станция начала крепчать, сюда перебрались хозяйственные люди с окрестных станций и перегонов, пришло процветание. Свиньями своими на ВДНХ тоже очень гордились и рассказывали легенды о том, что именно отсюда они и попали в метро: когда еще в самом начале какие-то смельчаки добрались до полуразрушенного павильона «Свиноводство» на самой Выставке и пригнали животных на станцию.

– Слышь, Артем! Как у Сухого-то дела? – спросил Андрей, прихлебывая чай маленькими осторожными глотками и усердно дуя на него.

– У дяди Саши? Все хорошо у него. Вернулся недавно из похода по линии с нашими. С экспедицией. Да вы знаете, наверное.

Андрей был лет на пятнадцать старше Артема. Вообще-то, он был разведчиком и редко стоял в дозоре ближе четырехста пятидесятого метра, да и то командиром кордона. Вот поставили его на трехсотый метр, в прикрытие, а его все-таки тянуло вглубь, и он воспользовался первым же предложением, первой ложной тревогой, чтобы подобраться поближе к темноте, поближе к тайне. Любил он туннель и знал его хорошо со всеми ответвлениями. А на станции, среди фермеров, среди работяг, коммерсантов и администрации, он себя чувствовал неуютно – ненужным, что ли. Не мог он себя заставить рыхлить землю для грибов или, еще хуже, пичкать этими грибами жирных свиней, стоя по колено в навозе на станционных фермах. И торговать он не мог, сроду терпеть не мог торгашей, а был он всегда солдатом, воином и всей душой верил, что это единственно достойное мужчины занятие. Горд был тем, что он, Андрей, всю свою жизнь только и делал, что защищал и провонявших фермеров, и суетливых челноков, и деловых до невозможности администраторов, и детей, и женщин. Женщины тянулись к его пренебрежительной, насмешливой силе, к его полной, стопроцентной уверенности в себе, к его спокойствию за себя и за тех, кто был с ним, потому что он всегда мог их защитить. Женщины обещали ему любовь, они обещали ему уют, но он начинал чувствовать себя уютно лишь после пятидесятого метра, когда за поворотом скрывались огни станции. А женщины туда за ним не шли. Почему?

И вот, разгорячившись от чая, сняв свой старый черный берет и вытирая рукавом мокрые от пара усы, он принялся жадно расспрашивать Артема о новостях и сплетнях, принесенных из последней экспедиции на юг Артемовым отчимом – тем самым человеком, который, девятнадцать лет назад вырвав Артема у крыс на Тимирязевской, не смог бросить мальчишку и воспитал его.

– Я-то, может быть, и знаю кое-что, но и по второму разу с удовольствием послушаю. Жалко тебе, что ли? – настаивал Андрей.

Долго уговаривать не пришлось: Артему самому было приятно вспомнить и пересказать истории отчима, ведь внимать все будут с открытыми ртами.

– Ну, куда они ходили, вы, наверное, знаете... – начал Артем.

– Знаю, что на юг. Они же там шибко засекреченные, ходоки ваши, – усмехнулся Андрей. – Специальные задания администрации, сам понимаешь! – подмигнул он одному из своих людей.

– Да ничего секретного в этом не было, – отмахнулся Артем. – Целью экспедиции у них поставлена разведка обстановки, сбор информации... Достоверной информации. Потому что чужим челнокам, которые у нас на станции языком треплют, верить нельзя, – они, может, челноки, а может, и провокаторы, дезинформацию распространяют.

– Челнокам вообще верить нельзя, – буркнул Андрей. – Корыстные они люди. Откуда ты его знаешь: сегодня он твой чай продает Ганзе, а завтра тебя самого со всеми потрохами кому-нибудь продаст. Они, может, тоже тут у нас информацию собирают. Я и нашим-то, честно говоря, не особо доверяю.

– Ну, на наших – это вы зря, Андрей Аркадьич. Наши – все нормальные. Я сам почти всех знаю. Люди как люди. Деньги только любят. Жить хотят лучше, чем другие, стремятся к чему-то, – попытался вступить за местных челноков Артем.

– Вот-вот. И я о том же. Деньги они любят. Жить хотят лучше всех. А кто их знает, что они делают, когда в туннель выходят? Можешь ты мне с уверенностью сказать, что на первой же станции их чьи-нибудь агенты не завербуют? Можешь или нет?

– Чьи агенты? Чьим агентам наши челноки сдались?

– Вот что, Артем! Молод ты еще и многого не знаешь. Слушал бы старших, глядишь, проживешь подольше.

– Должен же кто-то выполнять эту работу! Не было бы челноков, и куковали бы мы тут без боеприпасов, с берданками, шмаляли бы солью в черных и чаек свой попивали, – не отступал Артем.

– Ладно, ладно, экономист нашелся... Ты поостынь. Рассказывай лучше, что там Сухой видел. У соседей что? На Алексеевской? На Рижской?

– На Алексеевской? Ничего нового. Выращивают грибы свои. Да что Алексеевская? Так, хутор... Говорят, – Артем понизил голос ввиду секретности информации, – присоединиться к нам хотят. И Рижская вроде тоже не против. Там у них давление с юга растет. Настроения пасмурные: все шепчутся о какой-то угрозе, все чего-то боятся, а чего боятся – никто не знает. То ли с той стороны линии империя какая-то возникла, то ли Ганзы опасаются, что захочет расширяться, то ли еще чего-то. И все эти хутора к нам начинают жаться. И Рижская, и Алексеевская.

– А чего конкретно хотят? Что предлагают? – интересовался Андрей.

– Просят объединиться с ними в федерацию с общей оборонной системой, границы с обеих сторон укрепить, в межстанционных туннелях постоянное освещение устроить, милицию организовать, завалить боковые туннели и коридоры, дрезины пустить транспортные, проложить телефонный кабель, свободное место – под грибы... Хозяйство чтобы общее, работать, помогать друг другу, если надо будет.

– А раньше где они были? Где они были раньше, когда с Ботанического сада, с Медведкова вся эта дрянь лезла? Когда черные нас штурмовали, где они были? – ворчал Андрей.

– Ты, Андрей, не слезь смотри! – вмешался Петр Андреевич. – Нет черных пока что – и хорошо. Не мы их победили. Что-то у них там свое, внутреннее, вот они и затихли. Они, может, силы пока копят. Так что нам союз не помешает. Тем более, объединиться с соседями. И им на пользу, и нам хорошо.

– И будут у нас свобода, и равенство, и братство! – иронизировал Андрей, загибая пальцы.

– Вам не интересно слушать, да? – обиженно спросил Артем.

– Нет, ты продолжай, Артем, продолжай, – сказал Андрей. – Мы с Петром позже доспорим. Это у нас с ним вечная тема.

– Ну, вот. И говорят, что главный наш вроде соглашается. Не имеет принципиальных возражений. Детали только надо обсудить. Скоро съезд будет. А потом – референдум.

– Как же, как же. Референдум. Народ скажет да – значит, да. Скажет нет – значит, народ плохо подумал. Пусть народ подумает еще раз, – язвил Андрей.

– Ну, Артем, а что за Рижской творится? – не обращая на него внимания, выпрашивал Петр Андреевич.

– Дальше у нас что идет? Проспект Мира. Ну, Проспект Мира – понятно. Это у нас границы Ганзы. У Ганзы, отчим говорит, с красными все так же: мир. О войне никто и не вспоминает уже, – рассказывал Артем.

«Ганзой» называлось Содружество станций Кольцевой линии. Эти станции, находясь на пересечении всех остальных веток, а значит, и торговых путей, объединенные между собой туннелями, почти с самого начала стали местами встреч коммерсантов из всех концов метро. Они богатели с фантастической скоростью и вскоре, понимая, что их богатство вызывает зависть слишком у многих, решили объединиться. Официальное именование было слишком громоздким, и в народе Содружество прозвали Ганзой – кто-то однажды метко сравнил их с союзом торговых городов в средневековой Германии, словечко было звонкое, так и пристало. Ганза поначалу включала в себя лишь часть станций, объединение происходило постепенно. Был участок Кольцевой линии от Киевской до Проспекта Мира, так называемая Северная Дуга, и заключившие с ней союз Курская, Таганская и Октябрьская. Потом уже влились в Ганзу Павелецкая и Добрынинская и сформировалась вторая Дуга, Южная. Но главная проблема и главное препятствие к воссоединению Северной и Южной Дуг было в Сокольнической линии.

«Дело тут вот в чем, – рассказывал Артему его отчим. – Сокольническая линия всегда была особая. Взглянешь на карту, сразу на нее внимание обратишь. Во-первых, прямая, как стрела. Во-вторых, ярко-красного цвета на всех картах. Да и названия станций там тоже: Красносельская, Красные Ворота, Комсомольская, Библиотека имени Ленина и Ленинские, опять же, Горы. И то ли из-за таких названий, то ли по какой-то другой причине тянуло на эту линию всех ностальгирующих по славному социалистическому прошлому. На ней особенно хорошо принялись идеи возрождения советского государства. Сначала одна станция официально вернулась к идеалам коммунизма и социалистическому типу правления, потом соседняя, потом люди с другой стороны туннеля заразились революционным оптимизмом, скинули свою администрацию, и пошло-поехало. Оставшиеся в живых ветераны, бывшие комсомольские деятели и партийные функционеры, неприменный люмпен-пролетариат – все стекались на революционные станции.

Создали комитет, ответственный за распространение новой революции и коммунистических идей по всему метрополитену, под почти ленинским названием: Интерстанционал. Он готовил отряды профессиональных революционеров и пропагандистов, засылал их все дальше во вражий стан. В основном обходилось малой кровью, поскольку изголодавшиеся люди на бесплодной Сокольнической линии жаждали восстановления справедливости, которая, по их пониманию, кроме уравниловки, никакой другой формы принять не могла. И вся ветка, заплывав с одного конца, вскоре была охвачена багряным пламенем революции. Благодаря чудом уцелевшему метромосту через Язу сообщение между Сокольниками и Преображенской площадью оставалось налаженным. Сначала короткий участок на поверхности приходилось преодолевать только по ночам и в движущихся на полной скорости дрезинах. Потом силами смертников на мосту возвели стены и крышу. Станциям возвращали старые, советские названия: Чистые Пруды снова стали Кировской, Лубянка – Дзержинской, Охотный Ряд – Проспектом Маркса. Станции с нейтральными названиями рьяно переименовывали во что-нибудь идеологически более ясное: Спортивную – в Коммунистическую, Сокольники – в Сталинскую, а Преображенскую площадь, с которой все началось, – в Знамя Революции. И вот эта линия, когда-то Сокольническая, но в массах называемая «красной» – принято тогда было у москвичей между собой все ветки называть по цвету, обозначенному на карте метро, – совершенно официально стала Красной Линией.

Дальше, однако, не пошло.

К тому времени как Красная Линия уже окончательно оформилась и стала предъявлять претензии на станции других веток, чаша терпения всех остальных переполнилась. Слишком многие люди помнили, что такое советская власть. Слишком многие видели в агитотрядах,

рассылаемых Интерстанционалом по всему метро, метастазы опухоли, грозившей уничтожить весь организм. И сколько ни обещали агитаторы и пропагандисты из Интерстанционала электрификацию всего метрополитена, утверждая, что в совокупности с советской властью это даст коммунизм (вряд ли этот ленинский лозунг, так бессовестно эксплуатируемый, был когда-либо более актуален), люди за пределами линии обещаниями не соблазнялись. Интерстанционных краснобаев отлавливали и выдворяли назад, в советское государство.

И тогда красное руководство постановило, что пора действовать решительней: если оставшаяся часть метро никак не занимается веселым революционным огнем, ее следует поджечь. Соседние станции, обеспокоенные усилившейся коммунистической пропагандой и подрывной деятельностью, тоже пришли к похожему выводу. Исторический опыт ясно доказывал, что нет лучшего переносчика коммунистической бациллы, чем штык.

И грянул гром.

Коалиция антикоммунистических станций, ведомая Ганзой, разрубленной пополам Красной Линией и жаждущей замкнуть кольцо, приняла вызов. Красные, конечно, не рассчитывали на организованное сопротивление и переоценили собственные силы. Легкая победа, которой они ждали, не предвиделась даже в далеком будущем.

Война, оказавшись долгой и кровопролитной, изрядно потрепала и без того немногочисленное население метро. Шла она без малого полтора года и состояла большей частью из позиционных боев, но с непременными партизанскими вылазками и диверсиями, с завалами туннелей, с расстрелами пленных, с несколькими случаями зверств с той и с другой стороны. Было все: войсковые операции, окружения и прорывы окружений, свои подвиги, полководцы, герои и предатели. Но главной особенностью этой войны было то, что ни одна из воюющих сторон так и не смогла сдвинуть линию фронта на сколько-нибудь значительное расстояние. Иногда, казалось, одним удавалось добиться перевеса, занять какую-нибудь смежную станцию, но противник напрягался, мобилизовывал дополнительные силы – и чаша весов склонялась в противоположную сторону.

А война истощала ресурсы. Война отнимала лучших людей. Война изнуряла.

И оставшиеся в живых устали от нее. Революционное руководство незаметно сменило первоначальные задачи на более скромные. Если вначале главной целью войны было расширение социалистической власти и коммунистических идей по всему метрополитену, то теперь красные уже хотели хотя бы взять под контроль то, что почиталось у них за святая святых, – станцию Площадь Революции. Во-первых, из-за ее названия, во-вторых, из-за того, что она была ближе, чем любая другая станция метро, к Красной площади и к Кремлю, башни которого все еще были увенчаны рубиновыми звездами, если верить немногим храбрецам, идеологически крепким до такой степени, чтобы выбраться наверх и посмотреть на него. Ну, и, конечно, там, на поверхности, рядом с Кремлем, в самом центре Красной площади, находился Мавзолей. Было там тело Ленина или уже нет – не знал никто, да это и не имело особого значения. За долгие годы советской власти Мавзолей перестал быть просто гробницей и стал чем-то самоценным, сакральным символом преемственности власти. Именно с него принимали парады великие вожди прошлого. Именно к нему более всего стремились вожди нынешние. И поговаривали, что как раз со станции Площадь Революции, из служебных ее помещений, шли потайные ходы в секретные лаборатории при Мавзолее, а оттуда – к самому гробу.

За красными оставалась станция Площадь Свердлова, бывший Охотный Ряд, укрепленная и ставшая плацдармом, с которого совершались броски и атаки на Площадь Революции.

Не один крестовый поход был благословлен революционным руководством, чтобы освободить эту станцию и гробницу. Но защитники ее тоже понимали, какое она имеет значение для красных, и стояли до последнего. Площадь Революции превратилась в неприступную крепость. Самые жестокие, самые кровавые бои шли именно на подступах к этой станции. Больше всего народу полегло там. Были в этих битвах свои александры матросовы, грудью шедшие

на пулеметы, и герои, обвязывавшиеся гранатами, чтобы взорваться вместе со вражеской огневой точкой, и использование против людей запрещенных огнеметов... Все тщетно. Станцию отбивали на день, но не успевали закрепиться, и погибали, и отступали на следующий день, когда коалиция переходила в контрнаступление.

Все то же, с точностью до наоборот, творилось на Библиотеке имени Ленина. Там держали оборону красные, а коалиционные силы неоднократно пытались их оттуда выбить. Станция имела для коалиции огромное стратегическое значение, потому что в случае успешного штурма позволила бы разбить Красную Линию на два участка, и потому еще, что давала переход на три других линии сразу, и все три такие, с которыми Красная Линия больше нигде не пересекалась. Только там. То есть была она этаким лимфоузлом, который, будучи поражен красной чумой, открыл бы ей доступ к жизненно важным органам. И, чтобы это предотвратить, Библиотеку имени Ленина надо было занять, занять любой ценой.

Но насколько безуспешными были попытки красных завладеть Площадью Революции, настолько бесплодны были и усилия коалиции выдавить их с Библиотеки.

А народ тем временем уставал все больше и больше. И уже началось дезертирство, и все чаще бывали случаи братания, когда и по ту и по другую сторону фронта солдаты бросали оружие... Но, в отличие от Первой мировой, красным это на пользу не шло. Революционный запал потихоньку сходил на нет. Не лучше дела шли и у коалиции: недовольные тем, что им приходится постоянно дрожать за свою жизнь, люди снимались и уходили семьями с центральных станций на окраины. Пустела и слабела Ганза. Война больно ударила по торговле, челноки находили обходные тропы, важные торговые пути пустели и глохли...

Политикам, которых все меньше поддерживали солдаты, пришлось срочно искать возможность закончить войну, пока оружие не обернулось против них. И тогда, в обстановке строжайшей секретности и на обязательной в таких случаях нейтральной станции, встретились лидеры враждующих сторон: товарищ Москвин – с советской стороны, от коалиции – ганзейский президент Логинов и глава Арбатской конфедерации Колпаков.

Мирный договор подписали быстро. Стороны обменивались станциями. Красная Линия получала в полное распоряжение полуразрушенную Площадь Революции, но уступала Арбатской Конфедерации Библиотеку имени Ленина. И для тех и для других этот шаг был нелепок. Конфедерация теряла одного члена и вместе с ним владения на северо-востоке. Красная Линия становилась пунктирной, поскольку прямо посередине ее теперь появлялась станция, ей не подчиняющаяся, и разрубала ее пополам. Несмотря на то что обе стороны гарантировали друг другу право на свободный транзитный проезд по бывшим территориям, такая ситуация не могла не беспокоить красных... Но то, что предлагала коалиция, было слишком заманчиво. И Красная Линия не устояла. Больше всех от мирного соглашения выигрывала, конечно, Ганза, которая теперь могла беспрепятственно замкнуть кольцо, сломав последние препоны на пути к процветанию. Договорились о соблюдении статуса-кво, о запрете на ведение агитационной и подрывной деятельности на территории бывшего противника. Все остались довольны. И теперь, когда пушки и политики замолчали, настала очередь пропагандистов, которые должны были объяснить массам, что именно их сторона добилась выдающихся дипломатических успехов и, в сущности, выиграла войну.

Прошли годы с того памятного дня, когда было подписано мирное соглашение. Соблюдалось оно обеими сторонами: Ганза усмотрела в Красной Линии выгодного экономического партнера, а та оставила свои агрессивные намерения: товарищ Москвин, генсек Коммунистической Партии Московского Метрополитена имени В. И. Ленина, диалектически доказал возможность построения коммунизма на одной отдельно взятой линии и принял историческое решение о начале одного строительства. Старая вражда была забыта.

Этот урок новейшей истории Артем запомнил крепко, как старался запоминать все, что ему говорил отчим.

– Хорошо, что у них резня кончилась... – произнес Петр Андреевич. – Полтора года ведь за Кольцо ступить было нельзя: везде оцепление, документы проверяют по сто раз. У меня там дела имелись в то время, и, кроме как через Ганзу, никак было не пройти. Пошел через Ганзу. И прямо на Проспекте Мира меня остановили. Чуть к стенке не поставили.

– Да ну? А ты ведь не рассказывал этого, Петр... Как это с тобой вышло? – заинтересовался Андрей.

Артем слегка поник, видя, что переходящее знамя рассказчика беспардонно вырвано из его рук. Но байка обещала быть интересной, и он не стал встречать.

– Как-как... Очень просто. За красного шпиона меня приняли. Выхожу я, значит, из туннеля на Проспекте Мира, на нашей линии. А наш Проспект тоже под Ганзой. Аннексия, так сказать. Ну, там еще не очень строго – там у них ярмарка, торговая зона. Вы же знаете, у Ганзы везде так: те станции, которые на самом Кольце находятся, – это вроде их дом; в переходах с кольцевых станций на радиальные у них граница – таможи, паспортный контроль...

– Да знаем мы все это, что ты нам лекции читаешь... Ты рассказывай лучше, что с тобой произошло там! – перебил его Андрей.

– Паспортный контроль, – повторил Петр Андреевич, сурово сводя брови и идя на принцип. – На радиальных станциях у них ярмарки, базары... Туда чужакам можно. А через границу – ну никак. Я на Проспекте Мира вылез, было у меня чая с собой полкило... Патроны мне нужны были к автомату. Думал сменить. А там у них – военное положение. Боеприпасов не отпускают. Я одного челнока спрашиваю, другого – все отнекиваются и бочком-бочком в сторону от меня отходят. Один только шепнул мне: «Какие тебе патроны, олух... Сваливай отсюда, да поскорее, на тебя, наверное, настучали уже». Сказал я ему спасибо и двинул потихоньку обратно в туннель. И на самом выходе останавливает меня патруль, а со станции – свистки, и еще один наряд бежит. Документы, говорят. Я им паспорт свой, с нашим станционным штампом. Рассматривают они его так внимательно и спрашивают: «А пропуск ваш где?» Я им удивленно: «Какой такой пропуск?» Выясняется, что, чтобы на станцию попасть, пропуск надо обязательно получить: при выходе из туннеля столик стоит, и там у них канцелярия. Проверяют личность и выдают в случае необходимости пропуск. Развели, крысы, бюрократию...

Как я мимо этого стола прошел, не знаю... Почему меня не остановили эти обормоты? А я теперь патрулю объясняй. Стоит этот стриженный жлоб в камуфляже и говорит: проскользнул! Прокрался! Просочился! Листает мой паспорт дальше, видит у меня там штампик Сокольников. Жил я там раньше, на Сокольниках... Видит он этот штамп, и у него прямо глаза кровью наливаются. Просто как у быка на красную тряпку. Сдергивает он с плеча автомат и ревет: руки за голову, падла! Сразу видно выучку. Хватает меня за шиворот и так, волоком, через всю станцию – на пропускной пункт в переходе, к старшему. И приговаривает: подожди, мол, сейчас мне только разрешение получить от начальства – и к стенке тебя, лазутчика. Мне аж плохо стало. Оправдаться пытаюсь, говорю: «Какой я лазутчик? Коммерсант я! Чай вот привез, с ВДНХ.» А он мне отвечает, что, мол, он мне этого чая полную пасть напихает и стволом утрамбует еще, чтобы больше вошло. Вижу, что неубедительно у меня выходит и что, если сейчас начальство его даст добро, отведут меня на двухсотый метр, поставят лицом к трубам и наделают во мне лишних дырок по законам военного времени. Нехорошо как получается, думаю... Подходим к пропускному пункту, и жлоб мой идет советовать, куда ему лучше стрелять. Смотрю я на его начальника – прямо камень с души: Пашка Федотов, одноклассник мой, мы с ним еще после школы долго дружили, а потом вот потеряли друг друга...

– Твою мать! Напугал как! А я-то уже думал, что все, убили тебя, – ехидно вставил Андрей, и все люди, сбившиеся у костра на четыреста пятидесятом метре, дружно захохотали.

Даже сам Петр Андреевич, сначала сердито взглянув на Андрея, а потом, не выдержав, улыбнулся. Смех раскатился по туннелю, рождая где-то в его глубинах искаженное эхо, не похожее ни на что жутковатое уханье... И, прислушиваясь к нему, все понемногу затихли.

Тут из глубины туннеля, с севера, довольно отчетливо слышались те самые подозрительные звуки: шорохи и легкие дробные шаги.

Андрей, конечно, был первым, кто все это расслышал. Мгновенно замолчав и дав остальным знак молчать тоже, он поднял с земли автомат и вскочил с места. Медленно отведя затвор и дослав патрон, он бесшумно, прижимаясь к стене, двинулся от костра в глубь туннеля. Артем тоже приподнялся: любопытно было посмотреть, кого он упустил в прошлый раз, но Андрей обернулся и сердито на него шикнул.

Приложив приклад к плечу, он остановился на том месте, где начинала сгущаться тьма, лег плашмя и крикнул:

– Дайте свет!

Один из его людей, державший наготове мощный аккумуляторный фонарь, собранный местными мастерами из старой автомобильной фары, включил его, и яркий до белизны луч вспорол темноту. Выхваченный из мрака, появился на секунду в их поле зрения неясный силуэт: что-то совсем небольшое, нестрашное вроде, стремглав бросившееся назад, на север. Артем, не выдержав, закричал что было сил:

– Да стреляй же! Уйдет ведь!

Но Андрей отчего-то не стрелял. Петр Андреевич поднялся тоже, держа автомат наготове, и крикнул:

– Андрюха! Ты живой там?

Сидящие у костра обеспокоенно зашептались, слышалось лязганье затворов. Наконец Андрей показался в свете фонаря, отряхивая куртку.

– Да живой я, живой! – выдавил он сквозь смех.

– Чего ржешь-то? – настороженно спросил Петр Андреевич.

– Три ноги! И две головы. Мутанты! Черные лезут! Всех вырежут! Стреляй, а то уйдет! Шуму сколько понаделали. Это надо же, а! – продолжал смеяться Андрей.

– Что же ты стрелять не стал? Ладно, еще парень мой – он молодой, не сообразил. А ты как проворонил? Ты ведь не мальчик. Знаешь, что с Полежаевской случилось? – спросил сердито Петр Андреевич, когда Андрей вернулся к костру.

– Да слышал я про вашу Полежаевскую уже раз десять! – отмахнулся Андрей. – Собака это была! Щенок даже, а не собака... Он тут у вас уже второй раз к огню подбирается, к теплу и свету. А вы его чуть было не пришибли и теперь еще меня спрашиваете: почему это я с ним церемонюсь? Живодеры!

– Откуда же мне знать, что это собака? – обиделся Артем. – Она тут такие звуки издавала... И потом, тут, говорят, неделю назад крысу со свинью размером видели, – его передернуло, – пол-обоймы в нее выпустили, а она хоть бы хны.

– Ты и верь всем сказкам! Вот погоди, сейчас я тебе твою крысу принесу! – сказал Андрей, перекинул автомат через плечо, отошел от костра и растворился во тьме.

Через минуту из темноты слышался его тонкий свист. А потом и голос раздался, ласковый, манящий:

– Ну, иди сюда... Иди сюда, маленький, не бойся!

Он уговаривал кого-то довольно долго, минут десять, подзывая и свистя, и вот, наконец, его фигура снова замаячила в полумраке. Вернувшись к костру, он торжествующе улыбнулся и распахнул куртку. Оттуда вывалился на землю щенок, дрожащий, жалкий, мокрый, невыносимо грязный, со свалывшейся шерстью непонятного цвета, с черными глазами, полными ужаса, и прижатými маленькими ушами. Очутьившись на земле, он немедленно попытался удрать, но был схвачен за шкирку твердой Андреевой рукой и водворен на место. Глядя его по голове, Андрей снял куртку и накрыл собачонку.

– Пусть цуцик погрееется... – объяснил он.

– Да брось ты, Андрюха, он ведь блохастый наверняка! – пытался урезонить его Петр Андреевич. – А может, и глисты у него. И вообще, подцепишь заразу какую-нибудь, занесешь на станцию...

– Да ладно тебе, Андреич! Кончай нудить. Вот, посмотри на него! – и, отвернув полог куртки, Андрей продемонстрировал собеседнику мордочку щенка, все еще дрожавшего, то ли от страха, то ли от холода. – В глаза ему смотри, Андреич! Эти глаза не могут врать!

Петр Андреевич скептически посмотрел на щенка. Глаза у того были хоть и напуганными, но несомненно честными. И Петр Андреевич оттаял.

– Ладно... Натуралист юный... Подожди, я ему что-нибудь пожевать поищу, – пробурчал он и запустил руку в рюкзак.

– Ищи-ищи. Может, из него что-нибудь полезное вырастет. Немецкая овчарка, например, – заявил Андрей и придвинул куртку с щенком поближе к огню.

– А откуда здесь щенку взяться? У нас с той стороны людей нету. Черные только. Черные разве собак держат? – подозрительно глядя на задремавшего в тепле щенка, спросил один из Андреевых людей, заморенный худой мужчина со всклокоченными волосами, до тех пор молчаливо слушавший других.

– Ты, Кирилл, прав, конечно, – серьезно ответил Андрей. – Черные животных вообще не держат, насколько я знаю.

– А как же они живут? Едят они там что? – глухо спросил второй пришедший с ними, с легким электрическим потрескиванием скребя ногтями небритую челюсть.

Это был высокий, казавшийся бывалым плечистый и плотный мужчина с обритой наголо головой. Одет он был в длинный и хорошо сшитый кожаный плащ, что в нынешнее время само по себе являлось редкостью.

– Едят что? Говорят, дрянь всякую едят. Пададь едят. Крыс едят. Людей едят. Непривередливые они, знаешь... – кривя лицо от отвращения, ответил Андрей.

– Каннибалы? – спросил бритый без тени удивления, и чувствовалось, что ему приходилось сталкиваться и с людоедством.

– Каннибалы... Нелюди они. Нежить. Черт их знает, что они вообще такое. Хорошо, у них оружия нет, так что отбиваемся. Пока что. Петр! Помнишь, полгода назад удалось одного живым в плен взять?

– Помню, – отозвался Петр Андреевич. – Две недели просидел у нас в карцере, воды нашей не пил, к еде не притрагивался, так и сдох.

– Не допрашивали? – спросил бритый.

– Он ни слова по-нашему не понимал. С ним по-русски говорят, а он молчит. Вообще все это время молчал. Как в рот воды набрал. Его и били – он молчал. И есть давали – молчал. Рычал только иногда. И выл еще перед смертью так, что вся станция проснулась.

– Так собака-то откуда здесь взялась? – напомнил всклокоченный Кирилл.

– А шут ее знает, откуда она здесь... Может, от них сбежала. Может, они и ее сожрать хотели. Здесь всего-то километра два. Могла же собака прибежать от них? А может, чья-нибудь. Шел кто-то с севера, шел – на черных напоролся. А собачонка успела вовремя удрать. Да неважно, откуда она тут. Ты сам на нее посмотри – похожа она на чудовище? На мутанта? Так, пуцик и пуцик, ничего особенного. И к людям тянется – приучена, значит. С чего ей тут у костра третий час околачиваться?

Кирилл замолчал, обдумывая аргументы. Петр Андреевич долил чайник из канистры и спросил:

– Чай еще будет кто-нибудь? Давайте по последней, нам сменяться уже скоро.

– Чай – это дело! Давай, – одобрил Андрей, оживились и остальные.

Чайник закипел. Петр Андреевич налил желающим еще по одной и попросил:

– Вы это... Не надо о черных. В прошлый раз вот так сидели, говорили о них, они и приползли. И ребята мне рассказывали: у них так же выходило. Это, может, и совпадения, я не уверенный, а вдруг – нет? Вдруг они чувствуют? Уже почти смена наша кончилась, зачем нам эта чертовщина в последний момент?

– Да уж... Не стоит, наверное, – поддержал его Артем.

– Да ладно, парень, не дрейфь! Прорвемся! – попытался подбодрить Артема Андрей, но вышло не очень убедительно.

От одной мысли о черных по телу шла неприятная дрожь даже у Андрея, хотя он и старался этого не показывать. Людей он не боялся никаких: ни бандитов, не анархистов-головорезов, ни бойцов Красной Армии. А вот нежить всякая отвращала его, и не то чтобы он ее боялся, но думать о ней спокойно, как думал он о любой опасности, связанной с людьми, не мог.

Все умолкли. Тяжелая, давящая тишина обволокла людей, сгрудившихся у костра. Только чуть слышно было, как потрескивают в костре корявые поленья, да издалека, с севера, из туннеля долетало иногда глухое утробное урчание, как будто московский метрополитен был гигантским кишечником неизвестного чудовища. И от этих звуков становилось совсем жутко.

Глава 2

ОХОТНИК

Артему в голову опять полезла всякая дрянь. Черные... Проклятые нелюди в его дежурства попадались только один раз, но испугался он тогда здорово, да и как не испугаться...

Вот сидишь ты в дозоре. Греешься у костра. И вдруг слышишь: из туннеля, откуда-то из глубины, раздается мерный глухой стук – сначала в отдалении, тихо, а потом все ближе и громче... И вдруг рвет слух страшный, кладбищенский вой, совсем уже недалеко... Переполох! Все вскакивают, мешки с песком, ящики, на которых сидели, наваливают в заграждение, наскоро, чтобы было где укрыться, и старший изо всех сил кричит, не жалея связок: «Тревога!»

Со станции спешит на подмогу резерв, на трехсотом метре расчехляют пулемет, а здесь, где придется принять на себя основной удар, люди бросаются наземь, за мешки, наводят на жерло туннеля автоматы, целятся... Наконец, дождавшись, пока упыри подойдут совсем близко, зажигают прожектор – и в его луче становятся видны странные, бредовые силуэты. Нагие, с черной лоснящейся кожей, с огромными глазами и провалами ртов... Мерно шагающие вперед, на укрепления, на людей, на смерть, в полный рост, не сгибаясь, все ближе и ближе... Три... Пять... Восемь тварей... И самый первый вдруг задирает голову и испускает заупокойный вой.

Дрожь по коже, хочется вскочить и бежать, бросить автомат, бросить товарищей, все к чертям бросить и бежать... Прожектор направлен в морды кошмарных созданий, чтобы ярким светом хлестнуть их по зрачкам, но видно, что они даже не жмурятся, не прикрываются руками, а широко открытыми глазами смотрят на прожектор и размеренно продолжают идти вперед, вперед... Да и есть ли у них зрачки?

И тут, наконец, подбегают с трехсотого, с пулеметом, залегают рядом, летят команды... Все готово... Гремит долгожданное «Огонь!». Разом начинают стучать несколько автоматов, гроыхает пулемет. Но черные не останавливаются, не пригибаются, они в полный рост, не сбиваясь с шага, так же мерно и спокойно шагают вперед. В свете прожектора видно, как пули терзают лоснящиеся тела, как толкают их назад, они падают, но тут же поднимаются, выпрямляются и идут дальше. И снова, хрипло на этот раз, потому что горло уже пробито, раздается жуткий вой. Пройдет еще несколько минут, пока стальной шквал сломит наконец это нечеловеческое бессмысленное упорство. И потом, когда все упыри уже будут валяться, бездыханные и недвижимые, издалека, метров с пяти, их еще будут достреливать контрольными в голову. И даже когда все будет кончено, когда трупы уже скинут в шахту, перед глазами еще долго будет стоять та самая жуткая картина – как впиваются в черные тела пули и жжет широко открытые глаза прожектор, но они все так же размеренно идут вперед...

Артема передернуло при этой мысли. Да уж, лучше про них не болтать, подумал он. Так, на всякий случай.

– Эй, Андреич! Собирайтесь! Мы идем уже! – закричали им с юга, из темноты. – Ваша смена кончилась!

Люди у костра зашевелились, сбрасывая оцепенение, вставая, потягиваясь, надевая рюкзаки и оружие, причем Андрей захватил с собой и подобранного щенка. Петр Андреевич и Артем возвращались на станцию, а Андрей со своими людьми – к себе на трехсотый: их дежурство еще не было завершено.

Подошли сменщики, обменялись рукопожатиями, выяснили, не было ли чего странного, особенного, пожелали отдохнуть как следует и уселись поближе к огню, продолжая свой разговор, начатый раньше.

Когда все двинулись по туннелю на юг, к станции, Петр Андреевич горячо о чем-то заговорил с Андреем, видно вернувшись к одному из их вечных споров, а бритый здоровяк, расспрашивавший про рацион черных, отстал от них, поравнявшись с Артемом, и пристроился так, чтобы идти с ним в ногу.

– Так ты что же, Сухого знаешь? – спросил он Артема глухим, низким голосом, не глядя ему в глаза.

– Дядю Сашу? Ну да! Он мой отчим. Я и живу с ним вместе, – ответил честно Артем.

– Надо же... Отчим. Ничего не знаю такого... – пробормотал бритый.

– А вас как зовут? – решился Артем, рассудив, что если человек расспрашивает про родственника, то это дает и ему право задать встречный вопрос.

– Меня? Зовут? – удивленно переспросил бритый. – А тебе зачем?

– Ну, я передам дяде Саше... Сухому, что вы про него спрашивали.

– Ах, вот для чего... Хантер... Скажи, Хантер интересовался. Охотник. Привет ему.

– Хантер? Это ведь не имя. Это что, фамилия ваша? Или прозвище? – допытывался Артем.

– Фамилия? Хм... – Хантер усмехнулся. – А что? Вполне... Нет, парень, это не фамилия. Это, как тебе сказать... Профессия. А твое имя как?

– Артем.

– Вот и хорошо. Будем знакомы. Мы наше знакомство, наверное, еще продолжим. И довольно скоро. Будь здоров!

Подмигнув Артему на прощание, он остался на трехсотом метре вместе с Андреем.

Идти было совсем немного, издалека уже слышался оживленный шум станции. Петр Андреевич, шагавший рядом с Артемом, спросил у него озабоченно:

– Слушай, Артем, а что это за мужик вообще? Что он там тебе говорил?

– Странный какой-то... Про дядю Сашу спрашивал. Знакомый его, что ли? А вы не знаете его?

– Да вроде не знаю... Он только на пару дней к нам на станцию, по каким-то делам, кажется, Андрей с ним вроде бы как знаком, вот он и напросился с ним в дозор. Черт знает, зачем ему это понадобилось. Какая-то у него физиономия знакомая...

– Да. Таковую внешность забыть нелегко, наверное, – предположил Артем.

– Вот-вот. Где же я его видел? Как его зовут, не знаешь? – поинтересовался Петр Андреевич.

– Хантер. Так и сказал – Хантер. Попробуй пойми, что это такое.

– Хантер? Нерусская какая-то фамилия... – нахмурился Петр Андреевич.

Вдали уже показалось красное зарево: на ВДНХ, как и на большинстве станций, обычное освещение не действовало, и вот уже третий десяток лет люди жили в багровом аварийном свете. Только в «личных апартаментах» – палатках, комнатах – изредка светились нормальные электролампочки. И только несколько самых богатых станций метро были озарены светом настоящих ртутных ламп. О них слагались легенды, и провинциалы с крайних, забытых богом полустанков, бывало, годами лелеяли мечту добраться туда и посмотреть на это чудо.

На выходе из туннеля они сдали в караулку оружие, расписались, и Петр Андреевич, пожимая Артему на прощание руку, сказал:

– Давай-ка на боковую! Я сам еле на ногах держусь, а ты, наверное, вообще стоя спишь.

И Сухому – пламенный привет. Пусть в гости заходит.

Артем попрощался и, чувствуя, как навалилась вдруг усталость, побрел к себе «на квартиру».

На ВДНХ жило человек двести. Кто-то в служебных помещениях, но большая часть – в палатках на платформе. Палатки были армейские, уже старые, потрепанные, но сработанные качественно. Ни ветра, ни дождя им знавать тут, под землей, не приходилось, и ремонтировали

их часто, так что жить в них можно было вполне: тепла они не пропускали, света тоже, даже звук задерживали, а что еще требуется от жилья...

Палатки жались к стенам и стояли по обе стороны от них – и у путей, и в центральном зале. Платформа была превращена в некое подобие улицы: посередине был оставлен довольно широкий проход. Некоторые из палаток, большие, для крупных семейств, занимали пространство в арках. Но обязательно несколько арок было свободно для прохода – с обоих краев зала и в его центре. Снизу, под полом платформы, имелись и другие помещения, но потолок там был невысокий, и для жизни они не годились; на ВДНХ их приспособили под продовольственные склады.

Два северных туннеля через несколько десятков метров за станцией соединялись коротким межлинейником, когда-то построенным для того, чтобы поезда могли разворачиваться и ехать обратно. Теперь один из этих двух туннелей доходил как раз до бокового съезда в межлинейник, а дальше был завален, другой уводил на север, к Ботаническому Саду и чуть ли не к Мытищам. Его оставляли как отходной путь на крайний случай, и как раз в нем-то Артем нес дежурство. Остававшийся кусок второго и соединительный перегон между двумя туннелями были отведены под грибные плантации. Пути там были разобраны, грунт разрыхлен и удобрен – туда свозили отходы из выгребных ям, и белели повсюду аккуратными рядами грибные шляпки. Также был обвален и один из двух южных туннелей, на трехсотом метре, и там, в самом конце, подальше от человеческого жилья, были курятники и загоны для свиней.

Дом Артема стоял на Главной улице – здесь, в одной из небольших палаток, он жил вместе с отчимом. Отчим его был важным человеком, связанным с администрацией, отвечал за контакты с другими станциями, так что больше никого к ним в палатку не селили, она им досталась персональная, по высшему разряду. Довольно часто отчим исчезал на две-три недели и никогда Артема с собой не брал, отговариваясь тем, что приходится заниматься слишком опасными делами и что он не хочет подвергать Артема риску. Возвращался он из своих походов похудевшим, заросшим, иногда раненным и всегда первый вечер сидел с Артемом, рассказывая ему такие вещи, в которые трудно было поверить даже привычному к невероятным историям обитателю этого гротескного мирка.

Артема, конечно, тянуло путешествовать, но в метро просто так слоняться было слишком опасно: патрули независимых станций были очень подозрительны, с оружием не пропускали, а без оружия уйти в туннели – верная смерть. Так что с тех пор, как они с отчимом пришли с Савеловской, в дальних походах Артему бывать не приходилось. Он отправлялся иногда по делам на Алексеевскую, не один, конечно, ходил, с группами, добирались они даже до Рижской. И еще числилось за ним одно путешествие, о котором он и рассказать-то никому не мог, хотя так хотелось...

Произошло это давным-давно, когда на Ботаническом Саду еще и не пахло никакими черными, а была это просто заброшенная, темная станция и патрули с ВДНХ стояли намного севернее, а сам Артем был еще совсем пацаном. Тогда они с приятелями рискнули: в перемену пробрались через крайний кордон с фонарями и украденной у чьих-то родителей двустволкой и долго ползали по Ботаническому Саду. Жутко было, но и интересно. Повсюду в свете фонариков виднелись остатки человеческого жилья: угли, обгоревшие книги, сломанные игрушки, разорванная одежда... Шмыгали крысы, и временами из северного туннеля раздавались странные урчащие звуки. И кто-то из Артемовых друзей, он уже не помнил, кто именно, но, наверное, Женька, самый живой и любопытный из троих, предложил: а что, если попробовать убрать заграждение и пробраться наверх, по эскалатору... просто посмотреть, как там? Что там?..

Артем сразу сказал тогда, что он против. Слишком свежи в его памяти были недавние рассказы отчима о людях, побывавших на поверхности, о том, как они после этого долго болеют и какие ужасы иногда приходится видеть там, наверху. Но его тут же начали убеждать, что это

редкий шанс: когда еще удастся вот так, без взрослых, попасть на настоящую заброшенную станцию, а тут еще можно и подняться наверх, и посмотреть, своими глазами посмотреть, как это, когда над головой ничего нет... А отчаявшись убедить его по-хорошему, объявили, что если он такой трус, то пускай сидит тут внизу и ждет, пока они вернуться. Остаться одному на заброшенной станции и при этом подмочить свою репутацию в глазах двух лучших друзей показалось Артему совершенно невыносимым, и он скрепя сердце согласился.

На удивление, механизм, приводящий в движение заграждение, отрезающее платформу от эскалатора, работал. И именно Артему удалось запустить его после получаса отчаянных попыток. Ржавая железная стена с дьявольским скрежетом подалась в сторону, и перед их взором предстал короткий ряд ступеней уводящего вверх эскалатора. Некоторые обвалились, и через зияющие провалы в свете фонарей были видны исполинские шестерни, навечно остановившиеся годы назад, изъеденные ржавчиной, поросшие чем-то бурым, еле заметно шевелящимся... Нелегко им было заставить себя подняться. Несколько раз ступени, на которые они наступали, со скрипом подавались и уходили вниз – и они перелезали через провал, цепляясь за остовы светильников. Путь наверх был недолог, но первоначальная решимость испарилась после первой же провалившейся ступени, и, чтобы взбодриться, они воображали себя настоящими сталкерами.

Сталкерами...

Слово это, странное и чужое для русского языка, вполне в нем прижилось. Раньше так называли и людей, которых бедность толкала на то, чтобы пробираться на покинутые военные полигоны, разбирать неразорвавшиеся снаряды и бомбы и сдавать латунные гильзы приемщикам цветных металлов; и чудаков, в мирное время ползавших по канализации, да мало ли кого еще... Но было у всех этих значений нечто общее: всегда это была крайне опасная профессия, всегда – столкновение с неизведанным, непонятным, загадочным, зловещим, необъяснимым... Кто знает, что происходило на покинутых полигонах, где исковерканная тысячами взрывов, перепаханная траншеями и изрытая катакомбами радиоактивная земля давала чудовищные всходы? И только догадываться можно было, что могло поселиться в канализации мегаполиса после того, как строители закрывали за собой люки, чтобы навсегда уйти из мрачных, тесных и зловонных коридоров...

В метро сталкерами называли тех редких смельчаков, которые отваживались показаться на поверхности. В защитных костюмах, противогазах с затемненными стеклами, вооруженные до зубов, эти люди поднимались наверх за необходимыми для всех предметами: боеприпасами, аппаратурой, запчастями, топливом... Людей, которые отваживались на это, были сотни. Тех, кто при этом умел вернуться назад живым, – единицы, и были такие люди на вес золота, они ценились еще больше, чем бывшие работники метрополитена. Самые разнообразные опасности ожидали там, наверху, дерзнувших подняться – от радиации до жутких, искореженных ею созданий. На поверхности тоже была жизнь, но это уже не была жизнь в привычном человеческом понимании.

Каждый сталкер становился человеком-легендой, полубогом, на которого восторженно смотрели все – от мала до велика. Когда дети рождаются в мире, в котором некуда и незачем больше плыть и лететь, а слова «летчик» и «моряк» тускнеют и постепенно теряют свой смысл, они хотят стать сталкерами. Уходить облаченными в сверкающие доспехи, провожаемыми сотнями полных обожания и благоговения взглядов, наверх, к богам, сражаться с чудовищами и, возвращаясь сюда, под землю, нести людям топливо, боеприпасы, свет и огонь. Нести жизнь.

Сталкером хотели стать и Артем, и его друг Женька, и Виталик-Заноза. И, заставляя себя ползти вверх по устрашающе скрипящему эскалатору с обваливающимися ступенями, они представляли себя в защитных костюмах, с дозиметрами, со здоровенными ручными пулеметами наперевес, как и положено настоящим сталкерам. Но не было у них ни дозиметров,

ни защиты, а вместо грозных армейских пулеметов – только древняя двустволка, которая, может, и не стреляла вовсе...

Довольно скоро подъем закончился, они оказались почти на поверхности. К счастью, была ночь, иначе ослепнуть бы им неминуемо. Глаза, привыкшие за долгие годы жизни под землей к темноте, к багровому свету костров и аварийных ламп, не выдержали бы такой нагрузки. Слепшие и беспомощные, они уже вряд ли вернулись бы домой.

Вестибюль Ботанического Сада был почти разрушен, половина крыши обвалилась, и сквозь нее видно было уже очистившееся от облаков радиоактивной пыли темно-синее летнее небо, усеянное мириадами звезд. Но что такое звездное небо для ребенка, который не способен представить себе даже, что над головой может не быть потолка? Когда ты поднимаешь взгляд и он не упирается в бетонные перекрытия и прогнившие переплетения проводов и труб, а теряется в темно-синей бездне, разверзшейся вдруг над твоей головой, – что это за ощущение! А звезды! Разве может человек, никогда не видевший звезд, представить себе, что такое бесконечность, когда, наверное, и само понятие бесконечности появилось некогда у людей, вдохновленных ночным небосводом? Миллионы сияющих огней, серебряные гвозди, вбитые в купол синего бархата...

Мальчишки стояли три, пять, десять минут, не в силах вымолвить ни слова. Они так и не сдвинулись бы с места и к утру наверняка сварились бы заживо, если бы совсем близко не раздался страшный, ледящий душу вой. Опомнившись, они стремглав кинулись назад, к эскалатору, и понеслись вниз что было духу, совсем позабыв об осторожности и несколько раз чуть не сорвавшись вниз, на зубья шестерней. Поддерживая и вытаскивая друг друга, они одолели обратный путь в считанные секунды.

Скатившись кубарем по последним десяти ступеням, потеряв по пути двустволку, они тут же бросились к пульту управления барьером. Но – о дьявол! – ржавую железяку заклинило, и она не желала возвращаться на свое место. Перепуганные до полусмерти тем, что их будут преследовать монстры с поверхности, они помчались к своим, к северному кордону.

Но, понимая, что они, наверное, сделали что-то очень плохое, оставив гермоворота открытыми, – возможно, открыли мутантам путь вниз, в метро, к людям, они успели договориться держать язык за зубами и никому из взрослых не говорить, где они были. На кордоне они сказали, что ходили в боковой туннель охотиться на крыс, но потеряли ружье, испугались и вернулись.

Артему, конечно, влетело тогда от отчима по первое число. Мягкое место долго еще саднило после офицерского ремня, но Артем держался как пленный партизан и не выболтал военной тайны. И товарищи его молчали.

Им поверили.

Но вот теперь, вспоминая эту историю, Артем все чаще и чаще задумывался: не связано ли это путешествие, а главное, открытый ими барьер, с той нечистью, которая штурмовала их кордоны последние несколько лет?

Здороваясь по пути со встречными, останавливаясь то тут, то там, чтобы послушать новости, пожать руку приятелю, чмокнуть знакомую девушку, рассказать старшему поколению, как дела у отчима, Артем добрался наконец до своего дома. Внутри никого не было, и он решил не дожидаться отчима, а лечь спать: восьмичасовое дежурство могло свалить с ног кого угодно. Он скинул сапоги, снял куртку и уткнулся лицом в подушку. Сон не заставил себя ждать.

Полог палатки приподнялся, и внутрь неслышно проскользнула массивная фигура, лица которой было не разглядеть, только видно было, как зловеще отсвечивает гладкий череп в красном аварийном освещении. Послышался глухой голос: «Ну, вот мы и встретились снова. Отчима твоего, я вижу, здесь нет. Не беда. Мы и его достанем. Рано или поздно. Не уйдет. А пока что ты пойдешь со мной. Нам есть о чем поговорить. К примеру, о барьере на Ботаническом». Артем, леденя, узнал в нем своего недавнего знакомца из кордона, того, что предста-

вился Хантером. А тот уже приближался к нему, медленно, бесшумно, и его лица все не было видно, свет падал как-то странно... Артем хотел позвать на помощь, но могучая рука, холодная, как у трупа, зажала ему рот. Тут наконец ему удалось нащупать фонарь, включить его и осветить человеку в лицо. То, что он увидел, лишило его на миг сил и наполнило ужасом: вместо человеческого лица, пусть грубого и сурового, перед ним маячила страшная черная морда с двумя огромными бессмысленными глазами без белков и разверстой пастью... Артем рванулся, выскользнул и метнулся к выходу из палатки. Вдруг погас свет, и на станции стало совсем темно, только где-то вдалеке видны были слабые отсветы костра. Артем, не долго думая, бросился туда, на свет. Упырь выскочил за ним, рыча: «Стой! Тебе некуда бежать!» Загрохотал страшный смех, постепенно перерастая в знакомый кладбищенский вой. Артем бежал, не оборачиваясь, слыша за собой топот тяжелых сапог, не быстрый, размеренный, словно его преследователь знал, что спешить ему некуда, что все равно Артем ему попадется, рано или поздно...

Подбежав к костру, Артем увидел, что у огня спиной к нему сидит человек. Он принялся тормошить сидящего, прося помочь, но тот вдруг упал навзничь, и стало ясно, что он давно мертв и лицо его почему-то покрылось инеем. И в этом обмороженном человеке Артем узнал дядю Сашу, своего отчима...

– Эй, Артем! Хорошо спать! Ну-ка, вставай давай! Ты уже семь часов кряду дрыхнешь... Вставай же, соня! Гостей принимать надо! – раздался голос Сухого.

Артем сел в постели и обалдело уставился на него.

– Ой, дядь Саш... Ты это... С тобой все нормально? – спросил он наконец, после минутного хлопанья ресницами. С трудом он поборол в себе желание спросить, жив ли Сухой вообще, да и то только потому, что факт был налицо.

– Да, как видишь! Давай-давай, вставай, нечего валяться. Я тебя со своим другом познакомлю, – произнес Сухой.

Рядом послышался знакомый глухой голос, и Артем покрылся испариной – вспомнился привидевшийся кошмар.

– А, так вы уже знакомы? – удивился Сухой. – Ну, Артем, ты шустрый!

Наконец в палатку протиснулся и гость. Артем вздрогнул и вжался в стенку палатки – это был Хантер. Кошмар снова пронесся перед глазами Артема: пустые темные глаза, грохот тяжелых сапог за спиной, окоченевший труп у костра...

– Да. Познакомились уже, – выдавил Артем, нехотя протягивая гостю руку.

Рука Хантера оказалась горячей и сухой, и Артем потихоньку начал убеждать себя, что это был просто сон, ничего плохого в этом человеке нет, просто воображение, распаленное страхами за восемь часов в кордоне, отыгралось на его снах...

– Слушай, Артем! Сделай нам доброе дело! Вскипяти водички для чая! Пробовал наш чай? – подмигнул Сухой гостю. – Ух, ядреное зелье!

– Ознакомился уже, – отозвался Хантер, кивая. – Хороший чай. На Печатниках тоже вот делают. Пойло пойлом. А у вас – совсем другое дело.

Артем пошел за водой, потом к общему костру – кипятить чайник. В палатках огонь разводили строго воспрещалось: так выгорело уже несколько станций.

По дороге он думал, что Печатники – это же совсем другой конец метро, дотуда черт знает сколько идти, столько пересадок, переходов, через столько станций пробраться надо – где обманом, где с боем, где благодаря связям... А этот так небрежно говорит: «На Печатниках тоже вот...» Да, что и говорить, интересный персонаж, хотя и страшноват. А ручища – как тисками давит, а ведь Артем тоже не слабак и сам не прочь померяться силой при рукопожатии.

Вскипятив чайник, он вернулся в палатку. Хантер уже скинул свой плащ, под которым обнаружилась черная водолазка с горлом, плотно обтягивающая мощную шею и бугристое могучее тело, заправленная в перетянутые офицерским ремнем военные штаны. Поверх водолазки был надет разгрозочный жилет с множеством карманов, а под мышкой в подплечной

кобуре висел вороненый пистолет чудовищных размеров. Только тщательно приглядевшись, Артем понял, что это «Стечкин» с привинченным к нему длинным глушителем и еще с каким-то приспособлением сверху, по всей видимости, лазерным прицелом. Стоить такой монстр должен был целое состояние. И ведь оружие, сразу подметил Артем, непростое, не для самообороны, это точно. И тут вспомнилось ему, что, когда Хантер представлялся, он к своему имени прибавил: «Охотник».

– Ну, Артем, чаю гостю наливавай! Да садись ты, Хантер, садись! Рассказывай! – шумел Сухой. – Черт ведь знает, сколько тебя не видел!

– О себе я потом. Ничего интересного. Вот у вас, я слышал, странные вещи творятся. Нежить какая-то лезет. С севера. Послушал сегодня баек, пока в дозоре стояли. Что это? – в своей манере, короткими, словно рублеными фразами, спросил Хантер.

– Смерть это, Хантер, – внезапно помрачнев, ответил Сухой. – Это наша смерть будущая подбирается. Судьба наша подползает. Вот что это такое.

– Почему же смерть? Я слышал, вы очень успешно их давите. Они же безоружные. Но что это? Откуда и кто они? Я никогда не слышал о таком на других станциях. Никогда. А это значит, такого больше нигде нет. Я хочу знать, что это. Я чувю очень большую опасность. Я хочу знать степень опасности, хочу понять ее природу. Поэтому я здесь.

– Опасность должна быть ликвидирована, да, Охотник? Ты так и остаешься ковбоем... Но может ли опасность быть ликвидирована – вот в чем вопрос, – грустно усмехнулся Сухой. – Вот в чем загвоздка. Тут все сложнее, чем тебе кажется. Намного сложнее. Это не просто зомби, мертвяки ходячие из кино. Это там все просто: заряжаешь серебряными пулями револьвер, – картинно вскинув сложенную в виде пистолета ладонь, продолжал он, – бах-бах, и силы зла повержены. Но тут что-то другое. Что-то страшное... А ведь меня трудно напугать, Хантер, и ты это знаешь.

– Паникуешь? – удивленно спросил Хантер.

– Их главное оружие – ужас. Народ еле выдерживает на своих позициях. Люди лежат с автоматами, с пулеметами – а на них идут безоружные. И все, зная, что за ними и качественное, и количественное превосходство, чуть не бегут, с ума сходят от ужаса, а некоторые уже сошли, по секрету тебе скажу. И это не просто страх, Хантер! – Сухой понизил голос. – Это... Не знаю даже, как и объяснить-то тебе толком... С каждым разом это все сильнее. Как-то они на голову действуют... И мне кажется, сознательно. Издалека их уже чувствуешь, и ощущение это все нарастает, гнусное такое беспокойство, что ли, и поджилки трястись начинают. А еще не слышно ничего, и не видно, но ты уже знаешь, что они где-то близко, идут... Идут... И тут раздается вой – просто хоть беги... А подойдут поближе – трясти начинает. И долго еще потом видится, как они с открытыми глазами на прожектор идут...

Артем вздрогнул. Оказывается, кошмары мучили не только его. Раньше он на эту тему старался ни с кем не говорить – боялся, что сочтут за труса или за помешанного.

– Психику расшатывают, гады! – продолжал Сухой. – И знаешь, они словно на твою волну настраиваются, и в следующий раз ты их еще лучше чуешь, еще больше боишься. Это не просто страх... Я-то знаю.

Он замолчал. Хантер сидел неподвижно, изучая его взглядом и, очевидно, обдумывая услышанное. Потом он отхлебнул горячей настойки и проговорил медленно и тихо:

– Это угроза всему, Сухой. Всему этому загаженному метро, не только вашей станции.

Сухой молчал, словно не желая отвечать, но вдруг его прорвало:

– Всему метро, говоришь? Да нет, не только метро. Всему нашему прогрессивному человечеству, которое доигралось-таки со своим прогрессом. Пора платить! Борьба видов, Охотник. Борьба видов. И эти черные не нечисть, и никакие это не упыри. Это хомо новус – следующая ступень эволюции, лучше нас приспособленная к окружающей среде. Будущее за ними, Охотник! Может, сапиенсы еще погниют пару десятков, да даже и с полсотни лет в чертовых

норах, которые они сами для себя вырыли, еще когда их было слишком много и все одновременно не умещались наверху, так что тех, кто победнее, приходилось днем запихивать под землю. Станем бледными, чахлыми, как уэллсовские морлоки, помнишь, из «Машины времени»: в будущем жили у них под землей такие твари? Тоже когда-то были сапиенсами... Да, мы оптимистичны, мы не хотим подыхать! Мы будем на собственном дерьме растить грибочки, и свиньи станут новым лучшим другом человека, так сказать, партнером по выживанию... Мы с аппетитным хрустом будем жрать мультивитамины, тоннами заготовленные заботливыми предками. Мы будем робко выползать наверх, чтобы поспешно схватить еще одну канистру бензина, еще немного чьего-то тряпья, а если сильно повезет, еще горсть патронов, а потом скорее бежать назад, в свои душные подземелья, воровато оглядываясь по сторонам, не заметил ли кто. Потому что там, наверху, мы уже не у себя дома. Мир больше не принадлежит нам, Охотник... Мир больше не принадлежит нам.

Сухой замолчал, глядя, как медленно поднимается от чашки с чаем и тает в сумраке палатки пар. Хантер ничего не отвечал, и Артем вдруг подумал, что никогда он еще не слышал такого от своего отчима. Ничего не осталось от его обычной уверенности в том, что все обязательно будет хорошо, от его «Не дрейфь, прорвемся!», от его ободряющего подмигивания... Или это всегда было только показное?

– Молчишь, Охотник? Молчишь... Давай, ну, давай же, спорь! Где твои доводы? Где этот твой оптимизм? В последний раз, когда мы с тобой разговаривали, ты еще утверждал, что уровень радиации спадет, и люди однажды вернуться на поверхность. Эх, Охотник... «Встанет солнце над лесом, только не для меня...» – издевательски пропел Сухой. – Мы зубами вцепимся в жизнь, мы будем держаться за нее изо всех сил, ведь что бы там ни говорили философы и ни твердили сектанты, вдруг там ничего нет? Не хочется верить, не хочется, но где-то в глубине души ты знаешь, что так и есть... А ведь нам нравится это дело, Охотник, не правда ли? Мы с тобой очень любим жить! Мы с тобой будем ползать по вонючим подземельям, спать в обнимку со свиньями и жрать крыс, но мы выживем! Да? Проснись, Охотник! Никто не напишет про тебя книжку: «Повесть о настоящем человеке», никто не воспоеет твою волю к жизни, твой гипертрофированный инстинкт самосохранения... Сколько ты продержишься на грибах, мультивитаминах и свинине? Сдавайся, сапиенс! Ты больше не царь природы! Тебя свергли! Нет, тебе не обязательно подыхать сразу же, никто не настаивает. Поползай еще в агонии, захлебываясь в своих испражнениях... Но знай, сапиенс: ты отжил свое! Эволюция, законы которой ты постиг, уже совершила свой новый виток, и ты больше не последняя ступень, не венец творенья. Ты – динозавр. Надо уступить место новым, более совершенным видам. Не следует быть эгоистом. Игра окончена, пора дать поиграть другим. Твое время прошло. Ты вымер. И пусть грядущие цивилизации ломают головы над тем, отчего же вымерли сапиенсы. Хотя это вряд ли кого-нибудь заинтересует...

Хантер, во время этого монолога внимательно изучавший свои ногти, поднял наконец взгляд на Сухого и тяжело произнес:

– А ты здорово сдал с тех пор, как я тебя видел в последний раз. Ведь я помню, как ты говорил мне, что если сохраним культуру, если не скиснем, по-русски говорить не разучимся, если детей своих читать и писать научим, то ничего, то, может, и под землей протянем... Ты мне это говорил или не ты? И вот – сдавайся, сапиенс... Что же так?

– Да просто понял я кое-что, Охотник. Почувствовал то, что ты еще, может, поймешь, а может, и не поймешь никогда: мы динозавры и доживаем последние свои дни... Пусть и займет это десять или даже сто лет, но все равно...

– Соппротивление бесполезно, да? – недобрым голосом протянул Хантер. – К этому клонишь?

Сухой молчал, опустив глаза. Очевидно, многого стоило ему, никогда и никому не признававшемуся в своей слабости, сказать такое старому товарищу, да еще при Артеме. Больно ему было выбросить белый флаг...

– А вот нет! Не дожدهшься! – медленно выговорил Хантер, поднимаясь во весь рост. – И они не дождутся! Новые виды, говоришь? Эволюция? Неотвратимое вымирание? Дерьмо? Свины? Витамины? Я еще и не через такое проходил. Я этого не боюсь. Понял? Я руки вверх не подниму. Инстинкт самосохранения? Называй это так. Да, я зубами за жизнь цепляться буду. Имел я твою эволюцию. Пусть другие виды подождут в общей очереди. Я не скотина, которую ведут на убой. Капитулируй и иди к этим своим более совершенным и более приспособленным, уступи им свое место в истории! Если ты чувствуешь, что отвоевался, валяй – дезертируй, я не осужу тебя. Но не пытайся меня напугать. И не пробуй тащить меня за собой на скотобойню. Зачем ты читаешь мне проповеди? Если ты не будешь один, если ты сдашься в коллективе, тебе не будет так стыдно? Или враги обещают миску горячей каши за каждого товарища, приведенного в плен? Моя борьба безнадежна? Говоришь, мы на краю пропасти? Я плюю в твою пропасть. Если ты думаешь, что твое место – на дне, набери побольше воздуха, и – вперед. А мне с тобой не по пути. Если Человек Разумный, рафинированный и цивилизованный сапиенс выбирает капитуляцию, то я откажусь от этого почетного звания и лучше стану зверем. И буду, как зверь, цепляться за жизнь и грызть глотки другим, чтобы выжить. И я выживу. Понял?! Выживу!

Он сел и тихо попросил у Артема плеснуть ему еще чая. Сухой встал сам и пошел доливать и греть чайник, мрачный и молчаливый. Артем остался в палатке наедине с Хантером. Последние его слова, это его звенящее презрение, его злая уверенность, что он выживет, зажгли Артема. Он долго не решался заговорить первым. И тогда Хантер обратился к нему сам:

– Ну, а ты что думаешь, парень? Говори, не стесняйся... Тоже хочешь, как растение? Как динозавр? Сидеть на вещах и ждать, пока за тобой придут? Знаешь притчу про лягушку в молоке? Как попали две лягушки в крынки с молоком. Одна, рационально мыслящая, вовремя поняла, что сопротивление бесполезно и что судьбу не обмануть. А там вдруг еще загробная жизнь есть, так к чему излишне напрягаться и напрасно тешить себя пустыми надеждами? Сложила лапки и пошла ко дну. А вторая дура, наверное, была или атеистка. И давай барахтаться. Казалось бы, чего ей дергаться, если все predetermined? Барахталась она, барахталась... Пока молоко в масло не сбילה. И вылезла. Почти память ее товарки, безвременно погибшей во имя прогресса философии и рационального мышления.

– Кто вы? – отважился, наконец, спросить Артем.

– Кто я? Ты знаешь уже, кто я. Охотник.

– Но что это значит – охотник? Чем вы занимаетесь? Охотитесь?

– Как тебе объяснить... Ты знаешь, как устроен человеческий организм? Он состоит из миллионов крошечных клеток – одни передают электрические сигналы, другие хранят информацию, третьи всасывают питательные вещества, четвертые переносят кислород... Но все они, даже самые важные из них, погибли бы меньше чем за день, погиб бы весь организм, если бы не было клеток, ответственных за иммунитет. Их называют макрофаги. Они работают методично и размеренно, как часы, как метроном. Когда зараза проникает в организм, они находят ее, отслеживают, где бы она ни пряталась, рано или поздно достают ее и... – он сделал рукой жест, словно сворачивал кому-то шею и издал неприятный хрустящий звук, – ликвидируют.

– Но какое отношение это имеет к вашей профессии? – настаивал Артем.

– Представь, что весь метрополитен – это человеческий организм. Сложный организм, состоящий из сорока тысяч клеток. Я – макрофаг. Охотник. Это моя профессия. Любая опасность, достаточно серьезная, чтобы угрожать всему организму, должна быть ликвидирована. Это моя работа.

Вернулся наконец Сухой с чайником и, наливая кипящий отвар в кружки, очевидно собравшись за время своего отсутствия с мыслями, обратился к Хантеру:

– Что же ты собираешься предпринять для ликвидации источника опасности, ковбой? Отправиться на охоту и перестрелять всех черных? Едва ли у тебя что-либо выйдет. Нечего делать, Хантер. Нечего.

– Всегда остается еще один выход, самый последний. Взорвать ваш северный туннель к чертям. Завалить полностью. И отсечь твой новый вид. Пусть себе размножаются сверху и не трогают нас, кротов. Подземелье – это теперь наша среда обитания.

– Я тебе кое-что интересное расскажу. Об этом мало кто знает на нашей станции. У нас уже взорван один перегон. Так вот, над нами – над северными туннелями – проходят потоки грунтовых вод. И, уже когда взрывали вторую северную линию, нас чуть не затопило. Чуть посильнее был бы заряд – и прощай, родная ВДНХ. Так вот, если мы теперь рванем оставшийся северный туннель, нас не просто затопит. Нас смоем радиоактивной жижей. Тогда конец настанет не только нам. Вот в чем кроется подлинная опасность для метро. Если ты вступишь в межвидовую борьбу сейчас и таким способом, наш вид проиграет. Шах.

– А что гермоворота? Неужели нельзя просто закрыть гермоворота в туннеле с той стороны? – вспомнил Хантер.

– Гермоворота еще лет пятнадцать назад неизвестные умники по всей линии разобрали и пустили на фортификацию какой-то станции, сейчас даже никто и не помнит уже, какой. Неужели сам не знал? Вот тебе еще шах.

– Скажи мне... Их напор усиливается в последнее время? – Хантер, кажется, сдался и перевел разговор на другую тему.

– Усиливается? Еще как! А ведь поверить трудно, какое-то время назад мы о них даже ничего не знали. А теперь вот – главная угроза. И верь мне, близок тот день, когда нас просто сметут, со всеми нашими укреплениями, прожекторами и пулеметами. Ведь невозможно поднять все метро на защиту одной никчемной станции... Да, у нас делают очень неплохой чай, но вряд ли кто-либо согласится рисковать своей жизнью даже из-за такого замечательного чая, как наш. В конце концов, всегда есть конкуренты с Печатников... Опять шах! – грустно усмехнулся Сухой. – Мы никому не нужны. Сами мы уже скоро будем не в состоянии справиться с натиском. Отсечь их, взорвать туннель мы не можем. Подняться наверх и выжечь их там мы тоже не в состоянии, по понятным всем причинам... Мат. Мат тебе, Охотник! И мне мат. Всем нам в ближайшем времени полный мат, если ты понимаешь, что я имею в виду, – криво усмехнулся Сухой.

– Посмотрим, – отрезал Хантер. – Посмотрим.

Они посидели еще, разговаривая о всякой всячине; часто звучали незнакомые Артему имена, отрывки когда-то недосказанных или недослушанных историй. Время от времени вдруг вспыхивали какие-то старые споры, в которых Артем мало что понимал и которые, очевидно, продолжались годами, притухая на время расставания друзей и вновь разгораясь при встрече.

Наконец Хантер встал и, сказав, что ему пора спать, потому что он, в отличие от Артема, после дозора так и не ложился, попрощался с Сухим. Но перед выходом он вдруг обернулся к Артему и шепнул ему: «Выйди на минутку».

Артем тут же выскочил вслед за ним, не обращая внимания на удивленный взгляд отчима. Хантер ждал его снаружи, наглухо застегивая свой длинный плащ и поднимая ворот.

– Пройдемся? – предложил он и неспешно зашагал по платформе вперед, к палатке для гостей, в которой остановился. Артем нерешительно двинулся вслед за ним, пытаясь догадаться, о чем такой человек хочет поговорить с ним, с мальчишкой, который пока что не сделал для других решительно ничего значительного и даже просто полезного.

– Что ты думаешь о том, чем я занимаюсь? – спросил Хантер.

– Здорово... Ведь если бы вас не было... Ну, и других, таких как вы, если такие еще есть... То мы бы уже все давно... – смущенно пробормотал Артем.

Его бросило в жар от собственного косноязычия. Вот как раз сейчас, когда такой человек обратил на него внимание и что-то хочет ему лично сказать, даже попросил выйти, чтобы наедине, без отчима, он краснеет, как девица, и что-то мучительно блеет...

– Ценишь? Ну, если народ ценит, – усмехнулся Хантер, – значит, нечего слушать пораженцев. Трясется твой отчим, вот что. А ведь он действительно храбрый человек... Во всяком случае, был таким. Что-то у вас страшное творится, Артем. Что-то такое, чего нельзя так оставить. Прав твой отчим: это не просто нежить, как на десятках других станций, не просто вандалы, не выродки. Тут что-то новое. Что-то зловещее. От этого нового веет холодом. Могилой веет. Всего за вторые сутки на вашей станции я уже начинаю проникаться этим страхом. И чем больше ты знаешь о них, чем больше ты их изучаешь, чем больше их видишь, тем сильнее страх, я так понимаю. Ты, например, их не часто видел, так?

– Один раз пока что: я только недавно стал на север в дозоры ходить, – признался Артем. – Но мне, правду сказать, и одного этого раза хватило. До сих пор кошмары мучают. Вот сегодня, например. А ведь сколько времени уже прошло с того дня!

– Кошмары, говоришь? И у тебя тоже? – нахмурился Хантер. – Да, непохоже на случайность... И поживи я тут еще немного, пару месяцев, походи я в дозоры эти ваши регулярно, не исключено, что тоже скисну... Нет, пацан. Ошибся твой отчим в одном. Не он это говорит. Не он так считает. Это они за него думают, и они же за него говорят. Сдавайтесь, говорят, сопротивление бесполезно. А он у них рупором. И сам того, наверное, не понимает... И вправду, наверное, настраиваются, сволочи, и на психику давят. Вот дьявольщина! Скажи, Артем, – обратился он напрямую, по имени, и парень понял: тот собирается сказать ему что-то действительно важное. – Есть у тебя секрет? Что-нибудь такое, что никому со станции ты бы не сказал, а постороннему человеку открыть сможешь?

– Н-ну... – замялся Артем, и проницательному человеку этого было бы достаточно, чтобы понять, что такой секрет есть.

– И у меня есть секрет. Давай меняться. Нужно мне с кем-то своей тайной поделиться, но я хочу быть уверенным, что ее не выболтают. Поэтому давай ты мне свой – и не чепуху какую-нибудь про девчонок, а что-нибудь серьезное, чего больше никто не должен услышать. И я тебе скажу кое-что. Это для меня важно. Очень важно, понимаешь?

Артем колебался. Любопытство, конечно, разбирало, но боязно было свою тайну, ту самую, раскрыть этому человеку, который был не только интересным собеседником и человеком с полной приключений жизнью, но, судя по всему, и хладнокровным убийцей, без малейших колебаний устранявшим любые помехи на своем пути. А ведь если Артем и на самом деле окажется причастен к вторжению черных...

Хантер ободряюще взглянул ему в глаза:

– Меня тебе опасаться нечего. Гарантирую неприкосновенность! – и он заговорщически подмигнул.

Они подошли к гостевой палатке, на эту ночь отданной Хантеру в полное распоряжение, но остались снаружи. Артем подумал в последний раз и все же решился. Он набрал побольше воздуха и затем поспешно, на одном дыхании, выложил всю историю про поход на Ботанический Сад. Когда он остановился, Хантер некоторое время молчал, переваривая услышанное. Затем он хриплым голосом протянул:

– Вообще говоря, тебя и твоих друзей за это следует убить, из воспитательных соображений. Но я уже гарантировал тебе неприкосновенность. На твоих друзей она, впрочем, не распространяется...

Сердце Артема сжалось, он почувствовал, как цепенеет от страха тело и подгибаются ноги. Говорить он был не в состоянии и потому молча ждал продолжения обвинительной речи.

– Но ввиду возраста и общей безмозглости на момент происшествия, а также за давностью лет вы помилованы. Живи, – и, чтобы поскорее вывести Артема из прострации, Хантер еще раз, теперь ободряюще, подмигнул ему. – Но учти, что от твоих соседей по станции пощады тебе не будет. Так что ты добровольно передал в мои руки мощное оружие против себя самого. А теперь послушай мой секрет...

И, пока Артем раскаивался в своей болтливости, продолжил:

– Я на эту станцию через весь метрополитен не зря шел. Я от своего не отступаю. Опасность должна быть устранена, как ты уже, наверное, не раз сегодня слышал. Должна и будет устранена. Я сделаю это. Твой отчим боится. Он медленно превращается в их орудие, как я понимаю. Он и сам сопротивляется все неохотнее, и меня пытается разубедить. Если грунтовые воды – это правда, тогда вариант со взрывом туннеля, конечно, отменяется. Но твой рассказ для меня кое-что прояснил. Если черные впервые начали пробираться сюда после вашего похода, то идут они с Ботанического Сада. Что-то там не то, должно быть, выращивали, в этом Ботаническом Саду, если там такое зародилось... И, значит, их можно блокировать там, ближе к поверхности. Без угрозы высвободить грунтовые воды. Но черт знает, что происходит за семисотым метром в северном туннеле. Там ваша власть заканчивается. Начинается власть тьмы – самая распространенная форма правления на территории Московского метрополитена. Я пойду туда. Об этом не должен знать никто. Сухому скажешь, что я расспрашивал тебя об обстановке на станции, и это будет правдой. Да тебе, пожалуй, и не придется ничего объяснять: если все пройдет гладко, сам все объясню кому надо. Но может случиться так, – прервался он на секунду, внимательно посмотрев Артему в глаза, – что я не вернусь. Будет взрыв или нет, если я не вернусь до завтрашнего утра, кто-то должен передать, что со мной случилось, и рассказать, что за дьявольщина творится в ваших северных туннелях, моим товарищам. Всех своих прежних знакомых на этой станции, включая твоего отчима, я сегодня видел. И я чувствую, я почти вижу, как маленький червячок сомнения и ужаса гложет мозг у всех, кто часто подвергается их воздействию. Я не могу положиться на людей с червивыми мозгами. Мне нужен здоровый человек, чей рассудок еще не штурмовали эти упыри. Мне нужен ты.

– Я? Но чем я могу вам помочь? – удивился Артем.

– Послушай меня. Если я не вернусь, ты должен будешь любой ценой – любой ценой, слышишь?! – попасть в Полис. В Город... И разыскать там человека по кличке Мельник. Ему ты расскажешь всю историю. И вот еще что. Я тебе дам сейчас одну вещь, передашь ему в доказательство того, что тебя послал я. Зайди на секунду! – Сняв замок со входа, Хантер приподнял полог и пропустил Артема внутрь.

В палатке было тесно из-за огромного заплечного рюкзака защитного цвета и внушительных размеров баула, стоящих на полу. В свете фонаря Артем разглядел мрачно поблескивающий в недрах сумки ствол какого-то солидного оружия, по всей видимости, разобранный армейского ручного пулемета. Прежде, чем Хантер закрыл его от посторонних глаз, Артем успел заметить тускло-черные металлические короба с пулеметными лентами, плотно уложенные в ряд по одну сторону от оружия, и небольшие зеленые противопехотные гранаты – по другую.

Не сделав никаких комментариев по поводу этого арсенала, Хантер открыл боковой карман рюкзака и извлек оттуда маленькую металлическую капсулу, изготовленную из автоматной гильзы. С той стороны, где должна была находиться пуля, капсула оканчивалась завинчивающейся крышкой.

– Вот, держи. Не жди меня больше двух дней. И не бойся. Ты везде встретишь людей, которые тебе помогут. Сделай это обязательно! Ты знаешь, что от тебя зависит. Мне не нужно тебе это еще раз объяснять, ведь так? Все. Пожелай мне удачи и проваливай... Мне нужно отоспаться.

Артем еле выдавил из себя слова прощания, пожал могучую лапу Хантера и побрел к своей палатке, сутулясь под тяжестью возложенной на него миссии.

Глава 3

Если я не вернусь

Артем думал, что допроса с пристрастием по приходу домой ему не миновать: наверняка, отчим будет трясти его, допытываясь, о чем они с Хантером разговаривали. Но, вопреки его ожиданиям, тот вовсе не ждал его с дыбой и испанскими сапогами наготове, а мирно посапывал – до этого ему не удавалось выспаться больше суток.

Из-за ночных дежурств и дневного сна Артему теперь опять предстояло отрабатывать в ночную смену – на чайной фабрике.

За десятилетия жизни под землей, во тьме, частично рассеиваемой мутно-красным светом, истинное понимание дня и ночи постепенно стерлось. По ночам освещение станции несколько ослабевало, как это делалось когда-то в поездах дальнего следования, чтобы люди могли выспаться, но никогда, кроме аварийных ситуаций, не гасло совсем. Как ни обострилось за годы, прожитые во тьме, человеческое зрение, оно все же не могло сравняться со зрением созданий, населявших туннели и заброшенные переходы.

Разделение на «день» и «ночь» происходило скорее по привычке, чем по необходимости. «Ночь» имела смысл постольку, поскольку большей части обитателей станции было удобно спать в одно время, тогда же отдыхал и скот, ослабляли освещение и запрещалось шуметь. Точное время обитатели станции узнавали по двум станционным часам, установленным над входом в туннели с противоположных сторон. Часы эти по важности приравнялись к таким стратегически важным объектам, как оружейный склад, фильтры для воды и электрогенератор. За ними всегда наблюдали, малейшие сбои немедленно исправлялись, а любые, не только диверсионные, но даже просто хулиганские попытки сбить их карались самым суровым образом, вплоть до изгнания со станции.

Здесь был свой жесткий уголовный кодекс, по которому администрация ВДНХ судила преступников скорым трибуналом, учитывая постоянное чрезвычайное положение, теперь, по всей видимости, установленное навечно. Диверсии против стратегических объектов влекли за собой высшую меру. За курение и разведение огня на перроне вне специально отведенного для этого места, как и за неаккуратное обращение с оружием и взрывчаткой, полагалось немедленное изгнание со станции с конфискацией имущества.

Эти драконовские меры объяснялись тем, что уже несколько станций сгорело дотла. Огонь мгновенно распространялся по палаточным городкам, пожирая всех без разбора, и безумные, полные боли крики еще долгие месяцы после катастрофы эхом отдавались в ушах жителей соседних станций, а обуглившиеся тела, склеенные расплавленным пластиком и брезентом, скалили потрескавшиеся от немыслимого жара пламени зубы в свете фонарей проходящих мимо перепуганных челноков и случайно забредших в этот ад путешественников.

Во избежание повторения столь мрачной участи на большинстве станций неосторожное обращение с огнем внесли в разряд тяжких уголовных преступлений.

Изгнанием карались также кражи, саботаж и злостное уклонение от трудовой деятельности. Впрочем, учитывая, что почти все время все были на виду и что на станции жило всего двести с небольшим человек, такие преступления, да и преступления вообще, совершались довольно редко, и в основном чужаками.

Трудовая повинность на станции была обязательной, и все, от мала до велика, должны были отработать свою ежедневную норму. Свиноферма, грибные плантации, чайная фабрика, мясокомбинат, пожарная и инженерная службы, оружейный цех – каждый житель работал в одном, а то и в двух местах. Мужчины к тому же были обязаны раз в двое суток нести боевое дежурство в одном из туннелей, а во времена конфликтов или появления из глубин метро

какой-то новой опасности дозоры многократно усиливались и на путях постоянно стоял готовый к бою резерв.

Так четко жизнь была отлажена на очень немногих станциях, и добрая слава, которая закрепилась за ВДНХ, привлекала множество желающих обосноваться на ней. Однако чужаков на поселение принимали редко и неохотно.

До ночной смены на чайной фабрике оставалось еще несколько часов, и Артем, не зная, куда себя деть, поплелся к своему лучшему другу Женьке, тому самому, с которым они в свое время предприняли головокружительное путешествие на поверхность.

Женька был его ровесником, но жил, в отличие от Артема, со своей настоящей семьей: с отцом, матерью и младшей сестренкой. Случаев, когда спастись удалось целой семье, были единицы, и Артем втайне завидовал своему другу. Он, конечно, очень любил отчима и уважал его даже теперь, после того, как у того сдали нервы, но при этом прекрасно понимал, что Сухой ему не отец, да и вообще не родня, и никогда не звал его папой.

А Сухой, вначале сам попросивший Артема называть его дядей Сашей, со временем раскаялся в этом. Годы его шли, а он, старый туннельный волк, так и не успел обзавестись настоящей семьей, не было у него даже женщины, которая ждала бы его из походов. У него щемило сердце при виде матерей с маленькими детьми, и он мечтал о том, что настанет и в его жизни тот день, когда не надо будет больше в очередной раз уходить в темноту, исчезая из жизни станции на долгие дни и недели, а может, и навсегда. И тогда, он надеялся, найдется женщина, готовая стать его женой, и родятся дети, которые, когда научатся говорить, станут называть его не дядей Сашей, а отцом.

Старость и немощность подступали все ближе, времени оставалось меньше и меньше, и надо, наверное, было спешить, но все никак не удавалось вырваться. Задание сменялось заданием, и не находилось пока еще никого, кому можно было бы передать часть своей работы, доверить свои связи, открыть профессиональные секреты, чтобы самому заняться, наконец, какой-нибудь непыльной работой на станции. Он уже давненько подумывал о занятии поспокойнее и даже знал, что вполне может рассчитывать на руководящую должность на станции благодаря своему авторитету, блестящему послужному списку и дружеским отношениям с администрацией. Но пока достойной замены ему не было видно даже на горизонте, и, теша себя мыслями о счастливом завтра, он жил днем сегодняшним, все откладывая окончательное возвращение и продолжая орошать своими потом и кровью гранит чужих станций и бетон дальних туннелей.

Артем знал, что отчим, несмотря на свою почти отеческую к нему любовь, не думает о нем как о продолжателе своего дела и по большому счету считает его балбесом, причем совершенно незаслуженно. В дальние походы он Артема не брал, несмотря на то, что Артем все вырос и уже нельзя было отговориться тем, что он еще маленький и его зомби утащат, или крысы съедят. Он и не понимал даже, что именно этим своим неверием в Артема подталкивал его к самым отчаянным авантюрам, за которые сам его потом и порол. Он, видимо, хотел, чтобы Артем не подвергал бессмысленной опасности своей жизни в странствиях по метро, а жил так, как мечталось жить самому Сухому: в спокойствии и безопасности, работая и растя детей, не тратя понапрасну своей молодости. Но, желая такой жизни Артему, он забывал, что сам прежде, чем начать стремиться к ней, прошел через огонь и воду, успел пережить сотни приключений и насытиться ими. И не мудрость, приобретенная с годами, говорила в нем теперь, а годы и усталость. В Артеме же кипела энергия, он только начинал жить, и влачить жалкое растительное существование, кроша и засушивая грибы, меняя пеленки, не осмеливаясь никогда выходить за пятисотый метр, казалось ему совершенно невыносимым. Желание удрать со станции росло в нем с каждым днем, так как он все яснее и яснее понимал, какую долю ему готовит отчим. Карьера чайного фабриканта и роль многодетного отца Артему нравились меньше всего на свете. Именно тяга к приключениям, желание быть подхваченным,

словно перекаати-поле, туннельными сквозняками и нестись вслед за ними в неизвестность, навстречу своей судьбе, и угадал в нем, наверное, Хантер, попросив о такой непростой, связанной с огромным риском услуге. У него, Охотника, был тонкий нюх на людей, и уже после часового разговора он понял, что сможет положиться на Артема. Даже если Артем не дойдет до места назначения, он, по крайней мере, не останется на станции, запамятавав о поручении, если с Хантером случится что-нибудь на Ботаническом Саду.

И Охотник не ошибся в своем выборе.

Женька, на счастье, был дома, и теперь Артем мог скоротать вечер за последними сплетнями, разговорами о будущем и крепким чаем.

– Здорово! – откликнулся приятель на приветствие Артема. – Ты тоже сегодня в ночь на фабрике? И меня вот поставили. Так ломало, хотел уже у начальства просить, чтобы поменяли. Но если тебя ко мне поставят, ничего, потерплю. Ты сегодня дежурил, да? В дозоре был? Ну, рассказывай! Я слышал, у вас там ЧП было... Что там произошло-то?

Артем многозначительно покосился на Женькину младшую сестренку, которая так заинтересовалась предстоящим разговором, что даже перестала пичкать тряпичную куклу, сшитую для нее матерью, грибными очистками и, затаив дыхание, смотрела на них из угла палатки круглыми глазами.

– Слышь, малая! – поняв, что именно Артем имеет в виду, сурово сказал Женька, – ты, это, давай собирай свои вещички и иди, играй к соседям. Кажется, тебя Катя в гости приглашала. С соседями надо поддерживать хорошие отношения. Так что давай, бери своих пупсиков в охапку – и вперед!

Девочка что-то возмущенно пропищала и с обреченным видом начала собираться, попутно делая внушения своей кукле, тупо смотревшей в потолок полустертыми глазами.

– Подумаешь, какие важные! Я и так все знаю! Про поганки эти ваши говорить будете! – презрительно бросила она на прощание.

– А ты, Ленка, мала еще про поганки рассуждать. У тебя еще молоко на губах не обсохло! – поставил ее на место Артем.

– Что такое молоко? – недоуменно спросила девочка, трогая свои губы.

Однако до объяснений никто не снизошел, и вопрос повис в воздухе.

Когда она ушла, Женька застегнул изнутри полог палатки и спросил:

– Ну, что случилось-то? Давай колись! Я тут столько всего слышал уже. Одни говорят, крыса огромная из туннеля вылезла, другие, что вы лазутчика черных отпугнули и даже ранили. Кому верить?

– Никому не верь! – посоветовал Артем. – Все врут. Собака это была. Щенок маленький. Его Андрей подобрал, который морпех. Сказал, что будет немецкую овчарку из него выращивать, – улыбнулся Артем.

– А я ведь от Андрея как раз и слышал, что это крыса была! – озадаченно произнес Женька. – Он специально наврал, что ли?

– А ты не знаешь? Это ведь у него любимая прибаутка: про крыс размером со свиней. Юморист он, понимаешь, – отозвался Артем. – А у тебя чего нового? Что от пацанов слышно?

Женькины друзья были челноками, поставляли чай и свинину на Проспект Мира, на ярмарку. Обрато везли мультивитамины, тряпки, всякое барахло, иногда даже доставали засаленные, часто с недостающими страницами, книги, которые неведомыми путями оказывались на Проспекте Мира, пройдя полметра, кочуя из баула в баул, из кармана в карман, от торговца к торговцу, чтобы, наконец, найти своего хозяина.

На ВДНХ гордились тем, что, несмотря на удаленность от центра и главных торговых путей, поселенцам удавалось не просто выжить в ухудшающихся день ото дня условиях, но и поддерживать, хотя бы в пределах станции, стремительно угасающую во всем метрополитене человеческую культуру.

Администрация станции старалась уделять этому вопросу как можно больше внимания. Детей обязательно учили читать, и на станции даже имелась своя маленькая библиотека, в которую, в основном, и свозились все выторгованные на ярмарках книги. Беда заключалась в том, что книги челнокам выбирать не приходилось, брали, что давали, и всякой макулатуры скапливалось предостаточно.

Но отношение к книгам у жителей станции было таково, что даже из самой никчемной библиотечной книжонки никогда и никем не было вырвано ни странички. К книгам относились как к святыне, как к последнему напоминанию о канувшем в небытие прекрасном мире. И взрослые, дорожившие каждой секундой воспоминаний, навеянных чтением, передавали это отношение к книгам своим детям, которым и помнить уже было нечего, которые никогда не знали и не могли узнать иного мира, кроме нескончаемого переплетения угрюмых и тесных туннелей, коридоров и переходов.

В метро были немногочисленны места, в которых печатное слово так же боготворилось, и жители ВДНХ с гордостью считали свою станцию одним из последних оплотов культуры, северным форпостом цивилизации на Калужско-Рижской линии.

Читали книги и Артем, и Женька. Женька дожидался каждый раз возвращения с ярмарки своих друзей и первым подлетал к ним узнать, не достали ли они чего-нибудь новенького. И тогда книга сперва попадала к Женьке, а только потом уже в библиотеку.

Артему книги приносил из своих походов отчим, и в палатке у них была почти настоящая книжная полка. На ней стояли пожелтевшие от времени, иногда чуть подпорченные плесенью и крысами, иногда в бурых пятнышках чьей-то засохшей крови, такие вещи, которых больше не было ни у кого на станции, а может, и во всем метро: Маркес, Кафка, Борхес, Виан, несколько томов русской классики.

– Ребята на этот раз ничего не привезли, – сказал Женька. – Леха говорит, там у одного мужика через месяц будет партия книг из Полиса. Обещал придержать парочку.

– Да я не про книги! – отмахнулся Артем. – Что слышно-то? Как обстановка?

– Обстановка? Вроде ничего. Ходят, конечно, слухи всякие, но это как всегда, ты же знаешь, челноки не могут без слухов и историй. Они прямо чахнут, ты их не корми, а слухи дай рассказать. Но верить в их байки или не верить – это еще вопрос. Вроде сейчас спокойно все. Если, конечно, сравнивать с тем временем, когда Ганза с красными воевала. Да! – вспомнил он. – На Проспекте Мира запретили дурь продавать. Теперь, если у челнока дурь находят, все конфискуют и со станции вышвыривают, плюс на заметку берут. Если во второй раз найдут, Леха говорит, вообще на несколько лет запрещают доступ на Ганзу. На всю! Челноку это вообще смерть.

– Да ладно! Прямо так и запретили? Что это они?

– Говорят, решили, что это наркотик, раз от нее глюки идут. И что от нее мозг отмирать начинает, если долго глотать. Типа, о здоровье заботятся.

– Вот и заботились бы о своем здоровье! Что они нашим вдруг обеспокоились?

– Знаешь что? – сказал Женька тоном ниже. – Леха говорит, что они вообще дезу пускают насчет вреда здоровью.

– Какую дезу? – удивленно спросил Артем.

– Дезинформацию. Вот слушай. Леха один раз зашел дальше Проспекта Мира по нашей линии. Добрался до Сухаревской. По делам по каким-то темным, он даже рассказывать не стал, по каким. И повстречал там одного интересного дядьку. Мага.

– Кого?! – Артем не выдержал и засмеялся. – Мага? На Сухаревской? Ну, он и гонит, твой Леха! И что, маг ему волшебную палочку подарил? Или цветик-семицветик?..

– Дурак ты, – обиделся Женька. – Думаешь, больше всех обо всем знаешь? То, что ты до сих пор не встречал магов и не слышал о них, не значит, что их нет. Вот в мутантов с Филевки ты веришь?

– А что в них верить? Они и так есть, это ясно. Мне отчим рассказывал. А про магов я что-то ничего не слышал.

– Сухой, между прочим, при всем моем к нему уважении, тоже, наверное, не все на свете знает. А может, просто тебя пугать не хотел. Короче, не хочешь слушать, черт с тобой.

– Да ладно, Жень, рассказывай. Интересно все-таки. Хотя звучит, конечно... – Артем ухмыльнулся.

– Ну вот. Они там ночевали рядом у костра. На Сухаревской, знаешь, никто постоянно не живет. Так, челноки с других станций на ночлег останавливаются, потому что с Проспекта Мира их власти Ганзы после отбоя выпроваживают. Ну, и всякий сброд там же ошивается, шарлатаны разные, ворюги – они к челнокам так и липнут. И странники там же отдыхают, перед тем как на юг идти. Там, за Сухаревской, в туннелях, начинается какой-то бред. Вроде и не живет там никто: ни крысы, ни мутанты никакие, а все равно люди, которые пытаются пройти, очень часто пропадают. Вообще пропадают, бесследно. За Сухаревской следующая станция – Тургеневская. Она с Красной Линией смежная: там на Чистые Пруды переход был, красные теперь обратно в Кировскую переименовали: был, говорят, такой коммунака... Испугались с такой станцией по соседству жить. Замуровали переход. И Тургеневская теперь пустая стоит. Зброшенная. Так что туннель там до ближайшего человеческого жилья от Сухаревской длинный... Вот в нем и исчезают. Поодиночке если люди идут, почти наверняка не пройдут. А если караваном, больше чем десять человек, тогда проходят. И ничего, говорят, нормальный туннель, чистый, спокойный, пустой, там и ответвлений-то нет, и исчезнуть вроде бы некуда... Ни души, не шуршит ничего, ни твари никакой не видно... А потом на следующий день наслушивается кто-нибудь про то, как там чисто и уютно, плюнет на суеверия, пойдет через этот туннель – и все, как корова языком слизнула. Был человек, и нет человека.

– Ты там что-то про мага рассказывал, – тихонько напомнил Артем.

– Сейчас и до мага доберусь, погоди немного, – пообещал Женька. – Так вот, люди боятся через эти туннели на юг поодиночке идти. И на Сухаревской себе компаньонов подыскивают, чтобы вместе, значит, пробираться. А если ярмарки нет, то людей мало и иногда днями приходится сидеть и ждать, а то и неделями, пока наберется достаточно людей, чтобы идти. Ведь как: чем больше народу, тем надежней. Леха говорит, там можно очень интересных людей встретить иногда. Швали, конечно, тоже достаточно, надо уметь отличать. Но бывает, повезет – и тогда такого наслушаешься... В общем, Леха там мага встретил. Не то, что ты думаешь, не Хоттабыча какого-нибудь плешивого из волшебной лампы...

– Хоттабыч – джинн, а не маг, – осторожно поправил Артем, но Женька проигнорировал его замечание и продолжал:

– Мужик – оккультист. Полжизни потратил на изучение всякой мистической литературы. Особенно Леха про какого-то Кастаньеду вспоминал... Мужик, значит, вроде мысли читает, в будущее смотрит, вещи находит, об опасности заранее знает. Говорит, что духов видит. Представляешь, он даже... – Женька выдержал артистическую паузу, – по метро без оружия путешествует! То есть вообще без оружия. Только нож складной – продукты резать, и посох такой – из пластика. Так вот! Он говорит, что и те, кто дурь делает, и те, кто ее глотает, – все безумцы. Потому что это вовсе не то, что мы думаем. Это не дурь никакая, и поганки эти – никакие не поганки на самом деле. Таких поганок в средней полосе отродясь не росло. Мне, между прочим, однажды попался справочник грибника, так вот там об этих поганках действительно ни слова. И даже ничего похожего на них нет... Те, кто их ест, думая, что это просто галлюциноген, мультики посмотреть, ошибаются, так этот маг сказал. И если эти поганки чуть по-другому приготовить, то с их помощью можно входить в такое состояние, из которого можно управлять событиями в реальном мире из мира этих поганок, в который ты попадаешь, если их ешь.

– Вот маг твой – точно натуральный наркоман! – убежденно заявил Артем. – У нас тут многие дурью балуются, чтобы расслабиться, сам знаешь, но никто до такой степени еще не наглывался. Мужик подсел, сто процентов. Ему уже недолго, наверное, осталось. Слушай, мне тут дядя Саша такую историю рассказал... На какой-то станции, я не помню уже на какой, к нему пристал незнакомый старикашка, и давай рассказывать, что он могучий экстрасенс и ведет непрекращающуюся битву против таких же мощных экстрасенсов и инопланетян, только злых. И что они его уже почти одолели, и он, может, уже и этого дня не выдержит, все силы уходят на борьбу. А станция – вроде Сухаревской, так, полустанок, костры и люди сидят, поближе к центру платформы, подальше от туннеля, чтобы выспаться и назавтра – дальше в путь. И вот, скажем, проходят мимо отчима со стариком три каких-то человека, и старик ему со страхом говорит: видишь, мол, вот тот, что посередине, это один из главных злых экстрасенсов, адепт тьмы. А по бокам – это инопланетяне. Они ему помогают. А их главный живет в самой глубокой точке метро. Как-то его зовут, мне отчим рассказывал... На «ский» заканчивается. И говорит, мол, они не хотят подходить ко мне, потому что ты тут со мной сидишь. Не хотят, чтобы о нашей борьбе простые люди узнали. Но меня сейчас энергетически атакуют, а я им щит ставлю. Я, мол, еще повоюю! Тебе вот смешно, а отчиму моему не очень тогда смешно было. Представь себе: богом забытый угол метро, мало ли, что там может произойти... Звучит, конечно, бредово, но все-таки. И вот дяде Саше, хотя он себе повторяет, что это просто больной человек, уже начинает казаться, что тот, который посередине шел, с двумя инопланетянами по бокам, как-то на него нехорошо смотрел, и вроде бы у него глаза чуть светились...

– Чушь какая, – неуверенно сказал Женька.

– Чушь-то она, может, и чушь, но готовым на дальних станциях, сам понимаешь, надо быть ко всему. И старик ему говорит, что скоро ему, старику то есть, предстоит последняя битва со злыми экстрасенсами. И если он проиграет, – а сил у него все меньше – значит, конец всему. Раньше, мол, положительных экстрасенсов было больше, и борьба велась на равных, но потом отрицательные стали одолевать, и старик этот – один из последних. А может, самый последний. И если он погибнет и плохие победят, все. Полный швах всему!

– У нас тут, по-моему, и так полный швах всему, – заметил Женька.

– Значит, пока не полный, есть куда стремиться, – ответил Артем. – Так вот, напоследок старик ему и говорит: «Сынок! Дай поесть чего-нибудь. А то сил мало остается. А последняя битва близится... И от ее исхода зависит наше общее будущее. И твое тоже!» Понял? Старичок еду клячил. Так и твой маг, я думаю. Тоже, наверное, крыша поехала. Но на другой почве.

– Нет, ты определенно дурак! Даже до конца не дослушал... и потом, кто тебе сказал, что старичок врал? Как его звали, кстати? Тебе отчим не говорил?

– Говорил, но я не помню уже точно. Смешное какое-то имя... На «Чу.» начинается. То ли «Чувак», то ли «Чудак»... У этих бомжей часто так: кличка какая-нибудь дурацкая вместо имени. А что? А этого мага твоего как?

– Он Лехе сказал, что сейчас его называют Карлосом. За сходство. Непонятно, что он имел в виду, но именно так он объяснил. И ты зря не дослушал. В конце их разговора он Лехе сказал, что завтра через северный туннель лучше не идти – а тот как раз собирался на следующий день возвращаться. Леха послушался и не пошел. И не зря. Как раз в тот день какие-то отморозки напали на караван в туннеле между Сухаревской и Проспектом Мира, хотя считалось, что это безопасный туннель. Половина челноков погибла. Еле отбились. Так вот!

Артем примолк и задумался.

– Вообще-то говоря, наверняка знать нельзя. Всякое случиться может. Раньше такое происходило, мне отчим рассказывал. И он еще говорил, что на совсем дальних станциях, там, где люди дичают и становятся как первобытные, забывают о том, что человек – разумное существо, происходят такие странные вещи, которые мы с нашим логическим мышлением вообще

не в состоянии объяснить. Он, правда, не стал уточнять, что это за вещи. Да он и не мне это рассказывал, я просто случайно подслушал.

– Ха! Я же тебе говорю: тут иногда такие штуки рассказывают, что нормальный человек никогда не поверит. Вот Леха в прошлый раз со мной еще одной историей поделился... Хочешь? Такого ты, наверное, даже от своего отчима не услышишь. Лехе на ярмарке один челнок с Серпуховской линии рассказывал... Вот ты в призраков веришь?

– Ну... После разговоров с тобой каждый раз начинаю себя спрашивать, верю я в них или нет. Но потом один побуду или с нормальными людьми поговорю и вроде отходить начинаю, – с трудом сдерживая улыбку, ответил Артем.

– А серьезно?

– Ну как, я читал, конечно, кое-что. И дядя Саша рассказывал немного. Но, честно говоря, не очень-то верится во все эти истории. Вообще-то, Жень, я тебя не понимаю. Тут у нас на станции и так непрекращающийся кошмар с этими черными, такого, наверное, нигде во всем метро нет больше. Где-нибудь на центральных станциях о нашей с тобой жизни детям рассказывают страшные сказки и спрашивают друг друга: «Ты веришь в эти байки о черных или нет?» А тебе и этого мало. Ты себя хочешь чем-нибудь еще поугатать?

– Да неужели тебе вообще не интересно ничего, кроме того, что ты можешь увидеть и пощупать? Неужели ты правда считаешь, что мир ограничивается тем, что ты видишь? Тем, что ты слышишь? Вот крот, скажем, не видит. Слепой он от рождения. Но ведь это не значит, что все те вещи, которых крот не видит, на самом деле не существуют. Так и ты...

– Ладно. Что за историю ты рассказать хотел? Про челнока с Серпуховской линии?

– Про челнока? А... Как-то Леха на этой ярмарке познакомился с мужиком одним. Он, вообще-то, не совсем с Серпуховской. Он с Кольца. Гражданин Ганзы, но живет на Добрынинской. А там у них переход на Серпуховскую. На этой линии, не знаю, говорил ли тебе твой отчим, за Кольцом жизни нет, то есть до следующей станции, до Тульской, по-моему, там стоят патрули Ганзы. Это они подстраховываются: мол, линия необитаемая, никогда не знаешь, что оттуда полезет, вот они и сделали себе буферную зону. И дальше Тульской никто не заходит. Говорят, искать там нечего. Станции все пустые, оборудование поломано – жить невозможно. Мертвая зона: ни зверей, ни дряни какой, даже крысы не водятся. Пусто. Но у челнока этого был знакомый, бродяга один, который дальше Тульской зашел. Не знаю, что он там искал. И вот он потом тому челноку рассказывал, что не так все просто на Серпуховской линии. И что недаром там так пусто. Говорил, что там такое творится, что просто невозможно представить. Недаром ее даже Ганза не пытается колонизировать, хотя бы под плантации или там под стойла...

Женька замолчал, чувствуя, что Артем наконец забыл о своем здоровом цинизме и слушает открыв рот. Тогда он сел поудобнее и сказал, внутренне торжествуя:

– Да тебе не интересно, наверное, всякий бред слушать. Так, бабушкины сказочки. Чаю налить?

– погоди ты со своим чаем! Ты мне лучше скажи, почему Ганза, в самом деле, не стала колонизировать этот участок? Правда, странно. Отчим говорил, что у нее последнее время вообще проблема с перенаселением – места уже на всех не хватает. И как же это они упустили такую возможность подмять под себя еще немного земли? Вот уж не похоже на них!

– Ага, интересно все-таки? Так вот, странник этот забрел довольно далеко. Говорил, что идешь, идешь – и ни души. Вообще никого и ничего, как в том туннеле за Сухаревской. Ты представляешь, даже крыс нет! Вода только капает. Станции заброшенные стоят, темные, словно на них и не жили никогда. И постоянно давит ощущение опасности. Так и гнетет... Он быстро шел, чуть не за полдня прошел четыре станции. Отчаянный человек, наверное. Надо же, в такую дичь одному забраться! В общем, дошел он до Севастопольской. Там переход на Каховскую. Ну, ты знаешь Каховскую линию, там и станций-то всего три. Не линия, а недо-

разумение. Аппендикс какой-то... И на Севастопольской он решил заночевать. Перенервничал, утомился... Нашел там какие-то щепки, костерок сложил, чтобы не так жутко было, залез в свой спальный мешок и лег спать посередине платформы. И ночью... – На этом месте Женька встал, потягиваясь, и с садистской улыбкой сказал: – Нет, ты как знаешь, а я определенно хочу чаю! – и, не дожидаясь ответа, вышел с чайником из палатки, оставив Артема наедине с впечатлениями от рассказанного.

Артем, конечно, разозлился на него за эту выходку, но решил дотерпеть до конца истории, а уж потом высказать Женьке все, что о нем думает. Неожиданно он вспомнил о Хантере и о его просьбе... скорее даже приказе... Но потом мысли снова вернулись к Женькиной истории.

Возвратившись, тот налил Артему заварки в граненый стакан в раритетном железном подстаканнике, в каких когда-то разносили настоящий чай в поездах, и продолжил:

– Так вот, лег он спать рядом с костром, а вокруг тишина, тяжелая такая, будто уши ватой забиты. И посреди ночи вдруг будит его странный такой звук... совершенно сумасшедший, невозможный звук. Он прямо потом холодным облился, да так и подскочил. Услышал он детский смех. Заливистый детский смех... Со стороны путей. Это в четырех перегонах от последних людей! Там, где даже крысы не живут, представляешь? Было с чего переполошиться... Он вскакивает, бежит через арку к путям... И видит... К станции подъезжает поезд. Настоящий состав. Фары так и сияют, слепят – бродяга мог без глаз остаться, хорошо, вовремя прикрылся рукой. Окна желтым светятся, люди внутри, и все это в полной тишине! Ни звука! Ни гула мотора не слышно, ни стука колес. В полном беззвучии всплывает этот поезд на станцию и не спеша уходит в туннель... Ты понимаешь? Мужик так и сел, у него с сердцем плохо стало. И ведь люди в окнах, вроде бы живые люди, разговаривают о чем-то неслышно... Поезд, вагон за вагоном, проходит мимо него, и он видит – в последнем окне последнего вагона стоит ребенок лет семи и смотрит на него. Смотрит, пальцем показывает, смеется... И смех этот слышен! Такая тишина, что мужик этот слышит, как у него сердце колотится, и еще этот детский смех... Поезд ныряет в туннель, и смех звенит все тише и тише... затихает вдали. И снова – пустота. И абсолютная, страшная тишина.

– Тут он проснулся? – ехидно, но с надеждой в голосе спросил Артем.

– Если бы! Бросился назад, к погасшему костру, собрал поскорее свои манатки и бежал безостановочно обратно, до Тульской. Прodelал весь путь за час. Очень страшно было, надо думать...

Артем затих, пораженный рассказанным. В палатке воцарилась тишина. Наконец, совладав с собой и кашлянув, убедившись, что голос его не подведет и он не даст петуха, Артем спросил у Женьки равнодушно, как только мог:

– И что, ты в это веришь?

– Просто я не первый раз слышу такие истории про Серпуховскую линию, – ответил тот. – Только я тебе не всегда рассказываю. С тобой ведь даже не поговоришь об этом как следует. Сразу ерничать начинаешь... Ладно, засиделись мы с тобой, скоро на работу уже идти. Собираться надо. Давай там договорим.

Артем нехотя встал, потянулся и поплелся домой – собрать себе что-нибудь перекусить на работе. Отчим все еще спал, на станции было совсем тихо: уже, наверное, был отбой, и до начала ночной смены на фабрике оставалось совсем немного. Стоило поторопиться. Проходя мимо палатки для гостей, в которой остановился Хантер, Артем увидел, что полог ее откинут, а внутри пусто. Что-то екнуло у него в груди. До него начало наконец доходить, что все, о чем он говорил с Хантером, не сон, что все это произошло на самом деле, а развитие событий может иметь самое непосредственное отношение к нему. А то и – как знать? – определить его дальнейшую судьбу.

Чайная фабрика находилась в тупике, у заблокированной задвижки нового выхода из метро, перед эскалатором, ведущим наверх. Фабрикой ее можно было назвать весьма условно: вся работа осуществлялась вручную. Тратить драгоценную электроэнергию на производство чая было слишком расточительно.

За железными ширмами, отделявшими территорию фабрики от остальной станции, от стены к стене была натянута металлическая проволока, на которой сушились очищенные грибные шляпки. Когда было особенно влажно, под ними разжигали небольшие костры, чтобы они сушились быстрее и не покрывались плесенью. Под проволокой стояли столы, на которых рабочие сначала нарезали, а потом измельчали засушенные грибы. Готовый чай паковали в бумажные или полиэтиленовые пакеты – смотря что имелось на станции – и добавляли туда еще кое-какие экстракты и порошки, состав которых держался в секрете и был известен только начальнику фабрики. Таков был нехитрый процесс производства чая. Если бы не непрерывные беседы во время работы, восемь часов нарезания и перетирания грибных шляпок были бы, наверное, крайне утомительным занятием.

Работал Артем в эту смену вместе с Женькой и давешним лохматым мужиком по имени Кирилл, с которым они вместе дежурили в заставе. Кирилл при виде Женьки очень оживился, очевидно, они уже раньше о чем-то говорили, и немедленно принялся рассказывать ему какую-то историю, видимо, недосказанную в прошлый раз. Артему с середины слушать было неинтересно, и он полностью погрузился в свои мысли. История о Серпуховской линии, рассказанная недавно Женькой, начала постепенно блекнуть в памяти, и снова выплывал на поверхность разговор с Хантером, о котором Артем совсем, казалось, забыл.

Что же делать? Поручение, возложенное на него Хантером, было слишком серьезным, чтобы не думать о нем. А вдруг у Хантера не выйдет задуманное? Он решился на совершенно безумный поступок, отважившись забраться в логово врага, в самое пекло. Опасность, которой он себя подвергает, огромна, и даже он сам не знает ее истинных размеров. Он может только догадываться о том, что ждет его за пятисотым метром, там, где меркнет последний отсвет костра пограничной заставы, может быть, последнего в мире рукотворного пламени к северу от ВДНХ. Все, что он знал о черных, знал любой житель ВДНХ – однако пойти на такое не решался никто. Фактически, не известно было даже, на Ботаническом Саду ли в действительности находится та лазейка, через которую твари с поверхности проникают в метрополистен.

Слишком велика была вероятность того, что Хантер не сможет выполнить взятой на себя миссии. Очевидно, опасность, исходящая с севера, оказалась настолько велика и возростала так быстро, что любое промедление было недопустимо. Возможно, Охотник знал о ее природе нечто такое, чего не раскрыл ни в беседе с Сухим, ни в разговоре с Артемом.

При этом он, должно быть, прекрасно осознавал степень риска и понимал, что может не справиться со своей задачей, иначе к чему готовить к такому повороту событий Артема? Хантер не походил на перестраховщика, а значит, вероятность того, что он не вернется на ВДНХ, существовала и даже была довольно велика.

Но как сможет Артем бросить все и уйти со станции, никому не сказавшись? Ведь Хантер сам боялся предупредить кого-либо еще, опасаясь «червивых мозгов»... Как возможно добраться до Полиса, до легендарного Полиса в одиночку, через все явные и тайные опасности, поджидающие путешественников в темных и глухих туннелях? Артем вдруг пожалел о том, что, поддавшись суровому шарму и гипнотизирующему взгляду Охотника, открыл ему свою тайну и согласился на такое опасное поручение.

– Эй, Артем! Артем! Ты спишь там, что ли? Ты чего не отвечаешь? – потряс его за плечо Женька. – Слышишь, что Кирилл говорит? Завтра вечером у нас караван организуют на Рижскую. Говорят, наша администрация решила с ними объединяться, а пока гуманитарную помощь им отправляем ввиду того, что скоро все побратаемся. А у них там вроде склад

обнаружился с кабелем. Начальство хочет прокладывать: говорят, телефон будут делать между станциями. Во всяком случае, телеграф. Кирилл говорит, кто завтра не работает, может пойти. Хочешь?

Артем тут же подумал, что сама судьба дает ему возможность выполнить поручение, если появится необходимость. Он молча кивнул.

– Здорово! – обрадовался Женька. – Я тоже собираюсь. Кирилл! Запиши нас, хорошо? Во сколько там завтра выходим, в девять?..

До конца смены Артем так и не вымолвил больше ни слова, не в состоянии отрешиться от занимавших его мрачных мыслей. Женька был оставлен на растерзание всклокоченному Кириллу и явно на это обиделся. Артем продолжал механическими движениями шинковать грибы, крошить их в пыль, снимать с проволоки новые шляпки, снова шинковать и опять крошить, и так до бесконечности.

Перед глазами стояло лицо Хантера в тот момент, когда он говорил, что может и не вернуться, – спокойное лицо человека, привыкшего рисковать жизнью. А в сердце чернильным пятном расплывалось предчувствие грядущей беды.

После работы Артем вернулся в свою палатку. Отчима уже не было, очевидно, ушел по своим делам. Артем опустил на постель, уткнулся лицом в подушку и тут же уснул, хотя собирался еще раз обдумать свое положение в тишине и покое.

Сон, болезненный и бредовый после всех разговоров, мыслей и переживаний прошедшего дня, обволок его и решительно увлек в свои пучины. Артем увидел себя сидящим у костра на станции Сухаревская, рядом с Женькой и странствующим магом с непривычным испанским именем Карлос. Карлос учил их с Женькой правильно готовить из поганок дурь и объяснял, что употреблять ее так, как это принято на ВДНХ, – чистое преступление, потому что эти поганки на самом деле не грибы вовсе, а новый вид разумной жизни на Земле, которая, может, заменит со временем человека. Что грибы эти не самостоятельные существа, а лишь частицы связанного нейронами единого целого, расплетенной по всему метрополитену гигантской грибницы. И что на самом деле тот, кто ест дурь, не просто употребляет психотропные вещества, а вступает в контакт с этой новой разумной жизнью. И если все делать правильно, то можно подружиться с ней, и тогда она будет помогать тому, кто общается с ней через дурь. Но потом вдруг появился Сухой и, грозя пальцем, сказал, что дурь употреблять вообще нельзя, потому что от длительного ее употребления мозги становятся червивыми. А Артем решил проверить, действительно ли это так: сказал всем, что идет проветриться, а сам осторожно зашел за спину магу с испанским именем и понял, что у того нет затылка и виден мозг, почерневший от множества червоточин. Длинные белесые черви, извиваясь кольцами, вгрызались в мозговую ткань и проделывали новые ходы, а маг все продолжал говорить, как ни в чем не бывало... Тогда Артем испугался и решил бежать от него, начал дергать за рукав Женьку, чтобы тот встал и пошел с ним, но Женька лишь нетерпеливо отмахивался и просил Карлоса рассказывать дальше, а Артем видел, как черви из головы мага по полу переползают к Женьке и, поднимаясь по его спине, пытаются пробраться к нему в уши...

Тогда Артем спрыгнул на пути и бросился бежать прочь от станции что было сил, но вспомнил, что это тот самый туннель, в который нельзя заходить поодиночке, а только группами, повернул и побежал обратно на станцию, но почему-то никак не мог на нее вернуться.

За его спиной вдруг зажегся свет, и Артем с поразительной для сна отчетливостью и логичностью увидел собственную тень на полу туннеля... Он обернулся – из недр метро на него неумолимо надвигался поезд, дьявольски скрежеща и гремя колесами, оглушая и слепя фарами...

И тут ноги отказали ему, стали бессильными, словно это и не ноги были, а пустые штанины, набитые для видимости всяким тряпьем. И когда поезд уже находился в считанных метрах от Артема, видение вдруг стремительно потеряло правдоподобие, выцвело и исчезло.

На смену ему пришло нечто новое, совершенно иное: Артем увидел Хантера, одетого во все снежно-белое, в комнате с такими же ослепительно белыми стенами и совсем без мебели. Он стоял, опустив голову, взгляд его буравил пол. Потом он поднял глаза и посмотрел прямо на Артема. Ощущение было очень странным, потому что в этом сне Артем не чувствовал своего тела, но словно смотрел на происходящее со стороны. Когда Артем взглянул в глаза Хантеру, его наполнило непонятное беспокойство, ожидание чего-то очень важного, что вот-вот должно было произойти...

Хантер заговорил с ним, и Артема захлестнуло чувство невероятной реальности происходящего. Когда ему снились предыдущие кошмары, он отдавал себе отчет в том, что просто спит, и все происходящие с ним события – лишь плод растревоженного воображения. В этом же видении сознание того, что в любой момент можно проснуться, отсутствовало начисто.

Пытаясь встретить взгляд Артема – хотя у того создалось впечатление, что Хантер на самом деле не видит его и предпринимает эти попытки вслепую, – Охотник медленно и тяжело проговорил: «Пришло время. Ты должен выполнить то, что обещал мне. Ты должен сделать это. Запомни, это не сон! Это не сон!..»

Артем широко распахнул глаза. И уже после этого в голове вновь, в последний раз, с ужасающей ясностью раздался глухой и чуть хриловатый голос: «Это не сон!»

– Это не сон, – повторил Артем. Детали кошмара о червях и поезде быстро стирались из памяти, но второе видение Артем запомнил прекрасно, во всех подробностях. Странное одеяние Охотника, загадочная пустая белая комната и слова: «Ты должен выполнить то, что обещал мне!» – не выходили у него из головы.

Вошел отчим и озабоченно спросил Артема:

– Скажи-ка, ты Хантера не видел после нашей вчерашней беседы? Вечереет уже, а он куда-то запропастился, и палатка его пуста. Ушел, что ли? Он тебе вчера ничего не говорил о своих планах?

– Нет, дядь Саш, просто об обстановке на станции расспрашивал, что тут у нас происходит, – добросовестно соврал Артем.

– Боюсь за него. Как бы он глупостей не наделал на свою голову, и нам бы еще не досталось, – расстроено произнес Сухой. – Не знает он, с кем связался... Эх! Что, не работаешь сегодня?

– Мы сегодня с Женькой записались в караван на Рижскую, помощь им переправлять, а оттуда начнем телеграфный кабель разматывать, – ответил Артем, вдруг осознав, что уже принял решение. При этой мысли что-то у него внутри оборвалось, он почувствовал странное облегчение и вместе с тем – какую-то пустоту внутри, словно у него из груди удалили опухоль, отягощавшую сердце и мешавшую дышать.

– В караван? Сидел бы ты лучше дома, а не шлялся по туннелям. Вот мне бы надо туда, как раз на Рижской дела, да что-то сегодня неважно себя чувствую. В другой раз уже, наверное... Ты ведь не сейчас еще уходишь? В девять? Ну, еще успеем попрощаться. Собирайся пока! – и он оставил Артема одного.

Тот принялся судорожно кидать в рюкзак вещи, которые могли пригодиться в дороге: фонарик, батарейки, еще батарейки, грибы, пакет чая, ливерная свиная колбаса, полный рожок для автомата, который он когда-то стащил, карту метро, еще батарейки... Не забыть паспорт – на Рижской он, конечно, ни к чему, но вот за ее пределами без паспорта первый же патруль суверенной станции может завернуть, а то и к стенке поставить – в зависимости от политического положения. И капсула, врученная ему Хантером. Все.

Закинув рюкзак за плечи, Артем в последний раз окинул взглядом свое жилище и решительно вышел из палатки.

Группа, уходящая с караваном, собиралась на платформе, у входа в южный туннель. На путях уже стояла ручная дрезина с погруженными на нее ящиками с мясом, грибами и паке-тами чая, а на них – какой-то мудреный прибор, собранный местными умельцами, наверное, телеграфный аппарат.

В караван, кроме Женьки и Кирилла, отправлялись еще двое: доброволец и командир от администрации – налаживать отношения и договариваться. Все они, кроме Женьки, уже собрались и теперь резались в домино в ожидании сигнала к выходу. Рядом стояли, составленные в пирамиду стволами вверх, выданные им на время похода автоматы с запасными рожками, примотанными к основным синей изолентой.

Наконец показался Женька, которому перед уходом необходимо было покормить сестру и отослать ее к соседям до возвращения родителей с работы.

В самый последний миг Артем вдруг вспомнил, что так и не попрощался с отчимом. Извинившись и пообещав, что тут же вернется, он скинул рюкзак и бросился домой. В палатке никого не было, и Артем побежал к помещениям, в которых когда-то размещался обслуживающий персонал, а сейчас располагалась администрация станции. Сухой был там, он сидел напротив Дежурного по станции, выборного главы ВДНХ, и о чем-то оживленно с ним беседовал. Артем постучал в косяк двери и тихонько кашлянул.

– Здравствуйте, Александр Николаевич. Можно мне с дядей Сашей поговорить секундочку?

– Конечно, Артем, заходи. Чай будешь? – радушно отозвался Дежурный.

– Ну, что, выходите уже? Когда назад будете? – отодвинувшись вместе со стулом от стола, спросил Сухой.

– Не знаю точно... – пробормотал Артем. – Как получится...

Он-то понимал, что, может, больше никогда не увидит отчима, и ему так не хотелось врать ему, единственному человеку, который по-настоящему любил Артема, что вернется завтра-послезавтра и все будет по-прежнему.

Артем почувствовал вдруг резь в глазах и к своему стыду обнаружил, что они увлажнились. Он сделал шаг вперед и крепко обнял отчима.

– Ну, что ты, Артемка, что ты... Вы же уже, наверное, завтра вернетесь... Ну? – удивленно и успокаивающе проговорил тот.

– Завтра вечером, если все по плану пойдет, – подтвердил Александр Николаевич.

– Будь здоров, дядь Саш! Удачи тебе! – хрипло выговорил Артем, пожал отчиму руку и быстро вышел, стесняясь своей слабости.

Сухой удивленно смотрел ему вслед.

– Что это парень расклеился? Вроде не в первый раз к Рижской идет...

– Ничего, Саша, ничего, придет время, возмужает твой пацан. Будешь еще тосковать по тем дням, когда он с тобой со слезами прощался, собираясь в поход через две станции! Так что ты говорил, какое на Алексеевской мнение о патрулировании туннелей? Нам бы это было очень сподручно...

Когда Артем бегом вернулся к группе, командир отряда выдал каждому автомат под расписку и сказал:

– Ну, что, мужики? Присядем на дорожку? – и первым опустил на отполированную за долгие годы деревянную скамью. Остальные молча последовали его примеру. – Ну, с богом! – командир встал и, тяжело спрыгнув на пути, занял свое место во главе отряда.

Артем и Женька, как самые молодые, залезли на дрезину, приготовившись к нелегкой работе. Кирилл и второй доброволец заняли место сзади, замыкая отряд.

– Поехали! – произнес командир.

Артем с Женькой налегли на рычаги, Кирилл чуть подтолкнул дрезину сзади, она скрипнула, тронулась с места и медленно покатила вперед. Замыкающие двинулись вслед за ней, и группа скрылась в жерле южного туннеля.

Глава 4

Голос туннелей

Неверный свет фонаря в руках командира бродил бледно-желтым пятном по стенам туннеля, лизал влажный пол и бесследно исчезал, когда фонарь направляли вдаль. Впереди была глубокая тьма, жадно пожиравшая слабые лучи карманных фонарей уже на расстоянии десяти шагов. Занудно и тоскливо поскрипывала дрезина, катясь в никуда, и рвали тишину тяжелым дыханием и мерным стуком подкованных сапог идущие за ней люди.

Все южные кордоны уже остались позади, давно померкли за спиной последние отсветы их костров – территория ВДНХ закончилась. И хотя участок между ВДНХ и Рижской считался в последнее время практически безопасным ввиду хороших отношений с соседями и довольно оживленного движения между станциями, устав требовал оставаться начеку.

Опасность далеко не всегда исходила с севера или юга – двух возможных направлений в туннеле. Она могла таиться вверху, в вентиляционных шахтах, слева или справа, в многочисленных ответвлениях, за задраенными дверьми бывших хозяйственных помещений или секретных выходов. Она поджидала внизу, в загадочных люках, оставленных метростроевцами, забытых и брошенных ремонтными бригадами, где на глубинах, сдавливающих сознание самых отчаянных смельчаков тисками иррационального ужаса, нечто страшное начало зарождаться, когда метро еще было просто средством передвижения...

Вот почему беспокойно блуждал по стенам луч командирского фонаря, а пальцы замыкающих непрерывно поглаживали предохранители на автоматах, готовые в любой момент зафиксировать их на автоматическом режиме огня и лечь на спусковые крючки. Вот почему так немногословны были идущие: болтовня расслабляла и мешала вслушиваться в дыхание туннелей.

Артем, начиная уже уставать, все работал и работал, а рукоять, ушедшая было вниз, вновь возвращалась на прежнее место, монотонно скрежетал механизм, снова и снова проворачивались колеса. Он безуспешно вглядывался вперед, а в голове у него крутилась в такт стуку колес, так же тяжело и надрывно, фраза, услышанная накануне от Хантера, его слова о том, что власть тьмы – это самая распространенная форма правления на территории Московского метрополитена.

Он пытался думать о том, как именно ему следует пробираться в Полис, пробовал строить планы, но медленно разливающаяся по мышцам жгучая боль и усталость, поднимаясь от полу-согнутых ног через поясницу, захлестывая руки, вытесняла из головы все сколько-нибудь сложные мысли.

Жаркий соленый пот, сперва неспешно вызревавший у него на лбу крошечными капельками, теперь, когда капли выросли и отяжелели, обильно стекал по лицу, заливал глаза, и не было возможности его вытереть, потому что по другую сторону механизма стоял Женька, и отпустить рукоять значило взвалить всю работу на него одного. В ушах все громче стучала кровь, и Артем вспомнил, что, когда он был маленьким, он любил принять какую-нибудь неудобную позу, чтобы услышать, как стучит в ушах, потому что этот звук напоминал ему слаженный шаг строя солдат на параде... И можно было, закрыв глаза, представить себе, будто он – принимающий этот парад маршал, и верные дивизии, чеканя шаг, проходят мимо него, и каждый крайний в шеренге держит на него равнение... Как это было нарисовано в книжках про армию.

Наконец командир, не оборачиваясь, сказал:

– Ладно, ребята, слезайте, меняйтесь местами. Половину прошли.

Артем, переглянувшись с Женькой, спрыгнул с дрезины, и оба они, не сговариваясь, сели на рельсы, хотя должны были занять места впереди и позади нее.

Командир посмотрел на них внимательно и сказал сочувственно:

– Сопляки...

– Сопляки, – с готовностью признал Женька.

– Вставайте-вставайте, нечего рассиживаться. Труба зовет. Я вам сказочку хорошую расскажу.

– Мы вам тоже всякого рассказать можем! – уверенно заявил Женька, нехотя поднимаясь.

– Я-то ваши все знаю. Про черных там, про мутантов... Про грибы эти ваши, конечно.

Но есть и пара таких, о которых вы ничего не слышали. Да это, может, и не сказки никакие, только вот проверить никто не может... То есть бывали такие, кто пытался проверить, но вот что они выяснили, поведать нам они уже точно не смогут.

Артему оказалось достаточно этого вступления, чтобы у него открылось второе дыхание. Сейчас для него имела огромное значение любая информация о том, что начинается за станцией Проспект Мира. Он поспешил встать с рельсов и, перетянув автомат со спины на грудь, занял свое место за дрезиной.

Небольшой толчок для разгона, и колеса вновь запели свою заунывную песню. Отряд двинулся вперед. Командир смотрел вперед, настороженно вглядываясь в темноту, поэтому слышно было не все.

– Что, интересно, вашему поколению вообще о метро известно? – говорил командир. – Так, рассказываете всякие байки друг другу. Кто-то где-то был, кто-то сам все придумал. Один другому переврал то, что ему нашептал третий, который, в свою очередь, приукрасил историю, услышанную за чаем от четвертого, а выдавал-то за собственные приключения... Вот в чем главная проблема метро: нет надежной связи. Нет возможности быстро пробраться из одного конца в другой: где не пройти, где перегорожено, где ерунда какая-то творится, и обстановка каждый день меняется... Ведь весь этот метрополитен, думаете, он очень большой? Да его из конца в конец на поезде проехать всего-то час. А ведь люди теперь неделями идут и чаще всего не доходят. И никогда не знаешь, что тебя на самом деле ждет за поворотом. Вот мы вроде на Рижскую с гуманитарной помощью отправились... Но проблема в том, что никто – ни я, ни Дежурный, в том числе, – не готов поручиться на сто процентов, что, когда мы туда придем, нас не встретят шквальным огнем. Или что мы не обнаружим выжженную станцию без единой живой души. Или не выяснится вдруг, что Рижская теперь присоединена к Ганзе, и поэтому нам выхода в остальную часть метро больше нет и никогда не будет. Нет точной информации... Получил вчера утром сведения – все, уже к вечеру устарели, и полагаться на них сегодня нельзя. Все равно что идти через зыбучие пески по карте столетней давности. Гонцы так долго добираются, что сообщения, которые они несут, часто оказываются либо уже ненужными, либо уже неверными. Истина искажается. Люди никогда не оказывались в таких условиях... И страшно подумать, что же будет, когда у нас кончится топливо для генераторов и не будет больше электричества. Читали у Уэллса «Машину времени»? Так вот там были такие морлоки...

Для Артема это был уже второй подобный разговор за последние два дня, он уже знал о морлоках и Герберте Уэллсе, и слушать о них еще раз отчего-то вовсе не хотел. Поэтому, несмотря на Женькины попытки протестовать, он решительно вернул разговор в первоначальное русло:

– Ну, а что известно о метро вашему поколению?

– М-м... О дьявольщине в туннелях говорить – дурная примета... О Метро-2 и о Невидимых наблюдателях? Не буду. Но вот о том, кто где живет, кое-что рассказать любопытное могу. Вот вы знаете, например, что там, где раньше Пушкинская была, – там еще на две другие станции переход, на Чеховскую и на Тверскую, – там теперь фашисты все захватили?

– Какие еще фашисты? – недоуменно спросил Женька.

– Натуральные фашисты. Когда-то давно, когда мы еще жили там, – командир показал пальцем вверх, – были такие. Бритоголовые были и еще такие, которые назывались РНЕ, и другие, против иммиграции, какие-то пни, и еще всякие разные, такая уж была в то время мода. Шут знает, что эти сокращения значат, сейчас уже и не помнит никто, да и сами они, наверное, уже не помнят. Потом вроде исчезли. Не слышно о них ничего и не видно. И вот вдруг некоторое время назад на Пушкинской объявились. «Метро для русских!» Слышали такое? Или вот: «Делай добро – чисти метро!» Вышвырнули всех нерусских с Пушкинской, потом с Чеховской, до Тверской добрались. Под конец уже озверели, начались расправы. Теперь там у них Рейх. Четвертый или пятый... Что-то около того. Дальше пока вроде не лезут, но историю двадцатого века наше поколение еще помнит. Да что фашисты... Ведь мутанты эти с Филевской линии, между прочим, существуют на самом деле... А черные наши чего стоят! И есть еще разные сектанты, сатанисты, коммунисты... Кунсткамера. Просто кунсткамера.

Они проехали мимо выбитых дверей в брошенные служебные помещения. То ли уборные там были раньше, то ли убежища... Всю обстановку – железные двухъярусные кровати или грубую сантехнику – давно уже растащили, и теперь в пустые темные комнаты, разбросанные по туннелям, никто не совался. Хоть и знали, что там вроде бы ничего нет... Но чем черт не шутит!

Впереди стало заметно слабое мерцание. Они приближались к Алексеевской. Станция была малонаселенная, и патруль выставлялся только один, на пятидесятом метре – большего не могли себе позволить. Командир отдал приказ остановиться метрах в сорока от костра, разожженного патрулем с Алексеевской, и несколько раз включил и выключил фонарь в определенной последовательности, давая условный сигнал. На фоне пламени обозначился черный силуэт – к ним шел проверяющий. Еще издалека он крикнул:

– Стойте на месте! Не приближайтесь!

Артем спросил себя: неужели действительно может так случиться, что однажды их не признают на станции, которая всегда считалась дружественной, и встретят в штыки?

Человек не спеша приблизился к ним. Одет он был в тертые камуфляжные штаны и ватник с жирно намалеванной литерой «А» – видимо, первой буквой названия станции. Впалые щеки его были небриты, глаза подозрительно поблескивали, а руки нервно поглаживали ствол висящего на шее автомата. Он взгляделся в их лица, улыбнулся, признавая, и в знак доверия закинул автомат за спину.

– Здорово, мужики! Как живете-можете? Это вы на Рижскую? Знаем-знаем, предупреждены. Пошли!

Командир принялся о чем-то расспрашивать патрульного, но неразборчиво, и Артем, надеясь, что его тоже никто не расслышит, сказал Женьке тихонько:

– Заморенный он какой-то. Мне кажется, не от хорошей жизни они с нами объединяться собрались.

– Ну, так что с того? – отозвался его приятель. – У нас тоже свои интересы. Если наша администрация на это идет, значит, нам это надо. Не из благотворительности же мы их кормить собираемся.

Миновав костер на пятидесятом метре, у которого сидел второй дозорный, одетый так же, как и встретивший их человек, дрезина выкатилась на станцию. Алексеевская была плохо освещена, а люди, населявшие ее, казались молчаливыми и унылыми. На гостей с ВДНХ, впрочем, они смотрели дружелюбно. Отряд остановился посередине платформы, и командир объявил перекур. Артема с Женькой оставили на дрезине – охранять, а остальных позвали к костру.

– Про фашистов и про Рейх я еще ничего не слышал, – сказал Артем.

– Мне рассказывали, что где-то в метро фашисты есть, – ответил Женька. – Но только говорили, что они на Новокузнецкой.

– Кто рассказывал?
– Леха говорил, – неохотно признался Женька.
– Он тебе много еще чего интересного рассказал, – напомнил Артем.
– Но фашисты ведь и вправду есть! Ну, перепутал человек место. Но не соврал же! – оправдывался приятель.

Артем замолчал и задумался. Перекур на Алексеевской должен был продолжаться не меньше получаса: у командира имелся какой-то разговор к местному начальнику – вероятно, о грядущем объединении. Потом они должны были двигаться дальше, чтобы до конца дня дойти до Рижской. Переночевав там, решив все вопросы и осмотрев найденный кабель, надо было отправить обратно гонца с запросом дальнейших указаний. Если кабель можно будет приспособить для сообщения между тремя станциями, его следует разматывать и подключать телефонную связь. Но если он окажется негодным, придется сразу возвращаться на станцию.

Таким образом, Артем имел в своем распоряжении не больше двух дней. За это время необходимо было изобрести предлог, под которым можно было бы пройти через внешние кордоны Рижской, еще более подозрительные и придирчивые, чем внешние патрули ВДНХ. Недоверчивость их была вполне объяснима: там, на юге, начиналось большое метро, и южный кордон Рижской подвергался нападениям намного чаще. Пусть опасности, угрожавшие населению Рижской, были не столь таинственны и страшны, как угроза, нависшая над ВДНХ, зато они отличались невероятным разнообразием. Бойцы, оборонявшие южные подходы к Рижской, никогда не знали, чего именно ждать, и потому им приходилось быть готовыми ко всему.

От Рижской к Проспекту Мира вели два туннеля. Засыпать один из них по каким-то соображениям не представлялось возможным, и рижанам приходилось перекрывать оба. На это уходило слишком много сил, поэтому для них и было жизненно важно обезопасить хотя бы северное направление. Объединяясь с Алексеевской и, самое главное, с ВДНХ, они перекладывали бремя защиты северного направления на их плечи и обеспечивали спокойствие в туннелях между станциями, а значит, возможность использования их для хозяйственных целей. А на ВДНХ в этом видели удобный повод для расширения своего влияния, своей территории и мощи.

В связи с грядущим объединением внешние заставы рижан проявляли повышенную бдительность: необходимо было доказать будущим союзникам, что в вопросе обороны южных рубежей на них можно положиться. Поэтому пробраться через кордоны как в одном, так и в другом направлении представлялось делом весьма и весьма непростым. И задачу эту решить Артему предстояло в течение одного, максимум двух дней.

Однако, несмотря на свою сложность, она вовсе не казалась невыполнимой. Вопрос был в том, что делать дальше. Даже если проникнуть за южные заставы удастся, надо еще найти относительно безопасный путь к Полису. Из-за того, что решение приходилось принимать срочно, на ВДНХ у Артема совершенно не оставалось времени обдумать свой путь к Полису. Дома бы он мог расспросить об опасностях знакомых челноков, не вызвав ничьих подозрений. Спрашивать о дороге к Полису у Женьки, а тем более, у кого другого из отряда Артем не хотел, так как прекрасно понимал, что это неизбежно вызовет подозрения, а уж Женька точно поймет, что Артем что-то затевает. Друзей ни на Алексеевской, ни на Рижской у Артема не было, а незнакомцам доверяться в таком важном вопросе он не собирался.

Воспользовавшись тем, что Женька отошел поболтать с сидевшей неподалеку от них на платформе девушкой, Артем украдкой достал из рюкзака крошечную карту метро, отпечатанную на обратной стороне обуглившегося по краям рекламного листка, прославлявшего давно сгинувший вещевой рынок, и несколько раз обвел Полис огрызком простого карандаша.

Путь до него, казалось, был так прост и недолог... В те мифические стародавние времена, о которых рассказывал командир, когда людям не приходилось брать с собой оружия, пускаясь в путешествие от станции к станции, даже если предстояло сделать пересадку и ока-

заться на чужой линии; в те времена, когда дорога от одной конечной до другой, противоположной, не занимала и часа; в те времена, когда туннели населяли только гремящие мчащиеся поезда, – тогда расстояние, разделяющее ВДНХ и Полис, можно было одолеть быстро и беспрепятственно.

Прямо по ветке до Тургеневской, там – переход на Чистые Пруды, как они назывались на старенькой карте, которую разглядывал Артем, или на Кировскую, в которую вновь переименовали ее коммунисты, и по красной, Сокольнической линии – прямо к Полису... В эпоху поездов и ламп дневного света такой поход не занял бы и тридцати минут. Но с тех пор, как слова «красная линия» стали писаться с большой буквы, кумачовый стяг повис над переходом на Чистые Пруды, да и сами Чистые Пруды перестали быть таковыми, нечего уже было и думать о том, чтобы пытаться попасть в Полис кратчайшим путем.

По известным обстоятельствам руководство Красной Линии оставило попытки насильно осчастливить население всего метро, распространив на него власть Советов, и приняло новую доктрину, допускающую возможность построения коммунизма на отдельно взятой линии метрополитена. Хотя, не в силах отказаться от своей мечты, оно и продолжало амбициозно называть его Метрополитеном имени В. И. Ленина, никаких практических шагов в этом направлении давно уже не предпринималось.

Однако, несмотря на кажущуюся миролюбивость режима, его внутренняя паранойяльная сущность ничуть не изменилась. Сотни агентов службы внутренней безопасности, по старинке и даже с некоторой ностальгией именуемой КГБ, постоянно пристально следили за счастливыми обитателями Красной Линии, а уж их интерес к гостям с других линий был поистине безграничен. Без специального разрешения руководства «красных» никто не мог проникнуть ни на одну из их станций. А постоянные проверки паспортов, тотальная слежка и общая клиническая подозрительность немедленно выявляли как случайно заблудших странников, так и засланных шпионов. Первые приравнивались ко вторым, судьба и тех и других была весьма печальна. Поэтому Артему не стоило и помышлять о том, чтобы добраться до Полиса через три станции и три перегона, принадлежащих Красной Линии.

Да и не могла, наверное, быть такой простой дорога к самому сердцу метро. В Полис... Одно это название, произнесенное кем-то в разговоре, заставляло Артема, да и не только его, благоговейно умолкнуть. Он и сейчас отчетливо помнил, как в самый первый раз услышал незнакомое слово в рассказе какого-то гостя отчима, а потом, когда этот гость ушел, спросил у Сухого тихонько, что это слово значит. Отчим тогда посмотрел на него внимательно и с еле различимой тоской в голосе сказал: «Это, Артемка, последнее, наверное, место на Земле, где люди живут как люди. Где они не забыли еще, что это значит – человек, и как именно это слово должно звучать». Отчим грустно усмехнулся и добавил: «Это – Город...»

Полис находился на площади самого большого в Московском метрополитене перехода, на пересечении четырех разных линий, и занимал целых четыре станции метро: Александровский Сад, Арбатскую, Боровицкую и Библиотеку им. Ленина, вместе с соединяющими эти станции переходами. На этой огромной территории размещался последний подлинный очаг цивилизации, последнее место, где жило так много людей, что провинциалы, однажды побывавшие там, не называли уже это место иначе как Городом. Кто-то дал Городу другое название, впрочем, означавшее то же самое – Полис. И, может, оттого, что в этом слове слышалось далекое и еле уловимое эхо могучей и прекрасной древней культуры, словно обещавшей свое покровительство поселению, чужое имя прижилось.

Полис оставался для метро явлением совершенно уникальным. Там, и только там, еще можно было встретить хранителей тех старых и странных знаний, применения которых в суровом новом мире, с его изменившимися законами, просто не находилось. Знания эти для обитателей почти всех остальных станций, в сущности, для всего метро, медленно погружавшегося в пучину хаоса и невежества, становились никчемными, как и их носители.

Гонимые отовсюду, единственное свое пристанище они находили в Полисе, где их всегда ждали с распростертыми объятиями, потому что правили здесь их собратья. Потому в Полисе, и только в Полисе, можно было встретить дряхлых профессоров, у которых когда-то были свои кафедры в славных университетах, ныне полуразрушенных, опустевших и захваченных крысами и плесенью. Только там жили последние художники, артисты, поэты. Последние физики, химики, биологи... Те, кто внутри своей черепной коробки хранил все то, чего человечеству удалось достичь и познать за тысячи лет непрерывного развития. Те, с чьей смертью все это было бы утрачено навек.

Располагался Полис в том месте, где когда-то был самый центр города, по имени которого нарекли метро. Причем прямо над Полисом возвышалось здание Библиотеки имени Ленина – самого обширного хранилища информации ушедшей эпохи. Сотни тысяч книг на десятках языков, охватывающих, вероятно, все области, в которых когда-либо работала человеческая мысль и накапливались сведения. Сотни тонн бумаги, испещренной всевозможными буквами, знаками, иероглифами, часть из которых уже некому было читать, ведь языки, на которых они были написаны, стинули вместе с говорившими на них народами... Но все же огромное количество книг еще могло быть прочтено и понято, и умершие столетия назад люди, написавшие их, еще могли о многом поведать живущим.

Из всех тех немногих конфедераций, империй и просто могущественных станций, которые в состоянии были отправлять на поверхность экспедиции, только Полис посылал сталкеров за книгами. Только там знания имели такую ценность, что ради них были готовы рисковать жизнями своих добровольцев, выплачивать баснословные гонорары наемникам и отказывать себе в материальных благах во имя приобретений благ духовных.

И, несмотря на кажущуюся непрактичность и идеализм своего руководства, Полис выставлял год за годом, и беды обходили его стороной, а если что-то угрожало его безопасности, казалось, все метро готово было сплотиться для его защиты. Отголоски последних сражений, происходивших там во время памятной войны между Красной Линией и Ганзой, уже затихли, и вновь вокруг Полиса образовалась волшебная аура неуязвимости и благополучия.

И когда Артем думал об этом удивительном месте, ему совсем не казалось странным, что путь к нему просто не может быть легким, он обязательно должен быть запутанным, полным опасностей и испытаний, иначе сама цель похода утратила бы часть своей загадочности и очарования.

Если дорога через Кировскую, по Красной Линии к Библиотеке имени Ленина, представлялась невозможной и слишком рискованной, то преодолеть патрули Ганзы и пройти по Кольцу можно было попробовать. Артем взгляделся в обугленную карту внимательнее.

Вот если бы ему удалось проникнуть на внутренние территории Ганзы, выдумав какой-нибудь предлог, уболтав охрану кордона, прорвавшись с боем или еще как-нибудь, тогда путь до Полиса был бы довольно короток. Артем уткнул палец в карту и повел им по линиям. Если спуститься от Проспекта Мира направо по Кольцу, всего через две станции, принадлежащие Ганзе, он вышел бы к Курской. Там можно было бы сделать пересадку на Арбатско-Покровскую линию, а оттуда уже рукой подать до Арбатской, то есть до самого Полиса. Правда, на пути вставала Площадь Революции, отданная после войны Красной Линии в обмен на Библиотеку имени Ленина, но ведь красные гарантировали свободный транзит всем путникам, и это было одним из основных условий мирного договора. И так как Артем вовсе не собирался выходить на саму станцию, а только хотел проследовать мимо, то его, по идее, должны были беспрепятственно пропустить. Поразмыслив, он решил пока остановиться на этом плане и попытаться по пути разузнать подробности о тех станциях, через которые ему предстояло пройти. Если же что-то не заладится, сказал он себе, всегда можно будет найти запасной маршрут. Всматриваясь в переплетение линий и в обилие пересадочных станций, Артем подумал, что командир, пожалуй, слегка перегибал, живописуя трудности даже самых коротких похо-

дов по метро. Например, можно было спуститься от Проспекта Мира не направо, а налево – Артем повел пальцем вниз по Кольцу, – до Киевской, а там через переход либо по Филевской, либо по Арбатско-Покровской линии лишь два перегона до Полиса. Задача больше не казалась Артему невыполнимой. Это маленькое упражнение с картой добавило ему уверенности в себе. Теперь он знал, как действовать, и больше не сомневался в том, что, когда караван дойдет до Рижской, он не вернется с отрядом назад, на ВДНХ, а продолжит поход к Полису.

– Изучаешь? – над самым ухом спросил подошедший Женька, которого Артем не заметил, погрузившись в свои мысли.

От неожиданности Артем подскочил на месте и смущенно попытался спрятать карту.

– Да нет... Я это... Хотел найти по карте станции, где Рейх этот, про который нам рассказывали сейчас.

– Ну, и что, нашел? Нет? Эх ты, дай покажу, – с чувством превосходства сказал Женька. В метро он ориентировался намного лучше Артема, да и других своих сверстников, и очень этим гордился. С первого раза он безошибочно ткнул в тройной переход между Чеховской, Пушкинской и Тверской. Артем вздохнул – от облегчения, но Женька решил, что это он от зависти.

– Ничего, придет время, тоже будешь разбираться в этом деле не хуже моего, – решил утешить он Артема.

Тот изобразил на лице признательность и поспешил перевести разговор на другую тему.

– А сколько времени у нас привал? – спросил он.

– Молодежь! Подъем! – раздался зычный бас командира, и Артем понял, что отдыхать больше не придется, а перекусить он так и не успел.

Опять была их с Женькой очередь вставать на дрезину. Заскрежетали рычаги, загрохотали по бетону кирзовые сапоги, и они снова вошли в туннель.

На этот раз отряд двигался вперед молча, и только командир, подозревая к себе Кирилла, шагал с ним в ногу и что-то тихонько обсуждал. Подслушивать их Артему не хватало ни желания, ни сил – всю энергию отнимала треклятая дрезина.

Замыкающий, оставленный в одиночестве, чувствовал себя явно не в своей тарелке и поминутно боязливо оглядывался назад. Артем стоял на дрезине лицом к нему и прекрасно видел, что как раз сзади-то ничего страшного нет, но вот посмотреть через плечо, вперед, в туннель, так и подмывало. Этот страх и неуверенность преследовали его всегда, да и не только его. Любому одинокому путнику знакомо это ощущение. Придумали даже особое название – «страх туннеля»: когда идешь по туннелю, особенно с плохим фонарем, всегда кажется, что опасность – прямо за твоей спиной. Иной раз это чувство так обостряется, что затылком ощущаешь чей-то тяжелый взгляд или не взгляд даже... Кто знает, кто или что там и как оно воспринимает мир... И так, бывает, невыносимо гнетет, что не выдержишь, повернешься молниеносно, ткнешь лучом в черноту – а там никого... Тишина... Пустота... Все вроде спокойно. Но пока смотришь назад, до боли в глазах вглядываешься во тьму, оно уже сгущается за твоей спиной, опять за твоей спиной, и хочется снова метнуться вперед, осветить фонарем в туннель – нет ли там кого, не подобрался ли кто, пока ты глядел в другую сторону... И опять... Тут главное – не потерять самообладания, не поддаться этому страху, убедить себя, что бред это все, что нечего бояться, что слышно же ничего не было...

Но очень трудно справиться с собой, особенно когда идешь один. Люди так рассудок теряли. Просто не могли больше успокоиться, даже когда достигали обитаемой станции. Потом, конечно, понемногу приходили в себя, но снова войти в туннель заставить себя не могли – их немедленно охватывала та самая давящая тревога, знакомая каждому жителю метро, но для них превратившаяся в губительное наваждение.

– Не бойся, я смотрю! – ободряюще крикнул Артем замыкающему. Тот кивнул, но через пару минут не выдержал и снова оглянулся. Трудно...

– У Сереги один знакомый вот именно так и съехал, – тихо сказал Женька, сообразив, что Артем имеет в виду. – У него, правда, причина более серьезная была. Он, понимаешь ли, решил в одиночку через тот самый туннель на Сухаревской пройти, помнишь, про который я тебе раньше рассказывал? Там, где одному пройти никак нельзя, а с караваном – запросто? Выжил парень. И знаешь, почему выжил? – Женька ухмыльнулся. – Потому что дальше сотого метра войти храбрости не хватило. Когда он туда уходил, бравый такой был, решительный. Ха... Через двадцать минут вернулся – глаза вытаращенные, волосы на голове дыбом стоят от страха, ни слова по-человечески произнести не может. Так от него и не добились больше ничего – он с тех пор говорит как-то бессвязно, все больше мычит. И в туннели больше ни ногой – так и торчит на Сухаревской, попрошайничает. Он теперь там местный юродивый. Мораль ясна?

– Да, – неуверенно сказал Артем.

Некоторое время отряд двигался в полной тишине. Артем вновь погрузился в свои размышления и шагал так довольно долго, пытаясь изобрести нечто правдоподобное, что можно было бы соврать на заставе при выходе с Рижской.

Так продолжалось, пока он не понял, что ему мешает думать постепенно нарастающий странный шум, доносящийся из лежащего впереди туннеля. Шум этот, почти неуловимый вначале, находящийся где-то на зыбкой границе слышимого и ультразвука, медленно и совсем незаметно креп, так что невозможно было определить момент, когда Артем начал слышать его. К тому моменту, как он его осознал, шум звучал уже довольно сильно, напоминая более всего свистящий шепот – непонятный, нечеловеческий.

Артем быстро взглянул на остальных. Все двигались слаженно и молча. Командир больше ни о чем не говорил с Кириллом, Женька думал о чем-то своем, и замыкающий спокойно смотрел вперед, перестав нервно вертеться. Никто из них не проявлял ни малейшего беспокойства. Они ничего не слышали. Ничего! Артему стало страшно. Спокойствие и молчание всего отряда, все более заметное на фоне нарастающего шипения, было совершенно непостижимым и пугающим. Артем бросил рукоять дрезины и выпрямился в полный рост. Женька удивленно посмотрел на него. Глаза его были ясны, в них не было ни следа дурмана или чего-то подобного, что Артем боялся там найти.

– Ты что? – спросил он недовольно. – Устал, что ли? Ты сказал бы заранее, а не бросал так вот.

– Ты ничего не слышишь? – с недоумением спросил Артем, и что-то в его голосе заставило Женьку перемениться в лице.

Тот прислушался тоже, не переставая работать руками. Дрезина, однако, пошла медленнее, потому что Артем все еще стоял с растерянным видом, ловя отзвуки загадочного шума.

Командир заметил это и обернулся:

– Что там с вами? Батарейки сели?

– Вы ничего не слышите? – спросил у него Артем.

И вместе с тем в душу к нему закралось гадкое ощущение, что на самом-то деле нет никакого шума – вот никто ничего и не слышит. Просто у него крыша поехала, просто от страха ему мерещится... От рассказов всяких и от неотступно, в шаг за спиной замыкающего, ползущей за их отрядом тьмы.

Командир дал знак остановиться, чтобы не мешали скрип дрезины и грохот сапог, и замер. Руки его поползли к автомату, он стоял неподвижно и напряженно вслушивался, повернувшись к туннелю одним ухом.

Странный звук был тут как тут, Артем теперь слышал его отчетливо, и чем яснее он становился, тем внимательнее Артем всматривался в лицо командира, пытаясь понять, слышит ли и тот все то, что наполняло Артемово сознание усиливающимся беспокойством. Но черты лица

командира постепенно разглаживались, и Артема захлестнуло жгучее чувство стыда. Еще бы: остановил отряд из-за какой-то ерунды, сдрейфил, да еще и других переполошил.

Женька, очевидно, тоже ничего не слышал, хотя и пытался. Бросив, наконец, это занятие, он с ехидной усмешкой посмотрел на Артема и, заглядывая ему в глаза, проникновенно спросил:

– Глюки?

– Да пошел ты! – неожиданно раздраженно бросил Артем. – Что вы все, оглохли что ли?

– Глюки! – удовлетворенно заключил Женька.

– Тишина. Совсем ничего. Тебе показалось, наверное. Ничего, это бывает, не напрягайся, Артем. Берись давай и поедem дальше, – мягко, чувствуя ситуацию, сказал командир, и сам пошел вперед.

Артему ничего не оставалось, как вернуться на место. Он честно пытался убедить себя, что шепот ему только показался, что это все от напряжения, пытался расслабиться и не думать ни о чем, надеясь, что вместе с тревожно мечущимися мыслями из головы удастся выкинуть и этот чертов шум. У него получилось на некоторое время остановить свои мысли, но в опустевшей на мгновение голове звук стал гулким, более громким и ясным. Он набирал мощь по мере того, как они все глубже продвигались на юг, а когда усилился настолько, что, казалось, заполнил все метро, Артем вдруг заметил, что Женька работает только одной рукой, а другой, видимо не обращая внимания на то, что делает, потирает себе уши.

– Ты что? – шепнул ему Артем.

– Не знаю... Закладывает... Свербит как-то... – проговорил Женька.

– А ничего не слышишь? – с боязливой надеждой спросил Артем.

– Не, слышать не слышу, но как-то давит, – шепнул в ответ Женька, и от прежней иронии в его голосе не осталось и следа.

Звучание достигло апогея, и тут Артем понял, откуда оно идет. Одна из труб, проложенных вдоль стен туннеля и заключающих в себе коммуникации и черт знает что еще, в этом месте словно лопнула, и именно ее черное жерло, окаймленное рваными, торчащими в разные стороны железными краями, издавало этот странный шум. Он шел из глубин трубы, и только Артем успел задуматься о том, почему же там внутри ни проводов никаких, ни еще чего, а только сплошная пустота и чернота, как командир внезапно остановился и медленно, через силу выговорил:

– Мужики, давайте здесь это... Привал сделаем, а то мне что-то нехорошо. В голове мусть какая-то.

Он нетвердыми шагами приблизился к дрезине, чтобы присесть на край, но, не дойдя шага, вдруг мешком повалился на землю. Женька растерянно глядел на него, растирая уши уже двумя руками и не двигаясь с места. Кирилл почему-то продолжал идти дальше в одиночку, как будто ничего и не случилось, никак не реагируя на окрики. Замыкающий сел на рельсы и неожиданно по-детски беспомощно заплакал. Луч фонаря уткнулся в потолок туннеля, и, освещенная снизу, картина стала еще более зловещей.

Артем запаниковал. Очевидно, из всего их отряда рассудок не помутился только у него, но звук стал совершенно нестерпимым, не давая сосредоточиться ни на какой хоть скольконибудь сложной мысли.

Артем в отчаянии заткнул уши, и это немного помогло. Тогда он с размаху вlepил пощечину Женьке, с одуревшим видом теревшему уши, и проорал ему, стараясь заглушить шум, забыв, что тот был слышен только ему:

– Подними командира! Положи командира на дрезину! Нам нельзя здесь оставаться ни в коем случае! Надо убираться отсюда! – и, подобрав упавший фонарь, бросился вслед за Кириллом, сомнамбулически вышагивавшим все дальше, уже вслепую, потому что без фонаря темнота впереди была хоть глаз выколи.

К его счастью, Кирилл шел довольно медленно. В несколько длинных прыжков Артем сумел нагнать его и хлопнул по плечу, но Кирилл продолжал идти, и они все больше удалялись от остальных. Артем забежал вперед и, не зная что делать, направил луч фонаря Кириллу в глаза. Они были закрыты, но Кирилл вдруг сморщился и сбился с шага. Тогда Артем, удерживая его одной рукой, другой приподнял ему веко и посветил прямо в зрачок. Кирилл вскрикнул, заморгал, трясая головой, и через доли секунды словно очнулся и открыл глаза, непонимающе глядя на Артема. Слепленный фонарем, он почти ничего не видел, и обратно, к дрезине, Артему пришлось тащить его за руку.

На дрезине лежало бездыханное тело командира, рядом сидел Женька, все с тем же тупым выражением на лице. Оставив Кирилла у дрезины, Артем бросился к замыкающему, продолжавшему плакать, сидя на рельсах. Посмотрев ему в глаза, Артем встретил взгляд, полный боли и страдания, и таким острым было это ощущение, что он отшатнулся, почувствовав, что и у него против воли выступают слезы.

– Они все, все погибли... Им было так больно! – разобрал Артем сквозь рыдания.

Артем попытался поднять замыкающего, но тот вырвался и неожиданно зло выкрикнул:

– Свиньи! Нелюди! Я никуда не пойду с вами, хочу остаться здесь! Им так одиноко, так больно здесь, а вы хотите забрать меня отсюда? Это вы во всем виноваты! Я никуда не пойду! Никуда! Пусти, слышишь?!

Артем сначала хотел дать ему пощечину, надеясь, что это хоть как-то приведет его в чувство, но побоялся, что в таком возбужденном состоянии тот может дать ему сдачи. Вместо этого он опустился перед замыкающим на колени и, с трудом пробиваясь сквозь шум в собственной голове, мягко заговорил, сам не до конца понимая, о чем идет речь:

– Но ведь ты хочешь им помочь, правда? Хочешь, чтобы они больше не страдали?

Сквозь слезы тот посмотрел на Артема и с несмелой улыбкой прошептал:

– Конечно... Конечно, я хочу помочь им.

– Тогда ты должен помочь мне. Они хотят, чтобы ты помог мне. Иди к дрезине и встань за рычаги. Ты должен помочь мне добраться до станции.

– Они так сказали тебе? – недоверчиво поглядел на Артема замыкающий.

– Да, – уверенно ответил Артем.

– А ты потом отпустишь меня назад, к ним?

– Даю слово, что, если ты захочешь вернуться, я отпущу тебя обратно, – заверил Артем и, пока его собеседник не успел одуматься, потянул его к дрезине.

Поставив замыкающего, механически повинующегося Женьку и Кирилла к рычагам, взгромоздив не приходящего в сознание командира посередине, Артем встал во главе отряда, нацелив автомат в темноту, и быстрым шагом пошел вперед. Сам себе удивляясь, он слушал, как покатила вслед за ним дрезина. Артем чувствовал, что совершает недопустимое, оставив неприкрытый тыл, но понимал, что сейчас самое главное – убраться как можно скорее из этого страшного места.

На рычагах теперь было трое, и отряд двигался быстрее, чем до остановки, а Артем с облегчением чувствовал, как затихает мерзкий шум и рассасывается понемногу чувство опасности. Он все прикрикивал на остальных, требуя не сбавлять темпа, как вдруг услышал сзади совершенно трезвый и удивленный голос Женьки:

– Ты что это раскомандовался?

Артем дал знак остановиться, поняв, что они миновали опасную зону, вернулся к отряду и обессиленно опустился на землю, прислонившись к дрезине спиной. Все постепенно приходило в себя. Замыкающий перестал всхлипывать и только тер себе пальцами виски, в недоумении осматриваясь вокруг. Зашевелился и с глухим стоном приподнялся командир, жалуясь, что раскалывается голова.

Через полчаса можно было двигаться дальше. Кроме Артема, никто ничего не помнил.

– Знаешь, тяжесть такая вдруг навалилась, в голове муть, и как-то так раз – и погасло все. Было со мной такое однажды от газа в одном туннеле, далеко отсюда. Но если газ, так он должен по-другому действовать, на всех сразу, не разбираясь... А ты все этот звук свой слышал? Да, странно все это, чего и говорить... – размышлял вслух командир. – И вот то, что Никита ревел... Слышь, Васильич, кого ты жалел-то? – спросил он у замыкающего.

– Черт его знает... Не помню я. То есть вроде минуту назад еще что-то помнил, а потом как-то улетучилось... Это, знаешь, как со сна: вот только проснешься – все помнишь, и картина такая яркая перед глазами стоит. А пройдет несколько минут, очнешься немного – все, пусто. Так только, осколки какие-то... Вот и сейчас то же самое. Помню, что жалко очень кого-то было... А кого, почему – пусто.

– А вы там хотели остаться, в туннеле. Навсегда. С ними. Отбивались. Я вам пообещал еще, что, если вы захотите, я вам разрешу назад вернуться, – сказал Артем, искоса поглядывая на Никиту-замыкающего. – Так вот, я вас отпускаю, – добавил он и ухмыльнулся.

– Нет уж, спасибо, – мрачно ответил Никита, и его передернуло, – что-то я передумал.

– Ладно, мужики. Хватит трепаться. Нечего посреди туннеля торчать. Сначала доберемся, потом все обсудим. Нам еще как-то возвращаться надо будет... Хотя что загадывать наперед, в такой денек дай бог хотя бы куда надо попасть. Поехали! – заключил командир. – Слышь, Артем, давай, со мной пойдешь. Ты у нас вроде герой сегодня, – неожиданно добавил он.

Кирилл занял место за дрезиной, Женька, несмотря на протесты, остался на рычагах с Никитой Васильевичем, и они двинулись дальше.

– Труба там, говоришь, лопнула? И это из нее ты свой шум слышал? Знаешь, Артем, может, на самом деле мы все болваны глухие и не слышим ни черта. У тебя, наверное, чутье особенное на эту дрянь. С этим делом, видно, тебе повезло, парень! – рассуждал командир. – Очень странно, что это из трубы шло. Пустая труба была, говоришь? Шут знает, что там сейчас по ним течет, – продолжал он, опасливо поглядывая на змеиные переплетения труб вдоль стен туннеля.

До Рижской оставалось совсем немного. Через четверть часа замерцали вдали отсветы костра у заставы, командир замедлил ход и фонарем дал условный знак. Через кордон их пропустили быстро, без проволочек, и дрезина вкатилась на станцию.

Рижская была в лучшем состоянии, чем Алексеевская. Когда-то давно на поверхности над станцией располагался большой рынок. Среди тех, кто успел тогда добежать до метро и спастись, было немало торговцев с этого самого рынка. Народ там с тех пор жил предприимчивый, да и близость станции к Проспекту Мира, а значит, к Ганзе, к главным торговым путям, тоже сказывалась на ее благополучии. Свет там горел электрический, аварийный, как и на ВДНХ. Патрули были одеты в старый поношенный камуфляж, который все же смотрелся внушительней, чем разукрашенные ватники на Алексеевской.

Гостям выделили отдельную палатку. Теперь скорого возвращения не предвиделось, неясно было, что за новая опасность кроется в туннеле и как с ней справляться. Администрация станции и командир маленького отряда с ВДНХ собрались на совещание, а у остальных получался избыток свободного времени. Артем, уставший и перенервничавший, сразу упал на свою лежанку лицом вниз. Спать не хотелось, но сил не было совершенно. Через пару часов для гостей обещали устроить торжественный ужин, судя по многозначительным подмигиваниям и перешептываниям хозяев, можно было даже надеяться на мясо. Пока же оставалось лежать и ни о чем не думать.

За стенками палатки усиливался шум. Пир устраивали прямо посреди платформы, где горел главный костер. Артем, не утерпев, выглянул наружу. Несколько человек чистили пол и расстилали брезент, неподалеку на путях разделявали свиную тушу, резали клещами на куски моток стальной проволоки, что предвещало шашлыки. Стены здесь были необычные:

не мраморные, как на ВДНХ и Алексеевской, а выложенные желтой и красной плиткой. Сочетание это, должно быть, когда-то смотрелось довольно весело. Теперь, правда, кафель и штукатурку покрывал слой копоти и жира, но все равно чуть-чуть прежнего уюта сохранилось. А самое главное, на другом пути стоял, наполовину погруженный в туннель, настоящий поезд, правда, с выбитыми окнами и раскрытыми дверями.

Поезда встречались далеко не в каждом перегоне и не на каждой станции. За два десятилетия многие из них – особенно те, что застряли в туннелях и для жизни пригодны не были, – люди постепенно растащили по частям, приспособив колеса, стекла и обшивку под какие-то надобности, на каждой станции свои. Отчим говорил Артему, что на Ганзе один из путей даже специально очистили от поездов, чтобы товарные и пассажирские дрезины могли беспрепятственно двигаться между пунктами следования. Так же, по слухам, поступили и на Красной Линии. В туннеле, по которому они шли от ВДНХ до Проспекта Мира, не оставалось ни одного вагона, но как раз это, скорее всего, вышло случайно.

Стали понемногу собираться местные, из палатки вылез заспанный Женька, через полчаса подтянулось здешнее начальство с командиром Артемова отряда, и первые куски мяса легли на угли. Командир и руководство станции много улыбались и шутили, наверное, довольные результатами переговоров. Принесли бутылку с какой-то туземной бодягой, пошли тосты, и все совсем развеселились. Артем грыз свой шашлык и слизывал текущий по рукам горячий жир, глядя на тлеющие угли, от которых исходили жар и необъяснимое ощущение уюта и спокойствия.

– Это ты их из ловушки вытащил? – обратился к нему незнакомый человек, сидевший рядом и последние несколько минут внимательно рассматривавший Артема.

Артем встрепенулся. До сих пор, полностью погружившись в свои мысли и созерцание багровеющих в костре головней, он не замечал никого вокруг.

– Кто это вам сказал? – вопросом на вопрос ответил Артем, всматриваясь в незнакомца. Тот был коротко стрижен, небрит, из-под грубой, но крепкой с виду кожаной куртки виднелась теплая тельняшка. Ничего подозрительного Артему углядеть не удалось: по виду его собеседник походил на обычного челнока, каких на Рижской было пруд пруди.

– Кто? Да вот ваш бригадир и рассказал, – кивнул тот на сидевшего поодаль и оживленно обсуждавшего что-то с коллегами командира.

– Ну, я, – неохотно признался Артем. Хотя совсем недавно он еще планировал завести пару полезных знакомств на Рижской, теперь, когда для этого представилась отличная возможность, ему отчего-то вдруг стало не по себе.

– Я Бурбон. А тебя как звать? – продолжал интересоваться мужик.

– Бурбон? – удивился Артем. – Почему это? Это не король такой был?

– Нет, пацан. Это был такой типа спирт. Огненная, понимаешь, вода. Очень настроение поднимала, говорят. Так как тебя там?.. – снова поинтересовался мужик.

– Артем.

– Слушай, Артем, а когда вы назад возвращаетесь? – допытывался Бурбон, заставляя Артема сомневаться в нем все больше.

– Не знаю я. Теперь никто точно не скажет, когда мы обратно пойдем. Если вы слышали, что с нами произошло, должны сами понимать, – недружелюбно ответил Артем.

– Слушай, называй меня на ты, я не настолько тебя старше, чтобы тут это... Короче, что я спрашиваю-то... Дело у меня к тебе, пацан. Не ко всем вашим, а именно к тебе, типа, лично. Мне, это самое, помощь твоя нужна. Понял? Ненадолго...

Артем ничего не понял. Говорил мужик сбивчиво, и что-то в том, как он выговаривал слова, заставляло Артема внутренне сжиматься. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось продолжать этот непонятный разговор.

– Слышь, пацан, ты это, не напрягайся, – словно почувствовав его сомнения, поспешил рассеять их Бурбон. – Ничего стремного, все чисто... Ну, почти все. Короче, дело такое: позавчера наши пошли до Сухаревки, ну, ты знаешь, прямо по линии, да не дошли. Один только обратно вернулся. Ни черта не помнит, прибежал на Проспект весь в соплях, ревел, как этот ваш, о котором бригадир ваш рассказывал. Остальные назад не явились. Может, они потом к Сухаревке вышли... А может, никуда больше и не вышли, потому что уже третий день на Проспект никто оттуда не приходил, и с Проспекта никто туда уже идти не хочет. Западло им туда идти почему-то. Короче, думаю, что там та же байда, что и у вас было. Я, как вашего бригадира послушал, так сразу и это... Типа, понял. Ну, линия ведь та же. И трубы те же... – Тут Бурбон резко обернулся через плечо, проверяя, наверное, не подслушивает ли кто. – А тебя эта байда не берет, – продолжил он тихо. – Понял?

– Начинаю, – неуверенно ответил Артем.

– Короче, мне сейчас туда надо. Очень надо, понял? Очень. Я точно не знаю, но все шансы, что у меня там крыша съедет, как и у всех наших пацанов, наверное, как у всей вашей бригады. Кроме тебя.

– Ты... – неуверенно, словно пробуя на вкус это слово, чувствуя, как неудобно и непривычно ему обращаться к такому типу на «ты», проговорил Артем, – ты хочешь, чтобы я тебя провел через этот туннель? Чтобы я вывел тебя к Сухаревской?

– Типа того, – с облегчением кивнул Бурбон. – Не знаю, слышал ты или нет, но там за Сухаревской туннель, типа, еще почище этого, такая дрянь, мне еще там как-то пробиваться придется. А тут еще эта байда с пацанами вышла. Да все нормально, не стремайся ты, если меня проведешь, я в долгу тоже не останусь. Мне, правда, дальше надо будет потом идти, на юг, но у меня там, на Сухаревке, свои люди, обратно доставят, пыль смахнут и все такое.

Артем, который хотел сначала послать Бурбона с его предложением куда подальше, понял вдруг, что у него появился шанс без боя и вообще без всяких проблем проникнуть через южные заставы Рижской. И дальше... Бурбон, хотя и не распространялся о своих дальнейших планах, говорил, что двинется через проклятый туннель от Сухаревской к Тургеневской. Именно там Артем и собирался попытаться пройти. Тургеневская – Трубная – Цветной Бульвар – Чеховская... А там и до Арбатской рукой подать... Полис... Полис.

– Как платишь? – решил для видимости поломаться Артем.

– Как хочешь. Вообще, валютой, – Бурбон с сомнением посмотрел на Артема, пытаясь определить, понимает ли тот, о чем идет речь. – Ну, типа, патроны к калашу. Но, если хочешь, жратвой там, спиртом или дурью, – он подмигнул, – тоже можно устроить.

– Не, патроны – нормально. Две обоймы. Ну, и еды, чтоб туда и обратно. Не торгуюсь, – как можно более уверенно назвал свою цену Артем, стараясь выдержать испытующий взгляд Бурбона.

– Деловой... – с неясной интонацией отреагировал тот. – Ладно. Два рожка к калашу. И жратвы. Ну, ничего, – невнятно сказал он, видимо, сам себе, – оно того стоит. Ладно, пацан, как тебя там, Артем? Ты иди пока, спи, я за тобой зайду скоро, когда тут весь бардак уляжется. Собери шмотки, можешь записку оставить, если писать умеешь, чтобы они тут за нами погонь не устраивали. Это... Чтобы был готов, когда я приду. Понял?

Глава 5

За патроны

Собирать вещи, в общем, нужды не было, потому что Артем толком еще ничего и не распаковывал, да ему и нечего было особенно распаковывать. Непонятно было только, как незаметно вынести автомат, чтобы не привлечь чьего-нибудь внимания. Автоматы им выдали громоздкие, армейские, калибра 7.62, с деревянными прикладами. С такими махинами на ВДНХ всегда отправляли караваны на ближайшие станции.

Артем лежал, зарывшись в одеяло с головой, не отвечая на недоуменные Женькины вопросы: почему он тут дрыхнет, когда снаружи так круто, и не заболел ли он вообще. В палатке было жарко и душно, тем более, под одеялом. Сон все не шел, как Артем ни пытался заставить себя уснуть, и когда он наконец забылся, видения были очень беспокойными и неясными, словно сквозь мутное стекло: он куда-то бежал, разговаривал с кем-то безликим, опять бежал... Разбудил его все тот же Женька, тряхнувший за плечо и шепотом сообщивший:

– Слышь, Артем, там тебя мужик какой-то... У тебя проблемы, что ли? – настороженно спросил он. – Давай я всех наших подниму...

– Нет, нормально все, просто поговорить надо. Спи, Жень. Я скоро, – так же тихо объяснил Артем, натягивая сапоги и дожидаясь, пока Женька опять уляжется. Потом он осторожно вытащил из палатки свой рюкзак и потянул было автомат, как вдруг Женька, услышав металлическое клацанье, снова встревоженно спросил:

– Это тебе еще зачем? Ты уверен, что у тебя все в порядке?

Артему пришлось отпираться и сочинять, что он просто хочет тут знакомому кое-что показать, что они поспорили, что все хорошо, и так далее.

– Врешь! – убежденно резюмировал Женька. – Ладно. Когда начинать беспокоиться?

– Через год, – пробормотал Артем, надеясь, что это прозвучало достаточно неразборчиво, отодвинул полог палатки и шагнул на платформу.

– Ну, пацан, ты и копаешься, – недовольно процедил сквозь зубы ждавший его, Бурбон. Одет он был как и прежде, только за спиной висел высокий рюкзак. – Твою мать! Ты что, собираешься с этой дурой через все кордоны тащиться? – брезгливо поинтересовался он, указывая на автомат. У него самого, к своему удивлению, Артем никакого оружия не обнаружил.

Свет на станции померк. Народу на платформе не было, все уже улеглись, утомленные пирушкой. Артем старался идти побыстрее, все же опасаясь натолкнуться на кого-нибудь из своих, но при входе в туннель Бурбон осадил его, приказав сбавить шаг. Патрульные на путях заметили их и спросили издалека, куда это они собрались в полвторого ночи, но Бурбон назвал одного из них по имени и объяснил, что по делам.

– Слушай, короче, – поучал он Артема, зажигая фонарь. – Сейчас на сотом и на двести пятидесятом заставы будут. Ты это, главное, молчи. Я сам с ними разберусь. Жалко, что у тебя калаш – ровесник моей бабушке, не спрячешь куда... Где только ты откопал дрянь такую?

На сотом метре все прошло гладко. Здесь тлел небольшой костерок, у которого сидело два человека в камуфляже. Один из них дремал, а второй дружески пожал Бурбону руку.

– Бизнес? Понима-аю, – с заговорщической улыбкой протянул он.

До двести пятидесятого метра Бурбон не проронил ни слова, угрюмо шагая впереди. Был он какой-то злой, неприятный, и Артем уже начал раскаиваться, что решил отправиться с ним. Отстав на шаг, он проверил, в порядке ли автомат, и положил палец на предохранитель.

У последней заставы вышла задержка. Там Бурбона то ли не так хорошо знали, то ли, наоборот, знали слишком хорошо, так что главный отвел его в сторону, заставив оставить рюкзак у костра, и долго допрашивал о чем-то. Артем, чувствуя себя довольно глупо, остался

у костра и скупое отвечал на вопросы дежурных. Те явно скучали и были не прочь поболтать. Артем по себе знал, что если дежурные разговорчивы – это хороший знак, раз скучают, то все спокойно. Если бы сейчас у них происходило тут что-нибудь странное, ползло бы что из глубины, с юга, кто-то пытался прорваться, или слышались подозрительные звуки, они бы сгрудились вокруг костра, молчали бы напряженно и глаз с туннеля не сводили. Значит, сегодня все тихо, и можно идти не опасаясь, во всяком случае, до Проспекта Мира.

– Ты ведь не местный. С Алексеевской, что ли? – допытывались дежурные, заглядывая Артему в лицо.

Артем, помня наказ Бурбона молчать и ни с кем не разговаривать, пробормотал что-то невразумительное, что можно было понять как угодно, предоставив спрашивающим полную свободу трактовать его бурчание. Дежурные, отчаявшись добиться от него ответа, переключились на обсуждение рассказа какого-то Михая, который на днях торговал на Проспекте Мира и имел неприятности с администрацией станции.

Довольный, что от него наконец отстали, Артем сидел и сквозь пламя костра всматривался в южный туннель. Вроде это был все тот же бесконечный широкий коридор, что и на северном направлении на ВДНХ, где Артем совсем недавно точно так же сидел у костра на посту на четыреста пятидесятом метре. С виду он ничем не отличался. Но было что-то в нем, не то особый запах, доносимый туннельными сквозняками, не то особенное настроение, аура, что ли, присущая только этому туннелю и придававшая ему индивидуальность, делавшая его не похожим на все остальные. Артем вспомнил, как отчим говорил, что нет в метро двух одинаковых туннелей, да и в одном и том же два разных направления отличаются. Такая сверхчувствительность развивалась долгими годами походов и далеко не у всех. Отчим называл это «слышать туннель», и «слух» такой у него был, он им гордился и не раз признавался Артему, что уцелел в очередной переделке только благодаря этому своему чувству. У многих других, несмотря на долгие странствия по метро, ничего такого не получалось. Некоторые приобретали необъяснимый страх, кто-то слышал звуки, голоса, постепенно терял рассудок, но все сходились в одном: даже когда в туннелях нет ни души, они все равно не пустуют. Что-то невидимое и почти неосязаемое медленно и тягуче течет по ним, наполняя их своей собственной жизнью, словно тяжелая стывшая кровь в венах каменеющего левиафана.

И сейчас, не слыша больше разговора дежурных, тщетно пытаясь увидеть что-либо во тьме, стремительно густеющей в десяти шагах от огня, Артем начинал понимать, что имел в виду отчим, рассказывая ему о «чувстве туннеля». Дальше этого места ему в сознательном возрасте еще ступать не приходилось, и хотя Артем знал, что за нечеткой границей, очерченной пламенем костра, где багровый свет мешался с дрожащими тенями, есть еще люди, но в данное мгновение это представлялось ему невероятным. Казалось, жизнь кончалась в десяти шагах отсюда, впереди больше ничего не было, только мертвая черная пустота, отзывающаяся на крик обманчивым глухим эхом.

Но если сидеть так долго, если заткнуть уши, если смотреть вглубь не так, будто хочешь там высмотреть что-то особенное, а иначе, словно пытаешься растворить свой взгляд во мгле, слиться с тоннелем, стать частью этого левиафана, клеткой его организма, то сквозь руки, закрывающие доступ звукам из внешнего мира, минуя органы слуха, напрямую в мозг начнет литься тонкая мелодия – неземное звучание недр, смутное, непонятное... Совсем не тот тревожный зудящий шум, плещущий из разорванной трубы в туннеле между Алексеевской и Рижской, нет, нечто иное, чистое, глубокое...

Ему чудилось, что на время он сумел окунуться в тихую реку этой мелодии, и вдруг не разумом, а скорее проснувшейся интуицией, разбуженной, наверное, тем самым шумом из разорвавшейся трубы, постиг Артем суть этого явления, не понимая его природы. Потоки, рвущиеся наружу из той трубы, как ему показалось, были тем же, что и эфир, неспешно струившийся по туннелям, но в трубе они были гнойными, зараженными чем-то, беспокойно бур-

лящими, и в тех местах, где вспухшие от напряжения трубы лопались, гной этот изливался толчками во внешний мир, неся с собой тоску, тошноту и безумие всем живым существам...

Артему показалось вдруг, что он стоит на пороге понимания чего-то очень важного, как если бы последние полчаса его блужданий в крошечной тьме туннелей и в сумерках собственного сознания приподняли завесу над великой тайной, отделяющей всех разумных созданий от познания истинной природы этого нового мира, выгрызенного прошлыми поколениями в недрах Земли.

Но вместе с тем ему стало страшно, словно он только что заглянул в замочную скважину двери, надеясь узнать, что за ней, и увидел лишь нестерпимый свет, бьющий изнутри и опаляющий глаза. И если открыть дверь, то свет этот хлынет неудержимо и испепелит на месте того дерзкого, который решится открыть запретную дверь. Однако свет этот и есть Знание.

Вихрь всех этих мыслей, ощущений и переживаний захлестнул Артема слишком внезапно, он был совершенно не готов ни к чему похожему и потому испуганно отпрянул. Нет, все это было всего лишь фантазией. Не слышал он ничего и ничего не осознал, опять игра воображения. Со смешанным чувством облегчения и разочарования он, заглянув в себя, наблюдал, как раскрывшаяся перед ним на мгновение поразительная, неопишуемая перспектива стремительно меркнет, тает, и перед мысленным взором вновь встает привычное мутное марево. Он испугался этого знания, отступил, и теперь приподнявшаяся было завеса тяжело опустилась обратно, быть может, навсегда. Ураган в его голове стих так же внезапно, как и начался, только опустошив и утомив рассудок.

Артем, потрясенный, сидел и все пытался понять, где же заканчивались его фантазии и начиналась реальность, если, конечно, такие ощущения вообще могли быть реальны. Медленно-медленно его душа наливалась горечью опасения, что он стоял в шаге от просветления, от самого настоящего просветления, но не решился, не отважился отдаться на волю течения туннельного эфира, и теперь ему всю жизнь остается лишь бродить в потемках, оттого что однажды он убоился света подлинного Знания. «Но что такое Знание?» – спрашивал он себя снова и снова, пытаясь оценить то, от чего столь поспешно и трусливо отказался. Погруженный в свои мысли, он и не заметил, что, по крайней мере, несколько раз успел уже произнести эти слова вслух.

– Знание, парень – это свет, а незнание – тьма! – охотно объяснил ему один из дежурных. – Верно? – весело подмигнул он своим товарищам.

Артем оторопело уставился на него и так бы и сидел, но вернулся Бурбон, поднял его и попросился с остальными, сказав, что они бы, мол, еще задержались, да торопятся.

– Смотри! – грозно сказал ему вслед командир заставы. – Отсюда я тебя с оружием выпускаю, – он махнул рукой на автомат Артема, – но обратно ты у меня уже с ним не пройдешь. У меня по этому поводу инструкции четкие.

– Говорил я тебе, болван... – раздраженно прошипел Артему Бурбон, когда они поспешно зашагали прочь от костра. – Вот теперь как хочешь обратно, так и пробирайся. Хоть это, с боем. Мне вообще плевать. Вот ведь знал, знал ведь, что так, мать твою, все и будет!

Артем молчал, почти не слыша, как его отчитывал Бурбон. Вместо этого он вдруг вспомнил, что отчим говорил тогда же, когда объяснял про уникальность и неповторимость каждого туннеля, что у любого из них есть своя мелодия и что можно научиться ее слушать. Отчим, наверное, хотел просто выразиться красиво, но, вспоминая то, что он ощущал, сидя у костра, Артем подумал, что вот оно, что ему именно это и удалось. Что он слушал, на самом деле слушал – и слышал! – мелодию туннелей. Однако воспоминания о произошедшем быстро блекли, и через полчаса Артем не мог уже поручиться, что все это действительно произошло с ним, а не причудилось, навеянное игрой пламени.

– Ладно... Ты, наверное, не со зла, просто в башке ни хрена нету, – примирительно сказал Бурбон. – Если я, это, с тобой неласковый, ты извини. Работа нервная. Ну, ладно, вроде выйти

удалось, уже хорошо. Теперь топать до Проспекта по прямой, без остановок. Там это, отдохнем. Если все будет спокойно, то много времени не займет. А вот дальше – проблема.

– А ничего, что мы так идем? Я имею в виду, что, когда мы с караванами ходим от ВДНХ, меньше, чем втроем, не идем, замыкающий там обязательно, и вообще... – сказал Артем, оглядываясь назад.

– Тут, пацан, конечно, есть свой плюс, чтобы караванами ходить, с замыкающим и со всеми делами, – начал объяснять Бурбон. – Но, пойми, есть и конкретный минус. Это не сразу доходит. На своей шкуре только. Я раньше тоже боялся. Что там втроем – мы раньше с пацанами вообще меньше, чем впятером, не ходили, а то даже вшестером и больше. Думаешь, поможет? А вот ни черта не помогает. Шли мы однажды с грузом и поэтому с охраной: двое спереди, трое в центре, ну, и замыкающий, типа, по всей науке. От Третьяковки шли к этой... раньше Марксистской называлась. Так себе был туннель. Он сразу мне не понравился. Какой-то там гнилью тянуло... И туман стоял. И видно хреново было, в пяти шагах – уже ничего, фонарь особо не помогал. Ну, мы веревку решили привязать к ремню замыкающего, пропустили ее через ремень одного из перцев, которые шли посередине, а другой конец – у командира, во главе группы. Чтоб не отстать в тумане. И вот движемся мы прогулочным шагом, все нормально, спокойно, спешить некуда, никого, тьфу-тьфу, пока не встречаем, ну, думаю, меньше чем за сорок минут дойдем... А получилось еще быстрее... – его передернуло, и он немного помолчал, прежде чем продолжить. – Где-то посередине Толян, он в центре шел, спрашивает что-то у замыкающего. А тот молчит. Толян подождал и переспрашивает. Тот молчит. Толян дергает тогда за веревку и вытаскивает конец. А веревка перекушена. В натуре, перекушена, даже дрянь какая-то мокрая на конце... И этого нет нигде. И ведь ничего не слышали. Вообще ничего. А сам я с Толяном шел, в центре. Он мне этот конец показывает, а у самого поджилки трясутся. Ну, мы крикнули еще, типа, для порядка, но, конечно, никто не ответил. Уже некому было, это, отвечать. Ну, мы переглянулись – и вперед, так что до Марксистской в два счета добрались.

– Может, это он пошутить решил? – с надеждой спросил Артем.

– Пошутить? Может, и так. Но больше его никто не видел. Так что, это, я одну вещь понял: если тебе екнуть сегодня, сегодня и екнешься, и не поможет ни охрана, ничего. Только идешь от этого медленнее. И везде, кроме одного туннеля – от Сухаревки до Тургеневской, там дела особые, – я с тех пор вдвоем только хожу, типа, с напарником. Если что, вытащит. Зато быстрее. Понял?

– Понял. А нас хоть на Проспект Мира пустят? Я же с этим, – Артем показал на свой автомат.

– На радиальную пустят. На Кольцо – точно нет. Тебя бы и так не пустили, а с пушкой вообще не на что надеяться. Но нам туда и не надо. Нам вообще там надолго зависать нельзя. Привал только сделаем и дальше. Ты это... Был вообще на Проспекте когда-нибудь?

– Маленьким только. А так нет, – признался Артем.

– Ну, давай тогда я тебя, типа, в курс дела введу. Короче, застав там нету никаких, там это никому не надо. Там ярмарка, никто не живет, так чтобы по-нормальному. Но там переход на Кольцо, значит, на Ганзу... Радиальная станция, типа, ничейная, но ее солдаты Ганзы патрулируют, чтобы порядок был. Поэтому вести себя надо тихо, понял? А то вышвырнут к черту и доступ на свои станции запретят, вот и кукуй потом. Поэтому мы, когда дойдем дотуда, ты вылезь на перрон и сиди себе тихо, и самоваром своим – он кивнул на многострадальный автомат – ни перед кем особо не тряс. Мне там это... Надо кое с кем перетереть, тебе придется посидеть подождать. Дойдем до Проспекта, поговорим, как через этот чертов перегон до Сухаревки добираться.

Бурбон опять замолчал, и Артем оказался предоставлен самому себе. Туннель здесь был вроде неплохой, пол только сыроват, и вдоль рельсов бежал туда же, куда направлялись

и они, тонкий темный ручеек. Но через некоторое время послышался по сторонам тихий шорох и скрежещущий писк, для Артема звучавший так же, как гвоздь, царапающий стекло, заставляя содрогаться от отвращения. Маленьких тварей не было пока видно, но присутствие их уже начинало ощущаться.

– Крысы... – сплюнул Артем мерзкое слово, чувствуя, как пробегает по коже озноб.

Они все еще навещали его в ночных кошмарах, хотя воспоминания о том страшном дне, когда погибла его мать и вся его станция, затопленная крысиными потоками, уже почти стерлись из памяти. Стерлись? Нет, они просто ушли глубже, как может уйти в тело вонзившаяся и не вытасченная вовремя игла. Как путешествует пропущенный недостаточно искусным хирургом осколок. Сначала он притаится и замрет, не причиняя страданий и не напоминая о себе, но однажды, приведенный в движение неизвестной силой, двинется в свой губительный путь сквозь артерии, нервные узлы, вспарывая жизненно важные органы и обрекая своего носителя на невыносимые муки. Так и память о том дне, о слепой ярости и бессмысленной жестокости ненасытных тварей, о пережитых тогда ужасах стальной иглой ушла глубоко в подсознание, чтобы тревожить Артема по ночам и электрическим разрядом стегать его, заставляя тело рефлекторно содрогаться при виде этих созданий, при одном только их запахе. Для Артема, как и для его отчима, и, может, для остальных четверых, спасшихся тогда с ними на дрезине, крысы были чем-то гораздо более пугающим и омерзительным, чем для всех остальных обитателей метро.

На ВДНХ крыс почти не было: повсюду стояли капканы и был разложен яд, поэтому от их вида Артем уже успел отвыкнуть. Но остальное метро ими кишело, и об этом он успел позабыть или, может, избегал думать, когда принимал решение отправиться в поход.

– Чего, пацан, крыс испугался? – ехидно поинтересовался Бурбон. – Не любишь? Изнежен ты больно... Привыкай теперь. Без крыс тут у нас никуда... Но это ничего, хорошо даже: голодным не останешься, – добавил он и подмигнул, и Артем почувствовал, что его начинает тошнить. – Но, в натуре, – продолжил Бурбон серьезно, – ты лучше бойся, когда крыс нету. Если нету крыс, значит, тут какая-то байда пострашнее, раз даже крысы не живут. И если, пацан, байда эта – не люди, тут и надо бояться. А если крысы бегают, значит, нормальное место. Обычное. Понял?

С кем с кем, но с этим типом Артему точно не хотелось делиться своими страхами. Поэтому он молча кивнул. Крыс тут было не очень много, они избегали света фонаря и были почти незаметны, но одна из них все же сумела подвернуться Артему под ноги, и сапог, вместо того чтобы встретить твердую поверхность, ткнулся во что-то мягкое и скользкое, слух резануло пронзительное верещание. От неожиданности Артем потерял равновесие и чуть не упал лицом вниз вместе со всем своим снаряжением.

– Не бойсь, пацан, не бойсь, – подбодрил его Бурбон. – Это еще что. Есть в этом гадюшнике парочка перегонов, в которых они так и кишат, прямо по хребтам надо идти. Идешь, бывало, а под ногами приятно так похрустывает, – и гнусно заржал, довольный произведенным эффектом.

Артема так и передернуло. Он опять промолчал, но кулаки его сжались сами собой. С каким удовольствием он бы сейчас двинул Бурбону в его ухмыляющуюся рожу!

Издали донесся вдруг какой-то неразборчивый гомон, и Артем, моментально забыв обиду, обхватил рукоять автомата и вопросительно посмотрел на Бурбона.

– Да не напрягайся, нормально все. Это мы уже к Проспекту подошли, – успокоил его тот и похлопал покровительственно по плечу.

Хотя он и предупредил уже Артема заранее, что у Проспекта Мира нет никаких застав, для Артема это все равно было непривычно – так вот, сразу, выйти на чужую станцию, не увидев прежде издали слабого света костра, обозначающего границу, не повстречав на пути

никаких препятствий. Когда они приблизились к выходу из туннеля, гам усилился и заметно стало слабое зарево.

Наконец слева показались чугунная лесенка и маленький мостик с оградой, лепившийся к стене туннеля и позволявший подняться с путей на уровень платформы. Загрохотали по железным ступеням Бурбоновы подкованные сапожищи, и через несколько шагов туннель вдруг раздался влево – они вышли на станцию.

Тут же в лицо им ударил яркий белый луч: невидимый из туннеля, сбоку стоял маленький столик, за которым сидел человек в незнакомой и странной серой форме, в старинного вида фуражке с околышем.

– Добро пожаловать, – приветствовал их он, отводя фонарь. – Торговать, транзитом?

Пока Бурбон излагал цели визита, Артем всматривался в то, что собой представляла станция метро Проспект Мира. На платформе, у путей, царил полумрак, но арки озарялись изнутри неярким желтым светом, от которого у Артема что-то неожиданно защемило в груди. Захотелось покончить, наконец, со всеми формальностями и посмотреть, что же творится на самой станции, там, за арками, откуда идет этот до боли знакомый, уютный свет... И хотя Артему казалось, что раньше он не видел ничего подобного, вид этой арки на мгновение вернул его назад, в далекое прошлое, и перед глазами возникла странная картина: маленькое помещение, залитое теплым, желтым светом, широкая тахта, на ней полулежа читает книгу молодая женщина, лица которой не видно, посреди оклеенной пастельными обоями стены – темно-синий квадрат окна... Видение мелькнуло перед его мысленным взором и растаяло секунду спустя, озадачив и взбудоражив его. Что он только что видел? Неужели слабый свет со станции смог спроецировать на незримый экран затерявшийся где-то в подсознании старый слайд с картинкой из его детства? Неужели та молодая женщина, мирно читавшая книгу на просторной удобной тахте, – его мать?..

Нетерпеливо сунув таможеннику паспорт, согласившись, несмотря на возражения Бурбона, сдать в камеру хранения свой автомат на время пребывания на станции, Артем заспешил, влекомый этим светом, словно мотылек, за колонны, туда, откуда долетал базарный гомон.

Проспект Мира отличался и от ВДНХ, и от Алексеевской, и от Рижской. Процветающая Ганза могла позволить себе провести здесь освещение получше, чем аварийные лампы, дававшие свет для тех станций, на которых Артем успел побывать в сознательном возрасте. Нет, это были не настоящие светильники из тех, что освещали метро еще тогда, а просто маломощные лампы накаливания, свисавшие через каждые двадцать шагов с провода, протянутого под потолком через всю станцию. Но для Артема, привыкшего к мутно-красному аварийному зареву, к неверному свечению пламени костров, к слабому сиянию крошечных лампочек из карманных фонарей, освещавших палатки изнутри, они казались чем-то совершенно необыкновенным. Это был тот самый свет, что озарял его раннее детство, еще там, наверху, он чаровал, напоминая о чем-то давно канувшем в небытие. Оказавшись на станции, Артем не бросился к торговым рядам, как все остальные, а прислонился спиной к колонне и, прикрыв рукой глаза, все стоял и смотрел на эти лампы, еще и еще, до рези в глазах.

– Ты что, рехнулся, что ли? Ты чего на них так уставился – без глаз хочешь остаться? Будешь потом как слепой щенок, и что мне с тобой делать?! – раздался над ухом Артема голос Бурбона. – Раз уж сдал им свою балалайку, поглядел бы хоть, что тут творится... Что на лампочки пялиться!

Артем неприязненно глянул на Бурбона, но послушался.

Народу на станции было не то чтобы очень много, но все разговаривали так громко, торгуясь, зазывая, требуя, пытаясь перекричать друг друга, что становилось ясно, почему этот гам слышен издали, еще на подходах к станции. На обоих путях стояли обрывки составов: по несколько вагонов, приспособленных под жилье. Вдоль платформы в два ряда располагались торговые лотки, на которых – где-то хозяйственно разложенная, где-то сваленная в неряш-

ливые кучи – была выставлена на продажу разнообразная утварь. С одной стороны станция была отсечена железным занавесом – там когда-то открывался выход наверх, а в противоположном конце, за линией переносных ограждений, виднелись нагромождения серых мешков, очевидно, огневые позиции. Под потолком было натянуто белое полотнище с нарисованной на нем коричневой окружностью, символом Кольца. Там, за этим ограждением, поднимались четыре коротких эскалатора – переход на Кольцевую линию, – и начиналась территория могущественной Ганзы, куда заказан был путь всем чужакам. За заборами и по станции прохаживались пограничники Ганзы, одетые в добротные непромокаемые комбинезоны с привычными камуфляжными разводами, но отчего-то серого цвета, в таких же кепи и с короткими автоматами через плечо.

– А почему у них камуфляж серый? – спросил Артем Бурбона.

– С жиру бесятся, вот почему, – презрительно отозвался тот. – Ты это... Погуляй тут пока, а я побазарю кое с кем.

Ничего особенно интересного на лотках Артем не заметил: лежали тут чай, палки колбасы, аккумуляторы к фонарям, куртки и плащи из свиной кожи, какие-то потрепанные книжонки, по большей части откровенная порнография, полуплитровые бутылки с какой-то подозрительного вида субстанцией с гордой надписью «Самогон» на криво наклеенных этикетках, и действительно не было ни одного лотка с дурью, которую раньше можно было достать безо всяких проблем. Даже тощий, с посиневшим носом и слезящимися глазами мужичонка, продававший сомнительный самогон, сипло послал Артема в баню, когда тот спросил, нет ли у него хоть немного «этого дела». Стоял неременный лоток с дровами: узловатые поленья и ветки, которые сталкеры приносили с поверхности, горели удивительно долго и почти не коптели. Платили тут за все тускло поблескивающими остроконечными патронами к автомату Калашникова, некогда самому популярному и распространенному на земле оружию. Сто граммов чая – пять патронов, палка колбасы – пятнадцать патронов, бутылка самогона – двадцать. Называли их здесь любовно – «пульками»: «Слышь, мужик, глянь, какая куртка крутая, недорого, триста пулек – и она твоя! Ладно, двести пятьдесят и по рукам?»

Глядя на аккуратные ряды «пулек» на прилавках, Артем вспомнил слова своего отчима. «Я читал когда-то, что Калашников гордился своим изобретением, тем, что его автомат – самый популярный в мире. Говорил, счастлив тем, что именно благодаря его конструкции рубежи Родины в безопасности. Не знаю, если бы я эту машину придумал, я бы, наверное, уже с ума сошел. Подумать только, именно при помощи твоей конструкции совершается большая часть убийств на земле! Это даже страшнее, чем быть изобретателем гильотины».

Один патрон – одна смерть. Чья-то отнятая жизнь. Сто граммов чая – пять человеческих жизней. Батон колбасы? Пожалуйста, совсем недорого: всего пятнадцать жизней. Качественная кожаная куртка, сегодня скидка, вместо трехсот – только двести пятьдесят, вы экономите пятьдесят чужих жизней. Ежедневный оборот этого рынка, пожалуй, равнялся всему оставшемуся населению метро.

– Ну, что, нашел себе что-нибудь? – спросил подошедший Бурбон.

– Здесь нет ничего интересного, – отмахнулся Артем.

– Ага, точно, сплошная лажа. Эх, пацан, есть местечки в этом гадюшнике, где все что хочешь достать можно. Идешь, а тебя зазывают наперебой: «Оружие, наркотики, девочки, поддельные документы», – мечтательно вздохнул Бурбон. – А эти гниды, – он кивнул на флаг Ганзы, – устроили здесь ясли: того нельзя, этого нельзя... Ладно, пойдем забирать твою мотыгу, и надо идти дальше. Через перегон через этот гребаный.

Взяв автомат Артема, они уселись на каменной скамье перед входом в южный туннель. Здесь было сумрачно, и Бурбон специально выбрал именно это место, чтобы успели привыкнуть глаза.

– Короче, дела такие: я за себя не ручаюсь. Со мной раньше такого не было, поэтому не знаю, что я делать стану, если мы на эту байду напоремся. Тьфу-тьфу, конечно, постучать по дереву там и все дела, но если все-таки напоремся... Ну, если я соплю распушу или, типа, оглохну, это нормально еще. Но там, как я понимаю, у каждого по-своему крыша едет. Пацаны наши так и не вышли обратно, во всяком случае, на Проспект. Я думаю, они вообще никуда не вышли, и мы об них еще споткнемся сегодня. Так что ты это... Готов будь, а то ты у нас нежный... А вот если я бычить начну, орать там, замочить тебя решу... Вот проблема, понял? Не знаю, что и делать... Ладно! – решил наконец Бурбон, очевидно, после долгих колебаний. – Пацан ты вроде ничего, в спину стрелять, наверное, не будешь. Я тебе свою пушку отдам, пока мы будем через перегон этот идти. Смотри, – предупредил он, цепко глядя Артему в глаза, – шуток со мной не шути! У меня с юмором туго.

Вытряхнув из рюкзака какое-то тряпье, он осторожно вытащил оттуда завернутый в потертый пластиковый пакет автомат. Это тоже был Калашников, но укороченный, как у пограничников Ганзы, с откидным прикладом и коротким раструбом вместо длинного ствола с мушкой на конце, как у Артема. Магазин Бурбон из него вынул и убрал обратно в рюкзак, закидав сверху бельем.

– Держи! – передал он оружие Артему. – Далеко не убирай. Может, пригодится. Хотя перегон тихий... – и, не договорив, спрыгнул на пути. – Ладно, пошли. Раньше сядешь – раньше выйдешь.

Это было страшно. Когда шли от ВДНХ к Рижской, Артем знал, что всякое может произойти, но все-таки через эти туннели каждый день туда и обратно сновали люди, и потом, впереди находилась обитаемая станция, на которой их ждали. Там было просто неприятно, как всем и всегда неприятно уходить из освещенного спокойного места. Даже когда они отправлялись в путь к Проспекту Мира с Рижской, несмотря на все сомнения, можно было тешить себя мыслью, что впереди – одна из станций Ганзы: им есть куда идти, и можно будет отдохнуть, ничего не опасаясь.

Но тут было просто страшно. Туннель, лежащий перед ними, оставался совершенно черным, здесь царила какая-то необычная, полная, абсолютная тьма, густая и почти осязаемая. Пористая как губка, она жадно впитывала лучи их фонаря, которых едва хватало на то, чтобы осветить пяточок земли на шаг вперед. Напрягая до предела слух, Артем пытался различить зародыш того странного болезненного шума, но тщетно: наверное, звуки проникали через эту мглу так же трудно, медленно, как и свет. Даже бодро грохотавшие всю дорогу подкованные сапоги Бурбона в этом туннеле звучали вяло и приглушенно.

В правой стене вдруг возник провал – луч фонаря утонул в черном пятне, и Артем не сразу понял, что это было просто ответвление, уходящее вбок от основного туннеля. Он вопросительно оглянулся на Бурбона.

– Не бойсь. Межлинейник здесь был, – пояснил тот, – чтобы отсюда прямо на Кольцо выезжать без переходов, для поездов. Только Ганза его завалила: там тоже не дураки сидят, открытый туннель здесь оставлять...

После этого они довольно долго шли молча, но тишина давила все больше, и под конец Артем не выдержал.

– Слушай, Бурбон, – заговорил он, пытаясь рассеять наваждение, – а это правда, что здесь недавно какие-то отморозки на караван напали?

Тот ответил не сразу, Артем подумал даже, что он не расслышал вопроса, и хотел повторить, но тут Бурбон отозвался:

– Слышал что-то такое. Но меня тут не было тогда, точно сказать не могу.

Слова его тоже звучали тускло, и Артем с трудом уловил смысл услышанного, стараясь отделить значение слов от своих тяжело ворочающихся мыслей о том, почему здесь так плохо слышно.

– Как же, их никто не видел, что ли? Тут же с одной стороны станция и с другой – станция? Куда они ушли? – продолжал он, и не потому, что это его особенно интересовало, но просто для того, чтобы слышать свой голос.

Прошло еще несколько минут, прежде чем Бурбон наконец ответил, но на этот раз у Артема уже не было желания торопить его, в голове отдавалось эхо от слов, только что произнесенных им самим, и он был слишком занят, вслушиваясь в эти отголоски.

– Тут, говорят, где-то есть это... Типа, люк. Замаскированный. Его не видно так. Разве в такой темноте вообще что-нибудь разглядишь? – с каким-то неестественным раздражением добавил Бурбон.

Потребовалось время, чтобы Артем смог вспомнить, о чем они говорили, мучительно попытаться уцепиться за крючок смысла и задать следующий вопрос, опять просто потому, что хотел продолжить разговор, пусть такой неуклюжий и трудный, но спасавший их от тишины.

– А тут всегда так... темно? – спросил Артем, испуганно чувствуя, что его слова прозвучали совсем уж тихо, словно ему заложило уши.

– Темно? Тут – всегда. Везде темно. Грядет... великая тьма, и... окутает она мир, и будет... властвовать вечно, – делая странные паузы, откликнулся Бурбон.

– Это что, книга какая-то? – выговорил Артем, отмечая про себя, что ему приходится прилагать все большие усилия, чтобы расслышать собственные слова, и вскользь обращая внимание на то, что язык Бурбона пугающе преобразился. Однако у Артема было недостаточно сил, чтобы удивиться этому.

– Книга... Бойся... истин, сокрытых в древних... фолиантах, где... слова тиснены золотом и бумага... аспидно-черная... не тлеет, – произнес Бурбон тяжело, и Артема ужалила мысль, что тот отчего-то больше не оборачивается, как раньше, когда обращается к нему.

– Красиво! – почти закричал Артем. – Откуда это?

– И красота... будет низвергнута и растоптана, и... задохнутся пророки, тшась произнести предречения... свои, ибо день... грядущий будет... чернее их самых зловещих... страхов, и узренное ими... отравит их разум... – глухо продолжал Бурбон.

Внезапно остановившись, он резко повернул голову влево, так, что Артему послышалось даже, как трещат его шейные позвонки, и заглянул парню прямо в глаза.

Артем отшатнулся и попятился назад, на всякий случай нащупывая предохранитель автомата. Бурбон смотрел на него широко раскрытыми глазами, но зрачки его были странно сужены, превратившись в две крошечные точки, хотя в кромешной тьме туннеля должны были бы, наоборот, распахнуться до предела в попытке зачерпнуть как можно больше света. Лицо его казалось неестественно спокойным, ни один мускул не был напряжен, и даже с губ исчезла постоянная презрительная усмешка.

– Я умер, – проговорил Бурбон. – Меня больше нет.

И, прямой как шпала, рухнул лицом вниз.

И тут же в уши Артему ворвался тот самый ужасный звук, но теперь он не разрастался и усиливался постепенно, как это было тогда, нет, он грянул сразу на полной мощности, оглушив и выбив на мгновение почву из-под ног. В этом месте звук оказался куда мощнее, чем в предыдущий раз, и Артем, распластанный на земле, раздавленный, долго не мог собрать волю в кулак, чтобы подняться. Зажав руками уши, как тогда, закричав на пределе возможностей своих связок, он рванулся и поднялся с пола. Потом, подхватив выпавший из рук Бурбона фонарь, начал лихорадочно шарить им по стенам, пытаясь найти источник шума – разорванную трубу. Но трубы здесь были абсолютно целые, звук шел откуда-то сверху.

Бурбон неподвижно лежал в прежней позе, и когда Артем перевернул его лицом вверх, глаза у того все еще были открыты. Артем, с трудом вспоминая, что следует делать в таких случаях, положил руку ему на запястье, чтобы услышать пульс, пусть слабый, как нитка, пусть

сбивчивый, но услышать... Тщетно. Тогда он схватил Бурбона за руки и, обливаясь потом, потащил его тяжеленную тушу вперед, прочь от этого места. Это было дьявольски трудно, он ведь даже забыл снять с попутчика рюкзак.

Через несколько десятков шагов Артем вдруг запнулся обо что-то мягкое, и в нос ударил тошнотворный сладковатый запах. Ему сразу вспомнились слова: «Мы об них еще споткнемся», и он, стараясь не смотреть под ноги, делая двойное усилие, миновал распростертые на рельсах тела.

Он все тянул, тянул Бурбона за собой. Голова у того безжизненно свисала, его холодеющие руки выскользнули из вспотевших от напряжения ладоней Артема, но он не обращал на это внимания, он не хотел обращать на это внимания, он должен был вытащить Бурбона оттуда, ведь он обещал ему, ведь они договорились!..

Шум понемногу стал затихать и вдруг исчез совсем. Опять наступила мертвая тишина, и, почувствовав огромное облегчение, Артем позволил себе наконец сесть на рельсы и перевести дыхание. Бурбон неподвижно лежал рядом, а Артем, тяжело дыша, с отчаянием глядел на его бледное лицо. Минут через пять он с трудом заставил себя подняться на ноги и, взяв Бурбона за запястья, спиной вперед, спотыкаясь, двинулся дальше. В голове было совершенно пусто, звенела только злая решимость во что бы то ни стало дотащить этого человека до следующей станции.

Потом ноги подогнулись, и он повалился на шпалы, но, пролежав несколько минут, снова пополз вперед, ухватив Бурбона за воротник. «Я дойду, я дойду, я дойду я дойду, ядой-дудойдудойду», – твердил он себе, хотя сам уже в это почти не верил. Совсем обессилев, он стащил с плеча свой автомат, перевел дрожащими пальцами предохранитель на одиночные выстрелы, и, направив ствол на юг, выстрелил, и позвал: «Люди!», но последний звук, который он слышал, был не человеческим голосом, а шорохом крысиных лап и предвкушающим повизгиванием.

Он не знал, сколько пролежал вот так, вцепившись Бурбону в воротник, сжав рукоятку автомата, когда глаза резанул луч света. Над ним возвышался незнакомый пожилой мужчина с фонарем в одной руке и диковинным ружьем в другой.

– Мой юный друг, – обращаясь к нему, сказал человек приятным звучным голосом. – Ты можешь бросить своего приятеля. Он мертв, как Рамзес Второй. Ты хочешь остаться здесь, чтобы воссоединиться с ним на небесах как можно скорее, или он пока подождет?

– Помогите мне донести его до станции, – слабым голосом попросил Артем, прикрываясь рукой от света.

– Боюсь, что эту идею нам придется с негодованием отвергнуть, – огорченно сообщил мужчина. – Я решительно против превращения станции метро Сухаревская в склеп, она и так не слишком уютна. И потом, если мы и донесем бездыханное тело твоего спутника туда, вряд ли кто-нибудь на этой станции возьмется проводить его в последний путь должным образом. Существенно ли, разложится оное тело здесь или на станции, если его бессмертная душа уже вознеслась к Создателю? Или перевоплотилась – в зависимости от вероисповедания. Хотя все религии заблуждаются в равной степени.

– Я обещал ему... – выдохнул Артем. – У нас был договор...

– Друг мой! – нахмурившись, сказал незнакомец. – Я начинаю терять терпение. Не в моих правилах помогать мертвецам, потому что в мире есть достаточно живых, нуждающихся в помощи. Я возвращаюсь на Сухаревскую: от долгого пребывания в туннелях у меня начинается ревматизм. Если хочешь повидаться со своим товарищем как можно скорее, советую тебе остаться здесь. Крысы и другие милые создания помогут тебе в этом. И потом, если тебя беспокоит юридическая сторона вопроса, то по смерти одной из сторон договор считается расторгнутым, если какой-либо из его пунктов не подразумевает нечто иное.

– Но ведь нельзя его просто бросить! – тихо пытался убедить своего спасителя Артем. – Это же был живой человек. Оставить его крысам?!

– Это, по всей видимости, действительно был живой человек, – откликнулся тот, скептически оглядывая тело. – Но теперь это, несомненно, мертвый человек, а это не одно и то же. Ладно, если очень хочешь, потом сможешь вернуться сюда, чтобы разжечь погребальный костер, или что там у вас принято делать в таких случаях. Вставай! – приказал он, и Артем против своей воли поднялся на ноги.

Несмотря на его протесты, незнакомец решительно стащил с Бурбона рюкзак, накинул его себе на плечо и, поддерживая парня, быстро зашагал вперед. Вначале Артему было тяжело идти, но с каждым новым шагом незнакомец словно одарял его частью своей кипучей энергии. Боль в ногах прошла, и рассудок немного прояснился. Он всмотрелся пристальней в лицо своего спасителя. На вид тому было за пятьдесят, но выглядел он на удивление свежо и бодро. Рука его, поддерживающая Артема, была тверда и ни разу за весь путь не дрогнула от усталости. Седеющие, коротко стриженные волосы и маленькая аккуратная бородка насторожили Артема: был он какой-то слишком ухоженный для метро, в особенности для того захолустья, в котором, судя по всему, обитал.

– Что случилось с твоим приятелем? – спросил незнакомец Артема. – С виду не похоже на нападение, разве что его чем-нибудь отравили... И очень хочется надеяться, что это не то, о чем я думаю, – прибавил он, не распространяясь о том, чего именно опасается.

– Нет... Он сам умер, – не имея сил объяснять обстоятельства гибели Бурбона, о которых сам только начал догадываться, сказал Артем. – Это долгая история. Я потом расскажу.

Туннель вдруг расступился, и они оказались на станции. Что-то здесь показалось Артему странным, непривычным, и прошло несколько секунд, пока до него дошло наконец, в чем дело.

– Здесь что – темно? – обескураженно спросил он своего спутника.

– Здесь нет власти, – отозвался тот. – И некому дать живущим здесь свет. Поэтому каждый, кто нуждается в свете, должен добыть его сам. Кто-то может сделать это, кто-то нет. Но не бойся, по счастью, я отношусь к первому разряду, – он резво взобрался на перрон и подал Артему руку.

Они свернули в первую же арку и вошли в зал. Один лишь длинный проход, колоннады и арки по бокам, обычные железные стены, отсекающие эскалаторы, – еле освещенная в нескольких местах тщедушными костерками, а большей частью погруженная во мрак, Сухаревская являла собой зрелище гнетущее и крайне унылое. У костерков копошились кучки людей, кто-то спал прямо на полу, от костра к костру бродили странные полусогнутые фигуры в лохмотьях. Все они жались к середине зала, подальше от туннелей.

Костер, к которому незнакомец привел Артема, был заметно ярче остальных и находился далеко от центра платформы.

– Когда-нибудь эта станция выгорит дотла, – подумал вслух Артем, уныло оглядывая зал.

– Через четыреста двадцать дней, – спокойно сообщил его спутник. – Так что до тех пор тебе лучше покинуть ее. Я, во всяком случае, именно так и собираюсь поступить.

– Откуда вы знаете? – пораженно спросил у него Артем, мигмом вспоминая все слышанные рассказы о магах и экстрасенсах, всматриваясь в лицо собеседника, пытаясь увидеть на нем печать неземного знания.

– Материнское сердце-вещун неспокойно, – улыбаясь, ответил тот. – Все, теперь ты должен поспать, а потом мы с тобой познакомимся и поговорим.

С его последним словом на Артема вдруг опять навалилась чудовищная усталость, накопленная в туннеле перед Рижской, в ночных кошмарах, в последнем испытании его воли. Не в силах больше сопротивляться, Артем опустил на кусок брезента, раскинутый у костра, подложил под голову свой рюкзак и провалился в долгий, тяжелый и пустой сон.

Глава 6

Право сильного

Потолок был так сильно закопчен, что от некогда покрывавшей его побелки уже не осталось ни следа. Артем тупо смотрел на него, не понимая, где же находится.

– Проснулся? – услышал он знакомый голос, заставляя рассыпавшуюся мозаику мыслей и событий выстроиться в картину вчерашнего (вчерашнего ли?) дня. Все это казалось сейчас таким нереальным. Непрозрачная, как туман, стена сна отделяла действительность от воспоминаний.

Стоит заснуть и проснуться, как яркость пережитого стремительно меркнет, и, вспоминая, трудно уже отличить фантазии от подлинных происшествий, которые становятся такими же блеклыми, как сны, как мысли о будущем или возможном прошлом.

– Добрый вечер, – приветствовал Артема тот, кто нашел его. Он сидел по другую сторону костра, Артем видел своего проводника сквозь пламя, и от этого его лицо приобретало вид загадочный и даже мистический. – Теперь, пожалуй, мы с тобой можем представиться друг другу. У меня есть обычное имя, похожее на те имена, которые окружают тебя в этой жизни. Оно слишком длинно и ничего обо мне не говорит. Но я – последнее воплощение Чингис Хана, и поэтому можешь звать меня Хан. Это короче.

– Чингис Хана? – недоверчиво посмотрел Артем на своего собеседника, отчего-то больше всего удивляясь тому, что тот отрекомендовался именно последним воплощением, хотя в реинкарнацию он вообще-то не верил.

– Друг мой! – оскорбленно возразил Хан. – Не стоит с таким явным подозрением изучать разрез моих глаз и манеру поведения. С тех пор у меня было немало иных, более приличных воплощений. Но все же Чингис Хан остается самой значительной вехой на моем пути, хотя как раз из этой жизни, к своему глубочайшему сожалению, я не помню ровным счетом ничего.

– А почему Хан, а не Чингиз? – не сдавался Артем. – Хан ведь даже не фамилия, а род деятельности, если я правильно помню.

– Навевает ненужные ассоциации, не говоря уже об Айтматове, – нехотя и непонятно пояснил собеседник, – и, между прочим, я не считаю своим долгом давать отчет об истоках своего имени кому бы то ни было. Как зовут тебя?

– Меня – Артем, и я не знаю, кем я был в прошлой жизни. Может, раньше мое имя тоже было позвучнее, – сказал Артем.

– Очень приятно, – сказал Хан, очевидно, вполне удовлетворенный и этим. – Надеюсь, ты разделишь со мной мою скромную трапезу, – прибавил он, поднимаясь и вешая над костром битый железный чайник вроде того, что был на ВДНХ в северном дозоре.

Артем суетливо поднялся, запустил руку в свой рюкзак и вытащил оттуда батон колбасы, прихваченный в путь еще с ВДНХ. Перочинным ножом он настрогал несколько кусочков и разложил их на чистой тряпице, которая тоже имелась у него в рюкзаке.

– Вот, – пододвинул он колбасу новому знакомому, – к чаю.

Чай у Хана был все тот же, родной, с ВДНХ, Артем его сразу узнал. Потягивая напиток из металлической эмалированной кружки, он молча вспоминал события прошедшего дня. Хозяин, очевидно, тоже думал о чем-то своем и не тревожил его пока.

Безумие, хлещущее в мир из лопнувших труб, оказывало разное воздействие на всех. И если Артем воспринимал его просто как шум, который глушил, не давал сосредоточиться, убивал мысли, но щадил сам разум, то Бурбон просто не выдержал такой мощной атаки и погиб. Того, что этот шум может убивать, Артем не ожидал, иначе он не согласился бы ступить и шагу в черный туннель между Проспектом Мира и Сухаревской.

На этот раз шум подкрался незаметно, сначала притупляя чувства, – Артем теперь был уверен, что все обычные звуки оказались им заглушены, хотя его самого до поры нельзя было услышать, – потом замораживая поток мыслей так, что те загустевали, останавливались и покрывались инеем бессилия, и, наконец, нанося последний сокрушительный удар.

И как он сразу не заметил, что Бурбон вдруг заговорил языком, которого не смог бы воспроизвести, даже начитавшись апокалиптических пророчеств? Они с Бурбоном продвигались все глубже, словно зачарованные, и наступило чудное такое опьянение, а вот чувства опасности не было, и сам Артем думал о какой-то ерунде, о том, что нельзя замолкать, что надо говорить, но попытаться осознать, что же с ними происходит, в голову отчего-то не приходило, что-то мешало...

Все произошедшее хотелось выкинуть из сознания, забыть, оно было недоступным для понимания, ведь за все годы, прожитые на ВДНХ, о подобном ему приходилось разве только слышать, и проще было верить, что такого не может происходить в этом мире, что этому в нем просто нет места. Артем потряс головой и снова огляделся по сторонам.

Вокруг стоял все тот же душный сумрак. Артему подумалось, что здесь никогда не бывает светло, может стать только темнее, если закончится запас топлива для костра, завезенного сюда какими-то караванами. Часы над входом в туннели давным-давно погасли, на этой станции не было руководства, некому было заботиться о них, и Артем подумал, почему Хан сказал ему «добрый вечер», хотя, по его расчетам, должно было быть утро или полдень.

– Разве сейчас вечер? – недоуменно спросил он у Хана.

– У меня – вечер, – задумчиво ответил тот.

– Что вы имеете в виду? – не понял Артем.

– Видишь ли, Артем, ты, видимо, родом со станции, где часы исправны и все с благоговением смотрят на них, сверяя время на своих наручных часах с красными цифрами над входом в туннели. У вас время одно на всех, как и свет. Здесь все наоборот: никому нет дела до других. Никому не нужно обеспечивать светом всех, кого сюда занесло. Подойди к людям и предложи им это – твоя идея покажется им абсурдной. Каждый, кому нужен свет, должен принести его сюда с собой. То же и со временем: каждый, кто нуждается во времени, боясь хаоса, приносит сюда свое время. Оно здесь у каждого – собственное, и у всех оно разное, в зависимости от того, кто когда сбился со счета, но все одинаково правы, и каждый верит в свое время, подчиняет свою жизнь его ритмам. У меня сейчас – вечер, у тебя – утро, ну и что? Такие, как ты, хранят в своих странствиях часы так же бережно, как древние люди берегли тлеющий уголек в обожженном черепке, надеясь воскресить из него огонь. Но есть и другие: они потеряли, а может, выбросили свой уголек. Ты знаешь, в метро ведь, в сущности, всегда ночь, поэтому время здесь не имеет смысла, если за ним тщательно не следить. Разбей свои часы, и ты увидишь, во что превратится время, это очень любопытно. Оно изменится, и ты его больше не узнаешь. Оно перестанет быть раздробленным, разбитым на отрезки, часы, минуты, секунды. Время как ртуть: раздобишь его, а оно тут же срастется, вновь обретет целостность и неопределенность. Люди приручили его, посадили на цепочки карманных часов и секундометров, и для тех, кто держит его на цепи, оно течет одинаково. Но попробуй, освободи его – и ты увидишь: для разных людей оно течет по-разному, для кого-то медленно и тягуче, отсчитываемое выкуренными сигаретами, вдохами и выдохами, а для кого-то мчится, и измерить его можно только прожитыми жизнями. Ты думаешь, сейчас утро? Есть определенная вероятность того, что ты прав: приблизительно одна четвертая. Тем не менее, это утро не имеет никакого смысла, ведь оно там, на поверхности, где больше нет жизни. Во всяком случае, людей там больше не осталось. Имеет ли значение, что происходит наверху, для тех, кто никогда там не бывает? Нет. Поэтому я и говорю тебе «добрый вечер», а ты, если хочешь, можешь ответить мне «доброе утро». Что же до самой станции, у нее и вовсе нет никакого времени, кроме,

пожалуй, одного, и престранного: сейчас четыреста девятнадцать дней, и отсчет идет в обратную сторону.

Он замолчал, потягивая горячий чай, а Артему стало смешно, когда он вспомнил, что на ВДНХ станционные часы почитались как святыня, и любой сбой сразу навлекал на попавшихся под горячую руку обвинения в диверсии и саботаже. Вот удивилось бы начальство, узнав, что никакого времени больше нет, что пропал сам смысл его существования! Рассказанное Ханом вдруг напомнило Артему одну смешную вещь, которой он не раз удивлялся, когда подрос.

– Говорят, раньше, еще когда ходили поезда, в вагонах объявляли: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция такая-то, платформа с правой или с левой стороны», – сказал он. – Это правда?

– Тебе это кажется странным? – поднял брови его собеседник.

– Но как можно определить, с какой стороны платформа? Если я иду с юга на север, платформа справа, но если я иду с севера на юг, она слева. А сиденья в поезде вообще стояли вдоль стен, если я правильно понимаю. Так что для пассажиров это платформа впереди, или платформа сзади, причем ровно для половины – так, а для другой половины – точно наоборот.

– Ты прав, – уважительно отозвался Хан. – Фактически машинисты говорили только от своего имени, они-то ехали в кабине впереди, и для них право было абсолютное право, а лево – абсолютное лево. Но они ведь это и так знали, и говорили, в сущности, сами себе. Поэтому, в принципе, они могли бы и молчать. Но я слышал эти слова с детства, я так привык к ним, что они никогда не заставляли меня задуматься.

– Ты обещал рассказать мне, что случилось с твоим товарищем, – напомнил он Артему через некоторое время.

Артем помешкал немного, сомневаясь, можно ли рассказывать этому человеку о загадочных обстоятельствах гибели Бурбона, о шуме, дважды слышанном им за последние сутки, о его губительном влиянии на человеческий рассудок, о своих переживаниях и мыслях, когда ему удалось подслушать мелодию туннеля, – и решил, что если и стоит кому-то поведать о таких вещах, то только человеку, который искренне полагает себя последним воплощением Чингис Хана и считает, что времени больше нет. Тогда он сбивчиво, волнуясь, не соблюдая последовательности событий, стараясь передать больше оттенки своих ощущений, чем факты, стал излагать свои злоключения.

– Это – голоса мертвых, – тихо промолвил Хан после того, как он завершил свое повествование.

– Что? – спросил Артем потрясенно.

– Ты слышал голоса мертвых. Ты говорил, вначале это было похоже на шепот или на шелест? Да, это они.

– Каких мертвых? – никак не мог сообразить Артем.

– Всех тех людей, что погибли в метро с самого начала. Это, собственно, объясняет и то, почему я – последнее воплощение Чингис Хана. Больше воплощений не будет. Всему пришел конец, мой друг. Я не знаю точно, как это получилось, но на этот раз человечество перестаралось. Больше нет ни рая, ни ада. Нет больше чистилища. После того, как душа отлетает от тела, – я надеюсь, хотя бы в бессмертную душу ты веришь? – ей нет больше прибежища. Сколько мегатонн, беватонн нужно, чтобы рассеять ноосферу? Ведь она была так же реальна, как этот чайник. Как бы то ни было, мы не поскупились. Мы уничтожили и рай и ад. Нам довелось жить в очень странном мире, в мире, в котором после смерти душе предстоит остаться точно там же. Ты понимаешь меня? Ты умрешь, но твоя измученная душа больше не перевоплотится, а поскольку нет больше рая, для нее не наступит успокоение и отдохновение. Она обречена остаться там же, где ты прожил всю свою жизнь, – в метро. Может, я не могу дать тебе точного теософского объяснения того, почему так выходит, но я точно знаю: в нашем

мире после смерти душа останется в метро... Она будет метаться под сводами этих подземелий, в туннелях, до скончания времен, ведь ей некуда больше стремиться. Метро объединяет в себе материальную жизнь и обе ипостаси загробной. Теперь и Эдем, и Преисподняя находятся здесь же. Мы живем среди душ умерших, они окружают нас плотным кольцом – все те, кто был задавлен поездом, застрелен, задушен, сожран чудовищами, сгорел, погиб такой странной смертью, о которой никто из живущих не знает ничего и никогда не сможет даже такое вообразить. Я давно уже бился над тем, куда они уходят, почему их присутствие не ощущается каждый день, почему не чувствуется все время легкий холодный взгляд из темноты... Тебе знаком страх туннеля? Я думал раньше, что это мертвые слепо бредут за нами по туннелям, шаг за шагом, тая во тьме, как только мы оборачиваемся. Глаза бесполезны, ими не различить умершего, но мурашки, пробегающие по спине, волосы, встающие дыбом, озноб, бьющий наши тела, свидетельствуют о незримом преследовании. Так я думал раньше. Но после твоего рассказа многое прояснилось для меня. Неведомыми путями они попадают в трубы, в коммуникации... Когда-то давно, до того, как родился мой отец и даже дед, по мертвому городу, который лежит сверху, протекала речушка. Люди, жившие тогда в нем, сумели сковать эту реку и направить ее по трубам под землей, где она, наверное, течет и по сей день. Похоже, что на этот раз кто-то заточил в трубы саму Лету, реку смерти... Твой товарищ говорил не своими словами, да это и был не он. Это были голоса мертвых, он услышал их в голове и повторял, а потом они увлекли его за собой.

Артем уставился на собеседника и не мог отвести взгляда от его лица на протяжении всего рассказа. По лицу Хана пробежали неясные тени, его глаза словно вспыхивали адским огнем... К концу повествования Артем был почти уже уверен, что Хан безумен, что голоса в трубах, наверное, нашептали что-то и ему. И хотя Хан спас его от смерти и так гостеприимно принял его, оставаться с ним надолго оказывалось неудобно и неприятно. Надо было думать о том, как пробираться дальше, через самый зловещий из всех туннелей метро, о которых ему приходилось слышать до сих пор, – от Сухаревской к Тургеневской и дальше.

– Так что тебе придется извинить меня за мой маленький обман, – после небольшой паузы прибавил Хан. – Душа твоего друга не вознеслась к Создателю, не перевоплотилась и не восстала в иной форме. Она присоединилась к тем несчастным, в трубах.

Эти слова напомнили Артему, что он собирался вернуться за телом Бурбона, чтобы принести его на станцию. Бурбон говорил, что здесь у него есть друзья, которые должны были вернуть Артема обратно в случае успешного похода. Это напомнило ему о рюкзаке, который Артем так и не раскрывал и в котором, кроме обойм к автомату Бурбона, могло обнаружиться еще что-нибудь полезное. Но хозяйничать в нем было как-то боязно, в голову лезли всяческие суеверия, и Артем решил только приоткрыть рюкзак и заглянуть в него, стараясь не трогать там ничего и тем более не ворошить.

– Ты можешь не бояться его, – будто чувствуя его колебания, неожиданно успокоил Артема Хан. – Эта вещь теперь твоя.

– По-моему, то, что вы сделали, называется мародерством, – тихо сказал Артем.

– Ты можешь не бояться мести, он больше не перевоплотится, – сказал Хан, отвечая не на то, что Артем произнес вслух, а на то, что металось у него в голове. – Я думаю, что, попадая в эти трубы, умершие теряют себя, они становятся частью целого, их воля растворяется в воле остальных, а разум иссыхает. Он больше не личность. А если ты боишься не мертвых, а живых... Что ж, вынеси этот мешок на середину станции и вывали его содержимое на землю. Тогда тебя никто не обвинит в воровстве, твоя совесть будет чиста. Но ты пытался спасти этого человека, и он был бы тебе благодарен за это. Считай, что этот мешок – его плата тебе за то, что ты сделал.

Он говорил так авторитетно и убежденно, что Артем осмелился запустить руку в мешок и принялся вытаскивать и раскладывать на брезенте в свете костра содержимое. Там нашлись

еще четыре обоймы к автомату Бурбона, вдобавок к тем двум, что он снял, отдавая оружие Артему. Удивительно было, зачем челноку, за которого Артем принял Бурбона, такой внушительный арсенал. Пять из найденных магазинов Артем аккуратно обернул в тряпицу и убрал в свой рюкзак, а один вставил в укороченный Калашников. Оружие было в отличном состоянии: тщательно смазанное и ухоженное, оно отливало вороненой сталью и заворачивало. Затвор двигался плавно, издавая в конце глухой щелчок, предохранитель переключался между режимами огня чуть туговато – все это говорило о том, что автомат был практически новым. Рукоять удобно ложилась в ладонь, цевье было хорошо отполировано. От этого оружия исходило ощущение надежности, оно вселяло спокойствие и уверенность в себе. Артем сразу решил, что если и оставит себе что-нибудь из имущества Бурбона, то это будет именно автомат.

Обещанных магазинов с патронами калибра 7.62, под свою старую «мотыгу», он так и не нашел. Непонятно было, как Бурбон собирался с ним расплачиваться. Размышляя об этом, Артем пришел к выводу, что тот, может, и не собирался ничего ему отдавать, а, миновав опасный участок, шлепнул бы его выстрелом в затылок, скинул бы в шахту и не вспомнил бы о нем больше никогда. И если бы кто-нибудь спросил его о том, куда делся Артем, оправданий нашлось бы множество: мало ли что может случиться в метро, а пацан, мол, сам согласился.

Кроме разного тряпья, карты метро, испещренной понятными только ее погибшему хозяину пометками, и граммов ста дури, на дне рюкзака обнаружилась несколько кусков копченого мяса, завернутых в полиэтиленовые пакеты, и записная книжка. Книжку Артем читать не стал, а в остальном содержимом рюкзака разочаровался. В глубине души он надеялся отыскать нечто таинственное, может, драгоценное, из-за чего Бурбон так хотел прорваться через туннель к Сухаревской. Про себя он решил, что Бурбон – курьер, может, контрабандист или кто-нибудь в этом роде. Это, по крайней мере, объясняло его решимость пробраться через чертов туннель любой ценой и готовность раскошелиться. Но после того как из мешка была извлечена последняя пара сменного белья и на дне, сколько Артем ни светил, не обнаруживалось больше ничего, кроме старых черствых крошек, стало ясно, что причина его настойчивости была иной. Артем долго еще ломал себе голову, что именно понадобилось Бурбону за Сухаревской, но так и не смог придумать ничего правдоподобного.

Догадки скоро были вытеснены мыслью о том, что он так и бросил несчастного посреди туннеля, оставил крысам, хотя собирался вернуться, чтобы сделать что-нибудь с телом. Правда, он довольно смутно представлял, как именно отдать челноку последние почести и как поступить с трупом. Сжечь его? Но для этого нужно порядочно нервов, а удушливый дым и смрад паленого мяса и горящих волос наверняка просочится на станцию, и тогда неприятностей не избежать. Тащить же тело на станцию тяжело и страшно, потому что одно дело – тянуть за запястья человека, надеясь, что он жив и отпугивая липкие мысли о том, что он не дышит и у него не прослушивается пульс, и совсем другое – взять за руку заведомого мертвеца. И что потом? Так же, как Бурбон солгал по поводу оплаты, он мог соврать и про друзей на станции, ждущих его здесь. Тогда Артем, притащивший сюда тело, оказался бы в еще худшем положении.

– А как вы поступаете здесь с теми, кто умирает? – спросил Артем у Хана после долгого раздумья.

– Что ты имеешь в виду, друг мой? – вопросом на вопрос отозвался тот. – Говоришь ли ты о душах усопших или об их бранных телах?

– Я про трупы, – буркнул Артем, которому эта галиматья с загробной жизнью начала уже порядком надоедать.

– От Проспекта Мира к Сухаревской ведут два туннеля, – сказал Хан, и Артем сообразил: верно, поезда ведь шли в двух направлениях, и всегда надо было два туннеля... Так отчего же Бурбон, зная о втором туннеле, предпочел идти навстречу своей судьбе? Неужели в другом пути скрывалась еще большая опасность? – Но пройти можно только по одному, –

продолжил его собеседник, – потому что во втором туннеле, ближе к нашей станции, просела земля, пол обвалился, и теперь там что-то вроде глубокого оврага, куда, по местному преданию, упал целый поезд. Если стоишь на одном краю этого оврага, не важно, с какой стороны, другого конца не видно, и свет даже очень сильного фонаря до дна не достает. Поэтому всякие болваны болтают, что здесь у нас бездонная пропасть. Этот овраг – наше кладбище. Туда мы отправляем трупы, как ты их называешь.

Артему стало нехорошо, когда он представил себе, что ему придется возвращаться на то место, где его подобрал Хан, тащить назад полубглоданное крысами тело Бурбона, нести его через станцию и потом до оврага во втором туннеле. Он попытался убедить себя, что скинуть мертвеца в овраг, в сущности, то же самое, что бросить его в туннеле, потому что погребением это назвать никак нельзя. Но в тот момент, когда он почти уже поверил, что оставить все как есть было бы наилучшим выходом из положения, перед глазами с потрясающей отчетливостью встало лицо Бурбона в тот момент, когда он произнес: «Я умер», так что Артема прямо бросило в пот. Он с трудом поднялся, повесил на плечо свой новый автомат и выговорил:

– Тогда я пошел. Я обещал ему. Мы с ним договаривались. Мне надо, – и на негнущихся ногах зашагал по залу к чугунной лесенке, спускавшейся с платформы на пути у входа в туннель.

Фонарь пришлось зажечь еще до спуска. Прогрел по ступеням, Артем замер на мгновение, не решаясь ступить дальше. В лицо дохнуло тяжелым, отдающим гнилью воздухом, и на мгновение мышцы отказались повиноваться, как он ни старался заставить себя сделать следующий шаг. И когда, преодолев страх и отвращение, Артем наконец пошел, ему на плечо легла тяжелая ладонь. От неожиданности он вскрикнул и резко обернулся, чувствуя, как сжимается что-то внутри, понимая, что он уже не успеет сорвать с плеча автомат, ничего не успеет...

Но это был Хан.

– Не бойся, – успокаивающе сказал он Артему. – Я испытывал тебя. Тебе не надо туда идти. Там больше нет тела твоего товарища.

Артем непонимающе уставился на него.

– Пока ты спал, я совершил погребальный обряд. Тебе незачем идти туда. Туннель пуст, – и, повернувшись к Артему спиной, Хан побрел обратно к аркам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.